

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2016 – 9 (291)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2016**

***Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем***

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – д-р ист. наук, профессор, шеф-редактор.

Е.Л. Дмитриева – главный редактор, *В.К. Белозёров* – д-р полит. наук, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *А.В. Гордон* – д-р ист. наук, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Н. Сченснович* – отв. секретарь.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке:
Е.С. Хазанов – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. – М., 2016. – № 9 (291). – 136 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

*Издано при поддержке Российского фонда содействия
образованию и науке*

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>В. Комаровский.</i> Формирование национально-государственной идентичности России: Вызовы и риски	5
<i>И. Добаев.</i> Причины, факторы и формы политизации и радикализации ислама, становления современного терроризма в мире и в России	16

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Л. Сагитова.</i> Социальная интеграция мусульман и потенциал светской образовательной системы: Опыт Татарстана	39
<i>Р. Мамраев.</i> Северный Кавказ: Религиозные процессы.....	53
<i>У. Эргешбаев, С. Ешенова.</i> Проблемы внешней трудовой миграции населения Кыргызстана	63

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>А. Хизриев.</i> Внутренняя политика Египта: 5 лет после революции Тахира	72
<i>Е. Дунаева.</i> Политическая система Исламской Республики Иран: Вызовы либеральной модернизации	95
<i>Н. Горбунова.</i> Перманентный кризис в Ливане: Роль этноконфессионального фактора.....	109

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Р. Мухаметов.</i> Перспективы «аль-демократии»: Исламский мир ищет свою дверь в современность	118
<i>А. Закутин.</i> Мировой терроризм: Искусственный страх современности	132

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

В. Комаровский,

доктор философских наук,
заслуженный деятель науки РФ,
профессор кафедры политологии
и политического управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО- ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ: ВЫЗОВЫ И РИСКИ

Специалисты определяют состояние современного мира как «бытие на разломе». Традиции, обычаи, образ мыслей и действий, ценности и нормы – всё то, что позволило человеку и обществу ориентироваться, объединяться, консолидироваться, идентифицироваться, отождествлять себя с себе подобными (или выделять среди других), пришли в движение, потеряли свою прежнюю устойчивость и определенность. Гигантские политические, социальные и информационные изменения, происшедшие на рубеже веков, заставили по-новому взглянуть и на многие проблемы и понятия, долгое время казавшиеся незыблемыми. К их числу, несомненно, относится и идентичность.

Как совершенно справедливо в этой связи заметил Зигмунд Бауман, вместо разговора об идентичностях, унаследованных или обретенных, более уместным и соответствующим реальностям глобализирующегося мира выглядело бы исследование идентификации никогда не заканчивающейся, всегда завершенной, неоконченной, открытой в будущее – деятельность, в которую все мы по необходимости или сознательно вовлечены [Бауман 2002: 192].

Для России, которая немногим более двух десятков лет назад сменила вектор своего общественного развития, задача опре-

деления своей идентичности, вопросы: куда идем, какое общество строим, кто наши союзники, а кто соперники, что нам дорого, каковы наши ориентиры развития, как мы представляем свое будущее, – безусловно, одни из самых актуальных.

Многонациональный и многоконфессиональный состав населения России, увеличивающийся поток эмигрантов, смена поколений, гигантский разрыв между бедными и богатыми, наследие СССР, многие другие факторы делают процесс национально-государственной идентификации России чрезвычайно сложным и актуальным. От того, как идентифицирует себя Россия, какой вектор развития она выберет, в конечном счете, зависят как ее отношения с другими странами и народами, так и внутривнутриполитическая, социальная и духовная жизнь страны, ибо именно макрополитическая идентификация определяет общий смысл жизни нации-государства, служит укреплению солидарности граждан, легитимности политического порядка, задает целостные координаты политических действий.

Идентификация, ясность ориентиров развития, модели будущего, помимо прочего, обладают огромной мобилизующей силой. Невольно вспоминается: «Мы наш, мы новый мир построим». И худо-бедно – строили. Каков же этот «наш новый мир» сегодня, что мы строим? И как? Важность национально-государственной идентификации новой России политическое руководство страны осознало довольно быстро. Уже первый президент России поручил группе интеллектуалов сформулировать национальную идею страны. Итог работы этой группы оказался ничемным, и другим он быть не мог. Никто не снимает с элиты задачи формирования национально-государственной идентичности, но, во-первых, не в отрыве от рядовых граждан. Задача элиты в данном случае – почувствовать, выразить, оформить массовые настроения, устремления, установки и т.д. (в том числе касающиеся прошлого и будущего), разглядеть, что в них соответствует требованию дня, и предложить приемлемые, не вызывающие отторжения ориентиры. Если элита оторвана от народа, она не способна решить эту задачу по определению.

Во-вторых, элита – на то она и элита, чтобы не просто «идти вослед» массам, а видеть глубже, дальше, мыслить перспективно, масштабами будущего страны и мира, реалистично оценивать наличные ресурсы и возможности (а не только предлагать идеи и ориентиры, способные увлечь массы). Ельцинская элита на это не была способна. Ее видение будущего мира и место России

в нем во многом укладываются в ставшее афоризмом выражение героя известного романа Ильфа и Петрова: «Запад нам поможет». Сегодня любому очевидно, как он это делает.

В-третьих, наивно было бы полагать, что «формулу» национально-государственной идентичности можно выработать в директивно определяемые сроки. Это длительный эволюционный процесс, и попытка его подстегнуть, «пришпорить» может привести к непредсказуемым результатам (впрочем, равно как и отсутствие желания или умения запустить процесс идентификации).

В-четвертых, чрезвычайно важен выбор механизма запуска процесса. Необходимы широкое обсуждение проблемы национально-государственной идентичности страны и поиск путей и средств ее формирования. К дискуссиям о ее сущности и содержании должны быть подключены все политические силы, представители самых различных слоев и групп населения, исключая, может быть, только маргиналов. Смыслообразующие для нации элементы идентификации должны быть предметом достигнутого консенсуса. Только это и может обеспечить реальное, а не ситуативное единство и стабильность общества и государства.

В-пятых, необходимо постоянно иметь в виду, что в процесс идентификации включаются (хотим мы того или нет) внешние акторы – как определенные организованные структуры (различного рода иностранные фонды, международные общественные организации), так и выступающие в виде информационных и иных контактов отдельных лиц. Самый яркий пример того, к чему приводит игнорирование названных принципов формирования национально-государственной идентичности, – это кризис, фактически гражданская война на Украине. Несомненно, одна из самых весомых причин его – попытка кардинально переформатировать национально-государственную идентичность, не считаясь с волей и желанием большей части населения страны.

Переформатирование идентичности шло сразу по всем трем кластерам, характеризующим в совокупности содержание идентичности:

- «значимые они»: Россия из дружеского государства превращалась в исторического врага Украины («голодомор» и т.п.);
- переписывание прошлого (Бандера и Шухевич из пособников фашизма превращались в национальных героев);
- создание мифологического образа другого коллективного «мы», генетически и культурно не имеющего ничего общего с русским народом (Украина – не Россия).

Трудно представить себе, как эту конструкцию могут принять жители востока и юга Украины, говорящие в своем большинстве на русском языке и тесно связанные с российской историей и культурой, отцы и деды которых воевали с теми же Бандерой и Шухевичем.

Россия – не настолько расколотая страна, как Украина, но и здесь неизбежно возникают риски идентификации, чреватые большими конфликтами, если не находятся адекватные ответы на современные вызовы. Первый по значимости среди них – выбор главного вектора идентификации.

Одним из ответов на вызовы политической идентичности и идентификации является ее формирование и развитие в рамках концепта «нация-государство» (политическая нация, гражданская нация – Ю. Хабермас, многонародная нация – И. Ильин, В. Тишков – применительно к России). При любом подходе политическая нация – это не государство и население государства – демос и даже не просто гражданское общество. Это еще и общность, скрепленная едиными культурно-ценностными узами, единой гражданской идентичностью.

Определенная ограниченность использования концепта «нация-государство» применительно к России связана с тем, что Россия уже не империя. Поэтому в ряде случаев (не империя, но еще и не политическая нация) более адекватным представляется анализ процессов идентичности (идентификации) в рамках теоретических конструкций макрополитической, национально-цивилизационной идентификации, который исходит из того, что в крупных региональных державах в постимперский период возникают серьезные проблемы в ходе формирования гражданской нации, во многом связанные с альтернативной Западу цивилизационной природой этих стран. Этот тип трансформации обусловлен возможностью компенсировать «недоформированность» национального государства за счет ресурсов культурно-цивилизационной консолидации, обладание которыми выступает ключевым отличительным признаком принадлежности к этому типу. В сфере политической самоидентификации формализм гражданской идентичности дополняется содержательной самоидентификацией с самобытной культурой и «традиционной» цивилизацией. Исходя из этого, общероссийская идентичность может формироваться как

локалистская национально-цивилизационная (полиэтническая цивилизация), скрепленная русским культурным кодом¹.

Исторически «воображаемое сообщество», коллективное «мы» России формировалась как по модели нации-государства, так и особой цивилизации. При этом имперская и национальная идентичности не только не конкурировали, но и дополняли друг друга. Нечто аналогичное наблюдалось и в советский период российской истории. Формула: «советский народ как новая историческая общность» фактически совмещала две модели воображаемого сообщества – идея нации была интегрирована в матрицу цивилизационной идентичности при верховенстве марксистско-ленинской идеологии. Тем не менее гармония составляющих национально-государственной и цивилизационной моделей не была абсолютной.

В разные периоды на передний план выходила то одна, то другая составляющая, что можно было наблюдать даже в короткий (по историческим меркам) постсоветский период. В настоящее время акцент сделан на цивилизационной составляющей идентификации, которая исходит из того, что Россия – это государство-цивилизация, подобно Китаю и Индии. Она занимает особое положение между Европой и Азией, являясь не только промежуточным географическим, но и политическим, социокультурным пространством, органичным образом соединяя в единое целое элементы европейской и азиатской культур, ценностей, политико-государственного и социального устройства. Россия – страна с тысячелетней историей, традициями и обычаями, образом жизни и ментальностью, заданными в том числе ее географией, природой и историей, особенностями национального характера и уклада жизни. Соответственно, Россия не может быть ни Западом, ни Востоком, копируя модели той или другой стороны. У России свой путь. В целом, что важно подчеркнуть, этот посыл, согласно данным многих социологических исследований, принимается большинством российских граждан. Тем не менее остаются несколько проблемных моментов. Вот первый из них. Многие критики указывают, и не без оснований, что достаточной ясности, в чем заключается, состоит этот особый путь, ни у политической, ни у интеллектуальной элиты, ни тем более у населения нет. Если

¹ Путин В.В. 2012. Россия: Национальный вопрос. – Независимая газета. 23.01. Доступ: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (Проверено 25.01.2015.)

употреблять терминологию экономистов, то сегодня «особый путь» – это не договор граждан и власти, а скорее декларация о намерениях. Автор статьи тем не менее не склонен драматизировать ситуацию по этому поводу. Нет сегодня – может появиться завтра. Оснований утверждать, что это в принципе тупиковый путь, нет. Опасность, риски заключаются скорее в другом. При всех разногласиях специалистов относительно сущности цивилизации есть единство в том, что главный смысл понятия цивилизации – это идея независимости, самодостаточности, уникальности. Нам уже приходилось и ранее отмечать, что самое уязвимое место в этой триаде применительно к России как самобытной, особой цивилизации – это самодостаточность [Политическая идентификация... 2010: 6–11]. По многим параметрам Россия действительно самодостаточна (территория, военная мощь, интеллектуальный потенциал населения). Но можно ли говорить о самодостаточности, если экономика страны в такой мере зависит от конъюнктуры цен на внешних рынках на энергоносители? Если внешние игроки буквально в течение двух-трех недель способны обвалить курс национальной валюты и вызвать потребительскую панику в стране? Большой вопрос.

Характерно, что президент России, выступая на ежегодной пресс-конференции в конце декабря прошлого года, в числе факторов, обеспечивающих в будущем рост российской экономики, в первую очередь называл общий подъем мировой экономики. Безусловно, хорошо, что Россия вписана в мировой экономический процесс. Но так же безусловно и то, что в этом процессе Россия с ее двумя с небольшим процентами мирового ВВП не может быть ни дирижером, ни исполнять роль первой скрипки. И дело не только в экономике.

Для того чтобы России в полной мере возродиться как великой державе, стать одним из центров геополитического притяжения, жить и развиваться в соответствии со своей внутренней логикой, диктуемой ее историей, культурой, менталитетом, ценностями, надо прежде всего решить немало и других внутренних проблем. Притязания на особую роль, статус великой державы требуют своего материального, духовного, интеллектуального и т.д. подтверждения. Чтобы быть самостоятельным центром притяжения, надо располагать привлекательными образцами, социальными институтами и технологиями решения проблем современного общества. Как отмечают специалисты, долгое, 500-летнее доминирование в мире (с XV по XX в.) западной цивилизации

объясняется в первую очередь тем, что она смогла освоить и предложить миру шесть инновационных социальных концептов: конкуренцию, трудовую этику, экономическое потребление, современную науку, современную медицину, правопорядок [Fergusson 2011].

В свое время СССР долгое время также был привлекательным образцом не только для стран третьего мира (поскольку показал, как можно быстро модернизировать страну за счет внутренних резервов, не попадая в зависимость от Запада), но и для определенных групп населения Запада, поскольку создал уникальную систему образования, здравоохранения, предвосхитил многие устои, на которых зиждется социальное государство западного типа. Сегодня Россия за редким исключением не располагает такого рода ноу-хау (социальными технологиями), не может продемонстрировать новые оригинальные способы решения актуальных для современного мира проблем.

Для страны, претендующей на роль самостоятельного центра силы, не менее важна и духовная составляющая. Быть центром притяжения для других стран и народов, проводить самостоятельную внешнюю политику не только почетно, но и накладно, поскольку за это нужно платить тем или иным образом. Готов ли на это идти российский народ? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Пока есть основания говорить, что российский народ готов терпеть те экономические невзгоды, которые связаны с санкциями Запада против России и неблагоприятной экономической конъюнктурой. Но по настоящему-то эти невзгоды основная масса населения еще только начинает ощущать. Что будет через пару лет, не спрогнозирует никто.

Сказанное, конечно же, не призыв «заземлиться», отказаться от высоких притязаний. Пафос статьи в другом – притязания должны быть подкреплены реальными делами, а не громогласными заявлениями о своем величии и уникальности. Если мы еще лет 20 будет призывать слезть с «нефтяной иглы», а реально так ничего и не сделаем (поскольку это трудно, бизнес в этом не заинтересован и т.д. и т.п.), то надо признаться себе и другим, что плыть мы можем только по течению, в общем потоке, в том или другом, без притязаний на исключительность, самобытность и величие.

Следующим по значимости вызовом формирования общероссийской идентичности являются национализм и имущественное расслоение. Дело в том, что национально-государственная идентичность не является ни единственной, ни обязательно домини-

нирующей в структуре идентификационных предпочтений населения, тем более отдельных его сегментов, территорий проживания. В политическую науку прочно вошло понятие многоуровневой, многосоставной идентичности (этнокультурная, региональная, религиозная идентичности). Любая из социальных идентичностей при определенных обстоятельствах вторгается в политическую сферу, претендуя на ведущую роль. Регионы России в ряде случаев резко отличаются друг от друга по целому ряду параметров, имеющих основополагающее значение для формирования единой общероссийской идентичности: национальному составу населения, религии, уровню и образу жизни, типу социальных связей, обычаям и традициям. Немалая часть жителей национальных республик идентифицируют себя, прежде всего, как носителей определенного этнического начала [Жаде и др. 2010]. В последние годы оживились националистические настроения и среди русского населения страны, о чем, в частности, говорят демонстрации под лозунгом «Россия – для русских». Эти лозунги находят отклик у значимого сегмента русскоязычного населения. Особую остроту национальной проблеме придает тот факт, что довольно часто национальный фактор, национальные различия пересекаются с имущественными и регионально-поселенческими.

В 90-х годах прошлого столетия известный российский ученый, академик Т. Заславская говорила о двух Россиях, живущих фактически в различных мирах. Ныне специалисты говорят уже о «четырех Россиях» [Зубаревич 2011]. Одна из этих «четырех Россией» – это республики Северного Кавказа и Юга Сибири. Здесь национальные, религиозные, социальные, имущественные различия с остальной Россией столь велики, что даже общий вектор развития этих республик резко отклонился в сторону. Обратимся по этому поводу к выводам специалистов Северо-Кавказского государственного университета, для которых эта проблематика близка как никому другому.

«На Северном Кавказе в результате демодернизационных процессов постсоветского времени возник глубинный социокультурный раскол на сохраняющие модернизационные устремления “русские” края и области и все более архаизирующуюся часть региона – “национальные” республики Северного Кавказа.

Архаизация региона (...) возродила многие, казалось бы, уже начавшие уходить в прошлое социальные институты, такие как этнокланы. Резко возросла роль религии в жизни северокавказского социума... Этничность из сферы идентичности устойчиво проникла

во все сферы жизни общества, превратившись в важнейший социально-политический институт на Северном Кавказе. Произошла политизация этничности, что во многом объясняет тенденцию роста национализма на фоне снижения остроты сепаратизма» [Российская... 2014: 69–70].

Как убедительно показал профессор В.А. Ачкасов в своем докладе «Этнополитический конфликт как конфликт идентичности» на Всероссийской научной конференции РАПН (ноябрь 2014 г., г. Москва), чрезмерное «педалирование» значимости этнических различий не только не способствует консолидации общества в целом, но и приводит к формированию замкнутых на себя групп. Конструирование на этой основе негативных идентичностей становится реальным основанием отчуждения групп друг от друга и возникновения этнополитических конфликтов. Вполне понятно, что решение проблем «четвертой России» требует реализации целого комплекса мер, обсуждение которых (экономических, к примеру) далеко выходит за рамки данной статьи, за исключением мер одного рода, связанных с разработкой и реализацией культурной политики. Как, на наш взгляд, совершенно справедливо отмечает глава Дагестана Рамазан Абдулатипов, «в нынешних условиях состояние культуры страны и культурной идентичности граждан – это еще и вопрос суверенитета России как государства, нации». И одновременно он отмечает разрыхление общего культурного пространства страны, ослабление русского культурного кода, работы по культурной интеграции регионов и народов страны, что приводит к неопределенности культурной идентичности граждан и ослаблению культурного суверенитета государства¹.

Второй проблемный момент касается того, что такое русский культурный код. В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной президентом в декабре 2012 г., употребляется другой термин – «российская культура». Чрезмерное акцентирование русского начала в культуре страны (даже если к русским относить человека любой национальности, считающего себя таковым, говорящим и думающим на русском языке), как это записано в Декларации XVIII Всемирного русского собора, может вызвать негативную реакцию у представителей других народов, особенно если

¹ Абдулатипов Р. 2014. Культурный код многонациональной России. – Известия. 17.12. Доступ: <http://izvestia.ru/news/580931> (Проверено 25.12.2015.)

подчеркивается исключительно связь этой культуры с православным христианством.

Следует исходить из того, что в идеале русская культура является таковой скорее по форме, языку. В своем содержании она отражает многовековой опыт сотворчества всех народов страны. Немало подтверждений этому прозвучало на X Международном мусульманском форуме (Москва, 10–12 декабря 2014 г.), на котором представители различных конфессий продемонстрировали общность подходов к укреплению независимости России, взаимодействию культур и формированию национально-государственной идентичности страны. Это, конечно, не означает, что проблему взаимоотношений культур и конфессий народов России можно снять с повестки дня и не учитывать их разнонаправленное в ряде случаев воздействие на формирование общероссийской идентичности. Эта проблема стоит не только перед Россией, но даже перед таким унитарным государством, как Франция, равно как и перед многими другими государствами мира [Тишков 2012].

Большое негативное воздействие на формирование общероссийской идентичности оказывает чрезмерное социальное расслоение. По официальным данным Росстата, доходы 10% самых бедных и самых богатых россиян разнятся в 15–16 раз, а по неофициальным данным – в 25–30 раз. Для сравнения: в Скандинавских странах разница составляет 3–4 раза, в Великобритании – 6–7. Вот как в свое время комментировали эту ситуацию специалисты Института социологии РАН: «...во многих европейских странах, если подобная цифра зашкаливает за отметку “8”, собирается чрезвычайная сессия парламента и обсуждает, как сблизить края “зияющей раны” и притушить назревающий социальный конфликт. В России все спокойны. Для наших политиков ничего экстраординарного в таких цифрах нет. Почему? А потому, что взрыв действительно не происходит. Дело в том, что каждая социальная страта российского общества научилась жить своей внутренней жизнью, не обращая на остальных внимания» [Свобода... 2007: 12]. Но если каждая страта живет сама по себе, не обращая внимания на других, о каком ощущении себя частью целого единого общества и государства может идти речь? В подготовленном позже докладе специалисты этого института отмечают, что нынешняя система представляется большинству несправедливой, поскольку не обеспечивает социальные права граждан, заявленные в Конституции, допускает возможность чрезмерного уровня неравенства доходов между богатыми и бедными; не обеспечивает

реально равных стартовых возможностей, что ведет к утрате чувства личной связи с государством, нарастанию отчуждения, атомизации российского общества, размывает важнейшие консолидирующие, консенсусные для всех слоев и групп начала – справедливость и восприятие государства как общего дела [Горшков, Тихонова 2013].

В заключение следует особо подчеркнуть, что разрывы материального и социального положения формируют отличающиеся образы и стили жизни, что, согласно новейшим разработкам теории социологии жизни (в трактовке ряда авторов «Социологии повседневной жизни»), является решающим фактором консолидации групп, общин и общества в целом, формирования атмосферы доверия, соучастия и солидарности [Штомпка 2012: 38]. В конечном счете эти разрывы и сформировали «четыре России», о которых упоминалось выше, со всеми вытекающими отсюда рисками и угрозами национально-государственной идентичности. Последний из наиболее значимых вызовов российской национально-государственной идентичности связан с глобализацией. Сегодня уже никого не надо убеждать, что глобализация как несет для любой страны риски и угрозы, так и открывает новые возможности. В ракурсе задач данной статьи глобализация и связанная с ней открытость миру позволяют стране включиться в процесс формирования глобальной этики, освоения культурных и иных достижений других стран и народов и т.д.

Одновременно новые коммуникационные технологии, преодолевающие национальные границы, открывают возможности целенаправленного воздействия на процессы национально-государственной идентичности и переформатирования в желательном для иностранного актора направлении. И что еще более важно в интересующем нас плане: доступность продуктов материальной и духовной культуры других стран (прежде всего, западных) для достаточно широких слоев населения. Контакты и общение не только удовлетворяют определенные потребности населения, но и формируют в значительной мере соответствующее отношение к миру, ценностям и образу жизни [Ратников 2014]. Лидер КПРФ Геннадий Зюганов назвал недавно россиян «нацией победителей». Ему возразили: Зюганов не заметил, как нация победителей превратилась в нацию потребителей. И определенные основания для такого рода возражений имеются. Влияние Запада на формирование потребительских настроений россиян очевидно. А это, пусть и не всегда прямым образом, влияет на формирование

идентичности россиян. Сейчас стало модным напоминать, что кризисы, вызовы в китайском языке обозначаются двумя иероглифами – как угроза и как возможность. И какая из двух констатаций вызова идентичности станет ведущей, зависит от нас самих.

Литература

1. Бауман З. 2002. Индивидуализированное общество. – М.: Логос. – 390 с.
2. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. 2013. Мечты россиян и реальность демоскопии. – Полис (Политические исследования). – № 5. – С. 7–26.
3. Жаде З.А., Куква Е.С., Ляушева С.А., Шадже А.Ю. 2010. Российская идентичность на Северном Кавказе. – М.: Социально-гуманитарные знания; Май-коп: ООО «Качество». – 247 с.
4. Зубаревич Н. 2011. Четыре России. – Ведомости. 30.12. Доступ: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii (Проверено 25.01.2015.) Политическая идентификация России: Состояние, проблемы, перспективы. – М., 2010. – 53 с.
5. Ратников В.П. 2014. Некоторые проблемы кросскультурных номинаций в эпоху глобализации. – Вопросы национальной идентичности в контексте глобализации (под ред. А.Н. Чумакова). – М.: Проспект, 2014. – 144 с.
6. Российская цивилизация: В поиске новой идентичности: коллективная монография. – Ставрополь, 2014. – 199 с.
7. Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России (под ред. М.К. Горшкова). – М.: Российская газета, 2007. – 444 с.
8. Тишков В.А. 2012. О главных акторах цивилизационного диалога. Культурное и языковое разнообразие современных наций. – Полис (Политические исследования). – № 5. – С. 77–85.
9. Штомпка П. 2012. Доверие – основа общества. – М.: Логос. – 445 с.
10. Fergusson W. 2011. Civilization: The West and the Rest. – N.Y. – 320 p.
«Власть», М., 2016 г., № 3, с. 20–27.

И. Добаев,

доктор философских наук, профессор,
Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

ПРИЧИНЫ, ФАКТОРЫ И ФОРМЫ ПОЛИТИЗАЦИИ И РАДИКАЛИЗАЦИИ ИСЛАМА, СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА В МИРЕ И В РОССИИ

В XVI в. европейцы совершили научную революцию, которая дала им больший контроль над окружающей средой, чем кому-либо прежде. Произошли новые открытия в науке, медицине, мореплавании, сельском хозяйстве и промышленности. Ни одно из

них не было решающим, но их совокупный эффект был радикальным. К началу XVII в. новшества приобрели такой масштаб, что прогресс казался необратимым: открытие в одной области часто вело к новым достижениям в другой. К тому времени как это техническое обновление общества закончилось индустриальной революцией XIX в., модернизация повлекла за собой социальные, интеллектуальные и иные перемены. Прогрессивный характер западного общества и промышленно развитой экономики подразумевал, что данное общество должно непрерывно расширяться. Необходимы были новые рынки, и как только собственно западные страны насыщались, их надо было искать в других международных регионах. Как следствие, западные страны приступили к процессу колонизации. Исламский мир был так обширен и стратегически удачно расположен, что первым подвергся всеобщей, систематической колонизации Западом – на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии, существенной части Африки.

Как подчеркивает всемирно известная писательница, журналистка и специалист по мировым религиям Карен Армстронг, европейское вторжение в исламский мир началось в могольской Индии. Во второй половине XVIII в. британские торговцы утвердились в Бенгалии. Экономическое разграбление Бенгалии привело к тому, что в конце XVIII – начале XIX в. посредством соглашений или военных захватов британское владычество было установлено по всей Индии, кроме долины Инда, которая была покорена в середине XIX в. В последующем европейские силы колонизировали одну исламскую страну за другой. Франция захватила Алжир в 1830 г., Британия – Аден девять лет спустя. Тунис был оккупирован в 1881 г., Египет – в 1882 г., Судан – в 1889 г., а Ливия и Марокко – в 1912 г. В 1916 г. соглашение Сайкса – Пико разделило территории умирающей Османской империи (которая примкнула к Германии во время Первой мировой войны) между Великобританией и Францией. После завершения войны Великобритания и Франция установили протектораты и мандаты в Сирии, Ливане, Палестине, Ираке и Трансиордании. Арабы расценили это как произвол, поскольку европейцы прежде обещали арабским областям Османской империи независимость¹.

¹ Армстронг К. Ислам: Краткая история от начала до наших дней. – М., 2011. – С. 201–203.

Именно в этот период антиколониальный протест местного населения облекается в зеленые цвета ислама, происходит зарождение и постепенная институционализация современного исламистского движения. В декабре 1928 г. в Египте студентами-исламистами создается неправительственная религиозно-политическая организация «Братья-мусульмане» (БМ), которую можно назвать первой современной структурой радикал-исламистов. Уже в 30–40-е годы на Ближнем, а в 50-е годы на Среднем Востоке появились зарубежные филиалы египетского «Братства». После роспуска БМ в Египте эти филиалы превратились в автономные организации, не имевшие ни достаточного опыта политической деятельности, ни подготовленных кадров, а потому неспособные поначалу развернуть широкомасштабную борьбу за практическую реализацию своих политических идей. Однако сегодня самостоятельные и набравшиеся опыта организации «Братьев-мусульман» существуют во многих мусульманских странах: в Саудовской Аравии, Сирии, Иордании, Палестинской автономии, Кувейте, Судане, Тунисе, Марокко и т.д. «Братья» стали активными участниками политической жизни в ряде мусульманских стран – Иордании и Судане, Египте и Афганистане и т.д. В то же время в движении выделилось экстремистское крыло, которое ныне представлено множеством групп, развязавших террор против существующих в мусульманских странах режимов¹.

Вторая мировая война привела в действие процесс деколонизации во всем мире, в том числе и в мусульманских странах. Однако даже после того как некоторые из стран Арабского Востока стали независимыми, Запад зачастую продолжал управлять их экономикой, нефтедобычей или такими ресурсами, как Суэцкий канал.

Вместе с тем послевоенный передел мира официально закрепил позиции нового гегемона Запада – Соединенные Штаты, которые, развернув широкую экспансию на Ближнем и Среднем Востоке преимущественно за счет своего главного союзника Великобритании, существенно упрочили здесь свои позиции. Главной целью для США, помимо геостратегических и геополитических приоритетов, диктовавшихся реалиями сложившейся биполярной системы разделения мира, являлись гигантские запасы нефти, прежде всего в зоне Персидского залива, исключительное

¹ См. об этом: Добаев И.П. Политические институты исламского мира: Идеология и практика. – Ростов-на-Дону, 2001.

стратегическое значение которой стало очевидным в ходе минувшей войны и в послевоенные годы. В этой связи американцы предпринимали усилия по укреплению своего влияния в этом регионе, для чего поддерживали монархии Аравийского полуострова, всячески пытались усилить позиции в богатых нефтью Иране и Ираке. Летом 1953 г. спецслужбы США и Великобритании организовали в Иране государственный переворот, который привел к власти в этой стране проамериканский режим шахской династии Пехлеви и открыл Соединенным Штатам доступ к иранской нефти. Серьезным влиянием американцы пользовались и в Ираке, вплоть до революции 1958 г. в этой стране, приведшей к власти антиамериканский «баасистский» режим.

Однако повсеместно на Ближнем и Среднем Востоке, в странах Северной Африки американцы, прежде всего военные, вели себя бесцеремонно, вызывая, не считаясь с традициями и ценностями местного мусульманского населения. В результате постепенно, но неуклонно в регионе стали нарастать устойчивые антиамериканские настроения. В том числе и по этой причине в 1978 г. в Иране, который США считали своим союзником, «островом стабильности в беспокойном регионе» (по выражению президента Дж. Картера), начались неожиданные для многих, включая американцев, массовые политические выступления против правящей монархии. Ее свержение в феврале 1979 г., провозглашение Ирана исламской республикой, его выход из военного пакта СЕНТО, в результате чего этот блок распался, захват молодыми исламскими активистами американского посольства в Тегеране, безусловно, ослабило позиции США в регионе¹. В самом Иране к власти пришел клерикальный режим, который не только создал государство по исламской модели, но и взялся за экспорт идей и практики «исламской революции» за пределы своей страны.

Вследствие такой политики новых иранских властей на Ближнем и Среднем Востоке возникли религиозно-политические организации, на идеологию и практику которых в значительной степени повлияли события, связанные с «исламской революцией» в Иране и последовавшим ее экспортом в другие мусульманские страны. В частности, среди религиозно-политических организаций, ведущих ожесточенную борьбу с Израилем и использующих в своих идеологических установках иранскую концепцию «ислам-

¹ Добаев И.П. Кавказский макрорегион в фокусе геополитических интересов мировых держав: История и современность. – Ростов н/Д., 2007. – С. 31.

ского правления», в качестве наиболее убедительного примера можно назвать палестинскую «Джихад ислами» и ливанскую «Хезболла».

В апреле 1978 г. в соседнем с Ираном Афганистане в результате военного переворота к власти пришел просоветский режим Н.М. Тараки, а в декабре 1979 г. советское руководство, поддавшись на провокации американцев, давших понять о своем намерении военным путем решить «афганский вопрос», ввело «ограниченный воинский контингент» на территорию соседнего, дружественного государства. Следует подчеркнуть, что об этом к Москве неоднократно обращались с просьбами лидеры нового кабульского режима, включая Х. Амина. Растянувшееся почти на девять лет советское военное присутствие (27 декабря 1979 г. – 15 февраля 1989 г.) имело геополитические последствия глобального значения. Оно не только обострило гражданскую войну в Афганистане, мобилизовало вооруженную оппозицию правящему квазимарксистскому режиму, усилило в ней радикальные исламистские элементы, но и спровоцировало координацию антисоветских действий ряда стран и международных организаций. В этих дипломатических, финансовых, агентурных и военных операциях и информационной войне против СССР наряду с США, их западными союзниками и Китаем, принимали участие Пакистан, Саудовская Аравия, Иран и другие исламские страны, что привело к резкому возрастанию роли «исламского фактора» в региональной и глобальной политике, его политизации и радикализации. Впервые после антибасмаческих операций 1920–1930 гг. в Средней Азии боевые действия советских войск в Афганистане были представлены миру как «война безбожного коммунизма против ислама»¹.

Следует подчеркнуть, что исламистские группировки в Афганистане, находившиеся под идейным влиянием «Братьев-мусульман», возникли в молодежно-студенческой среде еще в годы правления последнего афганского короля Захир-шаха (1933–1973), развились в годы республиканского руководства Дауд-хана (1973–1978) и сыграли весомую роль в борьбе против местного «марксистского» режима и советского присутствия в этой стране. Наиболее известными и значимыми явились афганские группировки «Братьев», позднее преобразованные в ислам-

¹ Добаев И.П. Кавказский макрорегион в фокусе геополитических интересов мировых держав: История и современность. – Ростов н/Д., 2007. – С. 33.

ские партии – «Исламская партия Афганистана» во главе с пуштуном Г. Хекматъяром и «Исламское общество Афганистана», лидером которой стал таджик Б. Раббани. Отсюда усматривается то, что радикальное движение в исламской оболочке изначально в Афганистане не было монолитным, но сепарированным по этническому принципу «пуштуны – не пуштуны», что, безусловно, ослабляло его. Для преодоления этого состояния понадобилась интегристская идеология «чистого ислама», которая на афганскую территорию была в годы «джихада» привнесена извне.

В ходе афганской войны сформировался исламский экспедиционный корпус численностью примерно в 25 тыс. человек, деятельность которого в Афганистане направляло «Бюро по обслуживанию муджахедов» («Мактаб хидамат аль-муджахидин»). Его первым руководителем был палестинец Абдалла Азам, а после его гибели – небезызвестный Усама бен Ладен. Впоследствии руководимых им боевиков стали обобщенно называть «арабами-афганцами». Представляется важным подчеркнуть, что позднее на базе структуры «арабов-афганцев» возникла организации «Аль-Каида» («Основа»).

Идеологически зарубежные муджахеды обрабатывались в духе идеологом, облеченных в форму концепции «Симпатии и антипатии» («Аль-валяя ва-ль-бараа»), базирующейся на идеологических конструктах, разработанных в XVIII в. М. Ибн-Абд-аль Ваххабом из аравийского Неджда (Неджд – ныне одна из провинций Королевства Саудовская Аравия)¹. Основными положениями данной концепции явились своеобразно интерпретируемые общемусульманские понятия – «такфир» (обвинение в куфре, т.е. неверии) и «джихад» (священная война за веру). В отрыве от мусульманской ортодоксии, этот «такфир» провозгласил «врагами ислама» не только всех немусульман, но и тех мусульман, «которые подчиняются неверным, общаются с ними, не согласны с идеями ваххабитов, например с их трактовкой джихада»². При этом «джихад» ими понимался исключительно в узком смысле – как вооруженная борьба с «врагами ислама»³. По-ваххабитски

¹ Добаев И.П. Идеологические конструкты радикального исламизма // Гуманитарий Юга России. – 2015. – № 2. – С. 121–129.

² Игнатенко А.А. Самоопределение исламского мира // Ислам и политика. – М., 2001. – С. 14.

³ Добаев И.П., Круглова А.Ю. Идеологические основы радикального исламизма // Философия права. – 2015. – № 2 (69). – С. 15–19.

понимаемая идея такфира понадобилась для того, чтобы оправдать вооруженную борьбу моджахедов против афганцев-мусульман, которые с оружием в руках защищали режим Демократической Республики Афганистан.

После вывода советских войск из Афганистана в феврале 1989 г. Афганистан практически сразу погрузился в пучину кровавой борьбы различных группировок моджахедов за власть, к которой они пришли в 1992 г. в результате падения просоветского режима Наджибуллы. В 1994 г. им на смену пришли талибы – ставшие боевиками учащиеся многочисленных пакистанских деобандийских медресе. Уже осенью 1996 г. талибы, нанеся поражение моджахедам, создали новое государство – Исламский Эмират Афганистан во главе с «амер аль-муминином» («повелителем правоверных» – титул халифа) муллою Омаром, отбросив страну в ее социально-экономическом и политическом развитии на несколько столетий назад. Они захватили большую часть Афганистана, контролируя полностью или частично большинство провинций, а в 2001 г. их власть распространялась уже на 95% территории страны. К этому времени на афганской территории обосновался и Усама бен Ладен со своими моджахедами – «арабами-афганцами». Анализ событий, происходивших в 90-е годы XX в., как верно подчеркивает А.А. Игнатенко, показывает, что правящие режимы в тех странах, выходцами которых были возвращавшиеся «афганцы», сделали все для того, чтобы те не осели на родине. В результате «афганцы» стали возвращаться в Пакистан, а также в Афганистан – на территории, контролируемые движением «Талибан»¹. В феврале 1998 г. в афганском Кандагаре У. бен Ладену удалось объединить вокруг «Аль-Каиды» ряд экстремистских исламистских группировок, создав «Всемирный исламский фронт борьбы с иудеями и крестоносцами», получивший известность как «Мировой фронт джихада» (МФД)², опиравшийся на поддержку «Талибана». МФД представлял собой не слишком жесткую иерархическую структуру радикальных исламистов, в состав которой входили группировки, выстроенные в большей степени по сетевому принципу. Таким образом, сложился мощный и опасный ваххабитско-талибский альянс.

¹ Игнатенко А.А. Указ. соч. – С. 15.

² Добаев И.П. Политические институты исламского мира: Идеология и практика. – Ростов н/Д., 2001. – С. 64.

Сегодня ни для кого не является секретом то, что движение талибов было создано Пакистаном, Саудовской Аравией и Соединенными Штатами. Американцы поначалу достаточно активно поддерживали «Талибан», однако положение радикальных исламистов на международной арене становилось все более маргинальным. Предоставление ими убежища Усаме бен Ладену, подготовившему теракты 11 сентября 2001 г., стало формальным поводом американского вторжения в Афганистан. Военная операция в Афганистане, получившая название *Enduring Freedom* («Несокрушимая свобода»), администрацией США, многими западными экспертами и СМИ была признана безусловным успехом. Однако американские Вооруженные силы и войска союзников, в той или иной мере, находятся на афганской земле почти 15 лет, и за этот период так и не сумели решить «афганский вопрос».

В этот период происходил сложный процесс фрагментации террористического движения в регионе и в мире. В результате сегодня «миру угрожает новый вид терроризма, движущей силой которого стали состоящие из фанатиков сетевые структуры»¹. В самом общем виде современное террористическое движение можно представить в виде совокупности целого ряда, сетевым образом организованных, кластеров радикальных исламистов. При этом каждый из этих кластеров состоит из множества сетевых террористических группировок, которые связаны общностью идеологий и целей. В этой связи, несмотря на ликвидацию Усамы бен Ладена в мае 2011 г., деятельность террористических группировок не прекращается, а порой даже усиливается. Оценивая деятельность в Исламской Республике Афганистан (ИРА) США и их союзников по НАТО, начиная с 2001 г. по настоящее время, вряд ли можно всерьез говорить об успехах в борьбе с терроризмом и наркобизнесом в этой стране. Скорее наоборот: «...количество совершенных терактов, численность экстремистских сетей, способных создавать террористические угрозы, за период пребывания иностранного контингента на территории Афганистана не только не снизилось, а наоборот, возросло. Введенные в регион иностранные войска, которые отказывались бороться с проблемой выращивания и распространения опиатов, позволили террористическим организациям

¹ Сейджман Марк. Сетевые структуры терроризма. – М., 2008. – С. 7.

иметь постоянный доход от реализации наркотических средств»¹. Более того, после вывода из страны основной массы американских военных и их союзников в настоящее время талибы вновь контролируют большую часть территории Афганистана. В то же время до сих пор не установлены истинные организаторы террористических атак на цели в Вашингтоне и Нью-Йорке в 2001 г. Отсюда следует, что главной целью вторжения войск США и их союзников в Афганистан явились геополитические императивы и намерения геополитического переструктурирования региона в рамках озвученного несколько позднее американцами крупного геополитического проекта «The Greater Middle East». Неудивительно поэтому, что американское военное присутствие в Афганистане, как отмечают представители высших военных кругов США, останется до неопределенного времени и после основного вывода оккупационных войск².

Геополитическими причинами можно объяснить и современные иракские войны. Развал Советского Союза в 1991 г. разрушил биполярную структуру международных отношений, предоставив своим геополитическим оппонентам свободу рук практически повсеместно, включая и мусульманские страны. С 17 января по 3 марта 1991 г., в ответ на спровоцированную американцами оккупацию Ираком Кувейта, прошла операция «Буря в пустыне», завершившаяся быстрым освобождением Кувейта и фактическим упразднением контроля Багдада над иракским Курдистаном. В августе 1998 г., после того как Багдад отказался допустить инспекторов ООН на территорию страны, США и Великобритания начали операцию «Лиса в пустыне», целью которой было уничтожение иракских военных объектов. Воздушные налеты приобрели регулярный характер. Тем не менее первоначально Вашингтон не стремился к свержению режима, поскольку альтернативой диктатуре С. Хусейна могло быть только правление шиитов. Этот решительный шаг американцами был сделан только в марте 2003 г., когда Соединенным Штатам удалось менее чем за месяц победить в войне и свергнуть режим Саддама Хусейна. Однако в последующем американцам пришлось решать сразу две

¹ Дьяконова М.А. Современное положение Афганистана в XXI веке // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2012. – № 2. – С. 205.

² Америка не борется с угрозами терроризма и наркотиков. Она их создает! [Электронный ресурс]. URL: <http://army-news.ru/> (Дата обращения 21.09.2013.)

основные проблемы: бороться с терроризмом и упорядочивать политические процессы внутри Ирака.

За время, прошедшее с начала конфликта, иракские повстанцы превратились в серьезных и опытных противников, к противоборству с которыми американские войска не были готовы. Боевики-террористы использовали все более мощные взрывные устройства, в том числе управляемые на расстоянии, сконструированные по образцу тех, которые были впервые применены «Хезболлой» на юге Ливана, что вело к увеличению человеческих и материальных потерь американской армии. Чтобы избежать этой тенденции, американцы провели перегруппировку своих войск. Они вывели военных из городов в специально созданные вне их пределов военные базы, превратившиеся в настоящие осажденные крепости. Одновременно в целях снижения потерь среди военнослужащих было ограничено передвижение войск и сокращение числа вылазок в населенные пункты. Точечные удары, в основном, были сконцентрированы по так называемому «суннитскому треугольнику» и повстанческим зонам, прежде всего вдоль границ с Сирией.

Что касается изменения политической системы Ирака, то после крушения авторитарного режима Саддама Хусейна в стране были сконструированы регионы (на севере – курдские, на юге и юго-востоке – шиитские), которые благодаря вмешательству США и союзников получили определенную автономию. Именно на их поддержку рассчитывали США, и в целом не ошиблись. После выборов в январе 2005 г., в результате которых большинство в Национальной ассамблее досталось шиитам и курдам, проведенный 15 октября 2005 г. референдум утвердил новую конституцию, провозгласившую Ирак федеративным децентрализованным государством, провинции которого получили значительную автономию в противовес ослабленному центру. В результате государство, основанное на этноконфессиональных противоречиях, не может быть прочным, что в состоянии в перспективе привести даже к развалу Ирака. Тем не менее американцы считают позитивным вектор развития ситуации в Ираке, вывели свои войска из этой страны, хотя американское военное присутствие здесь и сохранилось. Несмотря на это террористические группировки в Ираке продолжают действовать, унося все новые жизни граждан страны, и конца этому пока не видно. Вместе с тем зарубежные моджахеда, воевавшие в Ираке, стали стягиваться в новые «горячие точки», появившиеся на карте региона в связи с реформаторским

зудом американского истеблишмента, нацеленного на переформатирование «Большого Ближнего Востока» путем инспирации здесь «цветных революций».

Драматические события, начавшиеся в декабре 2010 г. с массовых протестов в Тунисе и впоследствии получившие название «арабская весна», стали возможны, прежде всего, в связи с накоплением критической массы внутренних конфликтогенных факторов во многих государствах Северной Африки и Ближнего Востока¹. Вместе с тем, по нашему мнению, так называемая «арабская весна» представляет собой цепь «цветных революций» – прозападных, а чаще – проамериканских переворотов, инспирируемых в той или иной стране в интересах Запада (США) с использованием инструментария сетевых войн. Важным субъектом «цветных путчей» выступает внешний игрок, опирающийся на уже созданные внутри той или иной страны западные и прозападные неправительственные организации. «Внешний игрок» во всех известных «цветных революциях» даже в роли собственно наблюдателя оказывал воздействие на происходящие преобразования и организовывал широкую общественную и дипломатическую поддержку путчистам. Он непосредственно или косвенно участвовал как в нейтрализации власти (принуждая отказываться от активного противодействия), так и в стимуляции и организации действий оппозиции². Спектр его действий достаточно широк: от проведения информационных войн – через использование экономических рычагов и санкций – до непосредственного участия в боевых действиях. Все эти элементы «сетевых войн» были применены Западом в ходе начавшегося переструктурирования Арабского Востока.

Начиная с 1970-х годов особенностью общественно-политических процессов на Ближнем Востоке и в Северной Африке являлся рост влияния политического ислама. Теперь, пройдя период созревания, в ответственный момент исламисты показали себя наиболее организованной силой, которая претендует на то, чтобы определять будущее региона³. Ликвидация светского режима

¹ Шлыков П. Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны». [Электронный ресурс]. – URL: <http://perspektivy.info> (Дата обращения 07.12.2012.)

² Добаев И.П., Добаев А.И. Терроризм и антитеррористическая деятельность в Российской Федерации. – Ростов н/Д., 2011. – С. 115.

³ Демченко А. «Арабская весна» и политика России в Ближневосточном регионе. [Электронный ресурс]. – URL: <http://perspektivy.info> (Дата обращения 15.09.2012.)

Саддама Хусейна в Ираке, создание палестинского исламистского квазигосударства в секторе Газа под властью ХАМАС, рост популярности шиитской «Хезболлы» в Ливане, ликвидация в ходе «арабской весны» светских режимов в Тунисе, Египте, Ливии, серьезное ослабление позиций Башара Асада в Сирии внесли серьезные деформации в региональный политический процесс. Ситуацию здесь усугубляет наличие застарелых проблем, в числе которых: конфликты между Палестиной и Израилем, Северным и Южным Суданом, курдский сепаратизм, напряженность в Афганистане (которая неуклонно усиливается после вывода основной массы войск США), нестабильность в Пакистане и т.д.

Следует признать, что процессы, вызванные «арабской весной», находятся в постоянной динамике. В настоящее время происходит разрушение старых властных структур и мощное выдвижение на авансцену политического ислама¹.

В колыбели современной арабской революции – Тунисе – в результате первых после свержения режима Бен Али свободных парламентских выборов, состоявшихся 23 октября 2011 г., наибольшее количество мест (90 из 217) завоевала исламистская партия «Нахда» («Возрождение»). Ее лидер Рашид Ганнуши – видный идеолог политического ислама, а генеральный секретарь – Хамади Джебали, который в результате победы «Нахды» на выборах занял пост премьер-министра Туниса. В последнее время в стране усиливают свое влияние салафиты (исламские фундаменталисты), которые претендуют на политическое лидерство, требуя построения исламского государства и введения законов шариата. Исламизация вызывает раскол в тунисском обществе, часть которого выражает недовольство исламизацией общественно-политической жизни и намечающимся отказом от результатов секуляристских реформ, осуществленных при прежних режимах.

В Египте после краха режима президента Х. Мубарака наиболее организованной и влиятельной политической силой стали «Братья-мусульмане», позиционирующие себя как умеренных исламистов, политическая программа которых провозглашает общедемократические цели. На парламентских выборах в ноябре 2011 г. наибольшее число депутатских мест (42%) получила «Партия свободы и справедливости», являющаяся политическим крылом «Братьев-мусульман», а второе место заняла партия «Свет»

¹ Долгов Б.В. Развитие «арабской весны»: Предварительные итоги. [Электронный ресурс]. – URL: <http://perspektivy.info> (Дата обращения 02.11.2012.)

(«ан-Нур»), представляющая салафитское движение (позже парламент был распущен по инициативе военных и по решению Конституционного суда Египта). В результате президентских выборов, прошедших в мае-июне 2012 г. победу одержал Мухаммед Мурси, один из лидеров «Братьев-мусульман», председатель «Партии свободы и справедливости». М. Мурси вскоре отправил в отставку руководителей Высшего совета Вооруженных сил во главе с маршалом Тантави и фактически взял на себя функции как исполнительной, так и законодательной власти до избрания нового парламента. Только решительная позиция египетских военных не позволила превратить эту страну в исламистское государство: ныне движение «Братьев» находится под запретом, а М. Мурси под арестом и следствием.

В Ливии начавшиеся в середине февраля 2011 г. протестные демонстрации против 42-летнего правления полковника Муаммара Каддафи вскоре переросли в инспирированное извне вооруженное восстание, активно поддержанное морской блокадой и авиаударами НАТО. Затем в свержении режима Каддафи принимали непосредственное участие спецподразделения НАТО, а также некоторых арабских стран. В рядах ливийских «повстанцев» находилось значительное число наемников из арабских стран, Афганистана и Пакистана, а также мусульманской диаспоры из Европы. В июле 2012 г. в Ливии состоялись парламентские выборы, в ходе которых победу одержал «Союз национальных сил» во главе с Махмудом Джибрилем, а второе место заняли исламисты из «Партии справедливости и строительства» – политического крыла местного движения «Братья-мусульмане». Следует подчеркнуть, что многие из воевавших против Каддафи «повстанцев» исповедуют радикальный исламизм, и они сегодня чувствуют себя на территории Ливии достаточно комфортно. В то же время новый режим не в состоянии полностью контролировать ситуацию в стране, поскольку реальная власть там принадлежит руководителям кланово-племенных образований на местах и их вооруженным формированиям. Таким образом, можно утверждать, что свержение режима Каддафи обернулось дезинтеграцией Ливии, усилением радикального исламизма и его распространением на соседние регионы, в частности на Мали. На части территории этой страны кланово-племенными группировками туарегов, ранее поддерживавших режим Каддафи, временно было даже создано независимое исламское государство, где главенствовал шариат. Это образование поддерживалось радикальными исламистскими группировка-

ми, в том числе «Аль-Каидой исламского Магриба» (АКИМ), действующей в Алжире¹.

В Сирии с марта 2011 г. продолжается гражданский конфликт, в котором режиму Б. Асада противостоят вооруженные оппозиционные группировки, в основном представленные радикальными исламистами, многие из которых являются наемниками из арабо-мусульманских стран и мусульманской диаспоры в Европе, в том числе боевиками «Аль-Каиды». Активную помощь в их подготовке, финансировании и вооружении оказывают монархии Персидского залива, Турция и ведущие страны НАТО. Так, в Турции находится центр по подготовке сирийских боевиков, военным обучением которых занимаются турецкие офицеры. Вооружение боевиков финансируется Катаром и Саудовской Аравией. В распределении оружия принимают участие сотрудники ЦРУ, специально направленные в Турцию². Одновременно США и ЕС в борьбе против Б. Асада пытаются использовать международную террористическую сеть «Аль-Каиды». Одной из таких структур является ныне широко известная террористическая группировка, контролирующая часть территории Ирака и Сирии, под названием «Исламское государство» (ИГ)³.

ИГ возникло в 2006 г. в период оккупации Ирака войсками США и их союзников. В то время эта суннитская исламистская группировка называлась «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) и ставило своей целью борьбу с оккупационными силами (Левант является латинским переводом арабского географического названия Аш-Шам, обозначающего современные Сирию, Ливан, Палестину и часть Иордании). После начала гражданского конфликта в Сирии в 2011 г. часть формирований ИГИЛ вошла на сирийскую территорию и присоединилась к действиям вооруженной сирийской оппозиции против правительственной армии. Боевики ИГИЛ захватили на территории Сирии часть отдаленной провинции Ракка, где объявили о введении законов шариата. Характерно, что действия ИГИЛ, как и других оппозиционных сил, в то время поддерживались странами НАТО и монархиями

¹ Долгов Б.В. Указ. соч.

² Там же.

³ Добаев И.П. Геополитические интересы мировых держав в Черноморско-Каспийском регионе: Вызовы и угрозы национальной безопасности России // Черноморско-Каспийский регион: Вызовы и угрозы национальной безопасности России в условиях геополитической, георелигиозной и геоэкономической конкуренции. – Ростов н/Д., 2015. – С. 75–77.

Персидского залива, выступавшими за свержение президента Б. Асада.

В августе 2014 г. боевики ИГИЛ, используя недовольство части суннитских племен на севере Ирака преобладанием шиитов в руководстве страны и ущемлением прав суннитов, вмешались в конфликт между суннитской общиной и правительством Нури аль-Малики, предприняли успешное наступление вглубь Ирака и захватили ряд городов, в том числе второй по величине иракский город Мосул. В захваченных районах ИГИЛ начало практиковать репрессии и террор по отношению к этническим и конфессиональным меньшинствам (курдам, мусульманам-шиитам, езидам, христианам). Боевики ИГИЛ даже пытались распространить свое наступление на Ливан, угрожали Иордании. Через некоторое время эта террористическая группировка провозгласила на захваченных территориях Ирака и Сирии «Исламское государство» (ИГ), руководителем которого был объявлен лидер ИГИЛ Абу Бакр аль-Багдади¹.

Стремясь к развитию военного успеха, боевики ИГ предприняли наступление в направлении Киркука в районе нефтяных месторождений Иракского Курдистана, но были остановлены курдскими вооруженными формированиями «пешмерга». Ведущие страны НАТО во главе с США заявили о своей поддержке курдов в их противостоянии с ИГ и приступили к поставкам военного снаряжения в Иракский Курдистан, который после краха режима Саддама Хусейна получил широкую автономию и де-факто (но не де-юре) является самостоятельным государственным образованием. В настоящее время США, Евросоюз и Израиль фактически подталкивают курдов к независимости, планируя превратить будущее независимое курдское государство во влиятельную прозападную силу в регионе. Военно-политическая поддержка Западом курдов в их противостоянии с ИГ обусловлена также тем, что наступление ИГ угрожает нефтеносному району Киркука и городу Эрбиль, столице Курдистана, где находятся представительства многих западных компаний.

Как следствие, Вашингтон и Лондон заявили о начале бомбардировок территорий, контролируемых ИГ, а также о создании коалиции из 40 государств (участие в коалиции Ирана и Сирии

¹ Добаев И.П. Дискурсивные практики геополитической идентификации России в условиях глобализации и регионализации. [Электронный ресурс]. – URL: www.geopolitika.ru (Дата обращения 21.04.2014.)

инициаторами ее образования было исключено) для борьбы с этой группировкой. Одновременно США подвергают бомбардировке позиции ИГ не только на территории Ирака, но и Сирии, причем без ведома официальных властей этих стран. Таким образом, совершенно очевидно, что все действия США в плоскости борьбы с «Исламским государством» подтверждают неизменность целей американской политики в регионе: свержение режима Башара Асада в Сирии, приведение к власти в Ираке сил, враждебных Тегерану и Дамаску, максимальное ослабление Ирана и шиитского движения «Хезболла» в Ливане, а в перспективе продвижение «джихада» к границам России. При этом в Вашингтоне рассчитывали, что начавшийся осенью 2013 г. украинский кризис отвлечет силы Москвы и ограничит ее возможности поддерживать дружественные России правительства на Ближнем Востоке.

Однако в сентябре 2015 г. в Сирии были развернуты подразделения ВКС России, что не позволило Западу во главе с США реализовать свои геополитические и геостратегические цели в регионе. Режим Б. Асада устоял, более того, добился впечатляющих успехов. Вместе с тем данное обстоятельство вынудило геополитических оппонентов России активизировать свои усилия в регионе, что, безусловно, затягивает разрешения конфликта. Резко осложнились российско-турецкие отношения.

Таким образом, «революционные» события на Ближнем Востоке и в Северной Африке, изменив геополитическую конфигурацию региона, резко повысили градус «исламского фактора». Свержение в результате поддержанных извне «арабских революций» светских режимов в Тунисе, Египте и Ливии, трагические события в Сирии, других регионах «исламского мира» открыли дорогу во власть не только умеренным исламистам вроде тунисской «ан-Нахды» и египетских «Братьев-мусульман», но и их более радикально настроенным единомышленникам, начиная от египетской «ан-Нур» – вплоть до различных отрядов «Аль-Каиды» и ИГ. Либерализация общественно-политической жизни и ослабление светских институтов власти позволили радикальным фундаменталистам заявить о себе как о политической силе, претендующей на власть. Недаром нынешний лидер «Аль-Каиды», египтянин Айман аз-Завахири, призывает все арабские и исламские страны, в особенности Саудовскую Аравию и Пакистан, последовать примеру Туниса и Египта. Он также советует не останавливаться на

достигнутом и добиваться не только смены власти, но и установления шариатских порядков¹.

Что касается России, то первые включения территорий, населенных мусульманами, начинаются в XVI в., когда в ее состав вошли Казанское (1552), Астраханское (1556) и Сибирское (1589) ханства – осколки некогда могущественной Золотой Орды. Один из основных исламских центров – Кавказ (Северный Кавказ и Закавказье) – вошел в состав Российской империи сравнительно поздно – в 20–80-е годы XIX столетия, а Средняя Азия была присоединена к России в последней трети XIX в.

Присоединение Кавказа к России диктовалось религиозно-моральными соображениями (спасение от истребления и присоединение христианских народов Кавказа к России) и военно-стратегическим положением Кавказа как барьера экспансии Великобритании и ее орудия – Турции, а также плацдарма для России в завершении ее естественного геополитического развития как европейской, так и мировой державы (Константинополь, Босфор и Дарданеллы). Экономический аспект в XVIII – первой половине XIX в. не играл какой-либо существенной роли для России в развитии событий на Кавказе, хотя в перспективе и учитывался российскими властными субэлитами².

Русско-турецкие войны второй половины XVIII в. привели не только к присоединению к России Крыма, но и к переходу в сферу влияния России части Кавказа и Северного Причерноморья. В последующем две русско-персидские (1804–1813), русско-турецкая (1806–1812) и Отечественная войны предопределили за Российской империей фактически статус сверхдержавы того времени. Бухарестский (1812), Гюлистанский (1813), Туркманчайский (1828) и Андрианопольский (1829) мирные договоры закрепили в международно-правовом отношении переход Кавказа под юрисдикцию России.

Бурная реакция Великобритании на присоединение Кавказа подталкивала Россию к форсированию установления контроля над регионом и введению здесь военной и гражданской администра-

¹ Тексты заявлений Аймана аз-Завахири. [Электронный ресурс]. – URL: http://news.siteintelgroup.com/component/customproperties/?cp_leaders=zawahiri (Дата обращения: 20.06.2011.)

² Черноус В.В., Цихоцкий С.Э. Кавказский вопрос как геополитическая проблема: История и современность // Кавказ: Проблемы геополитики и национально-государственные интересы России. – Ростов н/Д., 1998. – С. 12.

ции империи. Это стало одной из причин затяжной и кровопролитной Кавказской войны (1817–1864), в которой России пришлось вести борьбу не только с имаматом Шамиля и адыгами Северо-Западного Кавказа, но и вмешательством Османской империи, Великобритании, польских, венгерских и других европейских революционеров и авантюристов¹.

Особенно ожесточенно Кавказская война протекала в восточной части Северо-Кавказского региона, где она под руководством легендарных аварских имамов (Гази Мухаммед, Гамзатбек и Шамиль) велась под лозунгом газавата (газават – это джихад «в форме меча», или боевой джихад). Безусловно, в тот период роль ислама в общественно-политической жизни северокавказских горцев резко усиливается, а на Северо-Восточном Кавказе возникает мощное движение, получившее известность как «кавказский мюридизм», которое достигает своего апогея при имаме Шамиле. «Кавказский мюридизм», как религиозно-политический феномен, возникает на основе получившего развитие в регионе суфийского ордена накшбандийа, однако по своим параметрам не совпадает с ним, используя лишь идеологическую и организационную оболочку этого тариката. В годы Кавказской войны Шамиль на части территорий современного Дагестана и Чечни даже создал теократическое государство – Имамат, которое прекратило свое существование в 1859 г. вместе с пленением имама Шамиля.

Вместе с тем следует отметить, что до и после завершения Кавказской войны на Северном Кавказе фиксировались определенные формы «возбуждения» ислама, этнорелигиозного экстремизма и даже терроризма: наездничество (набеговая система); похищения людей с целью продажи или получения выкупа; абречество; вооруженный сепаратизм и призывы к джихаду (после завершения Кавказской войны); политический бандитизм (20–30-е годы XX в.); этнический коллаборационизм, создание и участие на стороне фашистской Германии горских воинских формирований².

Особенно остро активизация «исламского фактора» происходила накануне и в результате революций 1917 г. (Февральской

¹ Черноус В.В., Цихоцкий С.Э. Кавказский вопрос как геополитическая проблема: История и современность // Кавказ: Проблемы геополитики и национально-государственные интересы России. – Ростов н/Д., 1998. – С. 13.

² Новиков Д.В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: Методы противодействия (политико-правовой аспект): Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ростов н/Д., 2002. – С. 16–19.

и Октябрьской) и последовавшей Гражданской войны. В тот период на Северном Кавказе активизировались так называемые «шариатисты», лидеры которых выступали за создание исламского государства по типу шамилевского имамата. Особую активность в вопросе реализации идеи об имамате проявили шейх Н. Гоцинский и шейх Узун-Хаджи. В результате в августе 1917 г. на Втором съезде горских народов, состоявшемся в ауле Анди (Дагестан), имамом Дагестана и Чечни был избран шейх Н. Гоцинский, который в союзе с шейхом Узун-Хаджи приступил к созданию религиозной монархии в составе Чечни и Дагестана. Осенью 1919 г. шейх провозгласил Чечню и северо-западную часть Дагестана «Северо-Кавказским Эмиратом». Однако этот проект оказался нежизнеспособным и вскоре рухнул под напором большевиков, а на Северном Кавказе была установлена советская власть.

Не менее драматично развивались события в ходе гражданской войны и в Средней Азии. Советская власть здесь была установлена после революционных событий 1917 г., а уже в январе 1918 г. было подавлено контрреволюционное сепаратистское выступление местной мусульманской знати, пытавшейся создать «Кокандскую автономию» на территории Ферганской долины. Однако полностью локализовать это движение не удалось, в результате большевики вскоре столкнулись с широким движением мятежников – басмачеством, идеологической основой которого выступали панисламизм и пантюркизм (казахи, киргизы, узбеки и туркмены – тюркские народы; таджики относятся к иранской ветви индоевропейцев; все они исповедуют ислам, преимущественно суннитского направления)¹.

Если в 1918 г. основным центром сопротивления была Ферганская долина, то в 1919–1920 гг. оно распространилось практически по всей Средней Азии. Возбуждая религиозный фанатизм и выступая под лозунгом «священной войны против неверных», лидеры бандформирований преследовали цель отрыва Туркестана от советской России и реставрации здесь средневековых феодальных порядков. Главари басмачества располагали относительно широкой пособнической базой, включавшей байство, большую часть торгово-промышленной буржуазии и мусульманского духовенства, имевшие значительное влияние на умонастроения основной

¹ См. об этом подробнее: Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: Возникновение, сущность, крах. – М., 1981; Шумов С.А., Андреев А.Р. Басмачество. – М., 2005.

массы местного населения. Это позволяло сколачивать многочисленные банды, свободно ориентироваться в складывающейся обстановке, а также снабжаться оружием, боеприпасами, продовольствием и лошадьми.

Главные силы басмачей были разбиты Красной Армией еще в начале 20-х годов, но бандиты и их западные покровители сумели уйти от окончательного разгрома. В 1924–1925 гг. басмачи при активном содействии Великобритании реорганизовались, получили централизованное управление под руководством агента английских спецслужб, узбека Ибрагим-бека, нукера бывшего бухарского эмира. Его активно поддерживали, обучали, снабжали оружием, боеприпасами и снаряжением ряд иностранных разведок, прежде всего Великобритании. После тяжелейших потерь в ходе боев столкновений с красноармейцами басмачи, как правило, уходили на территорию Афганистана, где в северных провинциях проживают родственные им этнические группы – таджики, узбеки, туркмены и др. Там они восстанавливали силы, пополняли свои отряды людьми и оружием, получая всестороннюю помощь, прежде всего от англичан (в значительно меньшей степени в этих же целях использовалась территория Ирана). Как следствие, во второй половине 20-х годов советское правительство предприняло жесткое политическое давление на Афганистан. В результате афганский эмир Аманулла-хан резко ограничил помощь бандитам, вынудив часть из них покинуть страну.

Однако в конце 1928 г. в Афганистане при поддержке англичан вспыхнул мятеж, в результате которого власть захватил тесно связанный с английскими спецслужбами авантюрист Бача-и Сакао («сын водоноса»), этнический таджик, с которым работал лично «лучший разведчик всех времен и народов» полковник английской разведки Лоуренс Аравийский. В результате положение басмачей в Афганистане резко улучшилось. В этой связи дважды (в апреле 1929 и в июне 1930 гг.) отряды Красной Армии переходили афганскую границу, громя басмаческие банды и инфраструктуру их поддержки по всему северу Афганистана, вплоть до отрогов Гиндукуша. Бача-и Сакао был свергнут и убит. Пришедший к власти в Афганистане король Надир-шах после жесткого советского ультиматума разоружил часть басмаческих отрядов, а по базам непримиримого Ибрагим-бека весной 1931 г. нанесла внезапный удар кавалерия туркмен-кочевников, которым хорошо заплатило

афганское правительство¹, по всей видимости, советскими деньгами. К этому времени изменилось и настроение среднеазиатского населения, представители которого стали активно вступать в добровольческие отряды по борьбе с басмачеством, а в массовом сознании бандиты воспринимались уже не как «басмачи» (налетчики), а как «душманы» (враги) и «шайтаны» (бесы). Только после этого басмаческое движение стало сходить на нет. Однако их отдельные вылазки фиксировались вплоть до 1939–1940 гг. Последние басмаческие группы исчезли после того, как в 1942 г. Советский Союз и Великобритания договорились о прекращении подрывной деятельности с территории Ирана и особенно Афганистана², что лишний раз подчеркивает геополитическую обусловленность басмачества на территории советской Средней Азии.

«Исламский фактор» активно использовался в различных сепаратистских проектах, направленных на раскол России, ее расчленение, ослабление, лишение способности сколько-нибудь существенно влиять на мировые процессы в период между Первой и Второй мировыми войнами, а также в ходе последней мировой войны. При этом следует подчеркнуть, что сепаратизм на геополитическом пространстве государства Российского всегда имел заинтересованных внешних спонсоров. В тяжелые для нашей Родины времена Гражданской, а затем Великой Отечественной войн неизменно находились силы, которые поднимали знамя сепаратизма. Заметную роль при этом играла определенная часть послереволюционной, в том числе мусульманской, эмиграции из СССР, от соблазна использовать которую не удержались в некоторых европейских и азиатских странах³.

Очередной всплеск сепаратизма под исламскими знаменами фиксируется после развала Советского Союза в 1991 г. Пришедшие к власти в Чечне сепаратистски ориентированные элиты во главе с бывшим советским генералом Джохаром Дудаевым взяли курс на силовой выход из состава России и образование собственного независимого государства. События в Чечне 1994–1996 гг.

¹ Бойко В.С. Среднеазиатская эмиграция на заключительном этапе гражданской войны в Афганистане (1930–1931 гг.). [Электронный ресурс]. – URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/V3/226-235.pdf>

² См. об этом: Зевелев А.И. и др. Указ. соч.: Дамье В. Басмаческое движение. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.krugosvet.ru/articles/120/1012074/1012074a1.htm>

³ Соцков Л.Ф. Незвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера. – М., 2003.

под лозунгом «наведения конституционного порядка» открыли двери для ускоренной интернационализации радикального салафитского движения в регионе. Этот период времени был отмечен массовым участием в военных действиях в Чечне на стороне сепаратистов их единомышленников из Пакистана, Афганистана, Турции и различных мусульманских стран.

Чеченское «межсезонье» (1996–1999), ознаменовавшееся превращением ЧР в полигон терроризма, пристанище убийц, торговцев «живым товаром», наркотиками и оружием, позволило развиться здесь экстремистскому движению, прикрывающемуся исламом. В свою очередь, это обстоятельство предопределило вторжение банд местных и зарубежных террористов в августе 1999 г. на территорию Республики Дагестан. Общими усилиями федеральных Вооруженных сил совместно с дагестанским населением экстремистам был дан отпор. Осенью 1999 г. на территории Чечни началась «антитеррористическая кампания», которая эволюционно прошла ряд важных этапов: от фронтальных сражений, апогеем чего стал штурм Грозного, до процесса «чеченизации» конфликта, т.е. решения его преимущественно силами самих чеченцев. Это, безусловно, привело к позитивным результатам собственно в Чечне, в результате контртеррористической операции на территории этой республики была официально завершена в апреле 2009 г.

Между тем, несмотря на реальные успехи в деле восстановления Чечни, ситуация, как представляется, еще далека от идеала¹. Поражение сепаратистов в Чечне, распыление салафитского движения в других республиках Северного Кавказа трансформировали «сопротивление» частично в «партизанщину», частично в мобильные, слабо связанные между собой сетевые террористические группировки, базирующиеся на идеологической доктрине радикального исламизма². Особенно этот процесс усилился с 2007 г., когда новый «президент» ЧРИ Доку Умаров, отказавшись от практики локального этносепаратизма, запустил в действие новый сетевой геополитический проект «Имарат Кавказ»³. После нейтра-

¹ Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И. Геополитика и терроризм эпохи постмодерна / Под ред. Добаева И.П. – Ростов н/Д., 2015. – С. 313–337.

² Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. – Москва – Ростов-на-Дону, 2014. – С. 133–157.

³ Анисимова Н.А., Добаев И.П. Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе / Под ред. Добаева И.П. – Ростов н/Д., 2016.

лизации Умарова в конце 2013 г. «Имарат Кавказ» деградирует, а большинство банд радикальных исламистов присягнули на верность «Исламскому государству».

Таким образом, в постсоветский период, под сильным внешним воздействием, в России наблюдался неуклонный процесс политизации и радикализации ислама и исламских группировок. Этот процесс усугублялся слабостью и разобщенностью традиционного и официального российского ислама, реализацией сепаратистских проектов в некоторых регионах страны. Одновременно под воздействием доктрин радикальных исламистов, боевых операций на Северном Кавказе здесь возникли и окрепли устойчивые группировки радикальных салафитов, прошедших институционализацию первоначально в некоторых северокавказских республиках. Впоследствии произошел процесс «растекания джихада» практически по всему Северному Кавказу, а в последнее десятилетие складываются предпосылки для создания радикальных салафитских группировок в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири, а также появления их в «мусульманских анклавах» российских мегаполисов. Возвращение в 2014 г. Крыма в «родную гавань» сопровождается активизацией «крымско-татарского фактора», инспирируемого геополитическими оппонентами России – Турцией и Западом, что требует адекватной оценки складывающейся ситуации и принятия эффективных мер по блокированию деструктивной деятельности радикальных националистических и исламистских группировок в российском Крыму.

*Статья написана специально для бюллетеня
«Россия и мусульманский мир».*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Л. Сагитова,

кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник
отдела этнологических исследований
(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ МУСУЛЬМАН И ПОТЕНЦИАЛ СВЕТСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ОПЫТ ТАТАРСТАНА

Вопрос социальной интеграции мусульман в российском обществе актуализируется в связи с рядом аспектов, имеющих внешние и внутренние стимулы. Первая ось напряжения выстраивается между государством и мусульманами: несмотря на то что религия отделена от государства, оно вынуждено вмешиваться в религиозную сферу, поскольку существует угроза исламского радикализма. Свою лепту вносят и СМИ: регулярные новостные репортажи о проявлениях исламского экстремизма во всем мире формируют тренд исламофобии, который, с одной стороны, закрепляет в массовом сознании людей стойкий страх к мусульманам и исламу, а с другой – приводит к самоизоляции мусульман.

Вторая ось: мусульмане и светская часть общества. Несовпадение практик и ценностных кодов этих сообществ играет роль разграничителя. Стремление обустроить свою жизнь согласно религиозным канонам стимулирует развитие мусульманской инфраструктуры со своей сферой услуг и институций. Наряду с этим исламские образовательные учреждения обеспечивают относительную самостоятельность мусульманскому сообществу. Определенную роль играет и размытость ценностных стандартов и религиозных практик, что обусловлено сравнительно небольшим периодом постсоветской реисламизации, утратой местной исламской традиции и привнесением новых стандартов зарубежными

религиозными наставниками. Это создает идентификационные конфликты в сознании мусульманина, живущего в светском, поликультурном обществе. В совокупности это способствует автономизации мусульман.

Представленные выше проблемы осознаются как вызовы объективного глобального характера, на которые должно реагировать государство, общество и сама община российских мусульман. В отечественном общественно-политическом дискурсе стала активнее звучать тема обеспечения религиозной безопасности общества, что получило отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В ней, по словам представителя ДУМ РФ Ш.Р. Кашафа, обозначено, что опасность представляет использование религиозного фактора международными террористическими организациями и разного рода службами для своих целей, а также экстремистская и деструктивная деятельность псевдорелигиозных организаций на территории России¹.

Стремление найти ответы на новые вызовы времени приводит к поиску такой модели общественного развития, в условиях которой сосуществование различающихся по культуре и религии социальных групп строится на балансе групповых и общественных интересов. Сам по себе поиск межгруппового консенсуса под общим знаменателем гражданского общества невозможен без коммуникации, зон взаимодействия этих групп. Об одной из таких попыток хотелось бы рассказать в предлагаемой статье.

Политика государства и региональные образовательные инициативы

Предваряя репрезентацию проведенного исследования, следует обратиться к истории мусульманского образования в дореволюционной России, поскольку именно в этот период актуализировалась светская составляющая религиозного образования у татар-мусульман². Осознаваемая татарскими интеллектуалами

¹ Кашаф Ш.Р. Модернизация исламского образования как фактор религиозной и национальной безопасности России // Ислам в современном мире. – 2015. – Т. 11. – № 4. – С. 47–62; Кашаф Ш.Р. Вызовы национальной идентичности: Мусульманский ответ, российский случай // Власть. – 2015. – № 4. – С. 107–115.

² Амирханов Р.У. Система конфессионального образования у татар: Становление и формы функционирования // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: История и современность: очерки / Под ред. Р. Мухаметшина. – Казань: Мастер-лайн, 2002; Исхаков Д.М. Джадидизм // Ислам и мусуль-

необходимость развития нации в духе современности, эффективной интеграции в российский контекст стимулировала развитие новометодного (джадидистского) образования. Его эффект, по оценке известного исламоведа Р.М. Мухаметшина, состоял в том, что «выпускники джадидистских учебных заведений, хотя и не получали профессионального нерелигиозного образования, легче адаптировались к российским реалиям и были представлены во многих сферах российского общества. Так, если крупнейшие богословы, как правило, являлись выпускниками традиционных исламских учебных заведений, то всю интеллигенцию мусульманских народов представляли выпускники новометодных учебных заведений»¹.

Сегодня в связи с обозначенными выше проблемами пришло осознание значимости духовного образования и религиозной традиции, в связи с чем государство стало финансировать образование мусульман. Финансовая поддержка осуществляется и через светских посредников – государственные образовательные учреждения. В Татарстане конец 2014 г. ознаменовался подписанием Соглашения о взаимном сотрудничестве между Казанским федеральным университетом, Российским исламским институтом, Казанской духовной семинарией и Институтом востоковедения РАН. В рамках Соглашения предполагается развивать и углублять сотрудничество четырех сторон в сфере проведения совместных научных исследований, научно-просветительской, общекультурной, информационной и издательской деятельности. То, что это событие оказалось востребованным и ожидаемым, иллюстрируется ориентированными на практику инициативами в образовательной сфере. Хотелось бы подробно описать одну из реализованных инициатив по работе с мусульманской молодежью в Татарстане. Речь пойдет о пятидневной «Школе мусульманского лидера “Махалля 2.0”» в рамках программы подготовки специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама.

манская культура в Среднем Поволжье: История и современность: очерки / Под ред. Р. Мухаметшина. – Казань: Мастер-лайн, 2002; Малашенко А.В., Набиев Р.А., Хабутдинов А.Ю. Джадидизм // Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь. – Казань: Магариф, 2004. – С. 78; Мухаметшин Р.М. Джадидизм: Идеология обновления // История татар. – Казань, 2013. – Т. 6.

¹ Мухаметшин Р.М. Стратегические направления развития мусульманского образования в России // Ислам в современном мире. – 2015. – Т. 11. – № 4. – С. 36.

Организаторами школы выступили Российский исламский институт и Казанский федеральный университет. Информация, полученная из первых рук (от одного из инициаторов и организаторов школы¹), позволила увидеть достижения и трудности, сопутствующие ее проведению. Результаты деятельности школы заслуживают детального анализа, поскольку полученный опыт выводит на проблемы государственной политики в сфере религиозного образования, взаимодействия с духовными институтами Татарстана и коммуникации со светской частью татарстанского сообщества².

Мотивация организаторов и формат «Школы мусульманского лидера»

Как правило, инновационные по формату и содержанию мероприятия задумываются и проводятся активистами, глубоко включенными в контекст и стремящимися решить возникающие проблемы. Организатор «Школы мусульманского лидера», социально активная мусульманка, так определила цель проекта: «дать необходимые знания и навыки слушателям школы для реализации общественно значимых проектов». Часть из них ориентирована на внутренние потребности мусульманского сообщества (создание и развитие мусульманской социальной инфраструктуры); часть – на налаживание продуктивной коммуникации с внешним миром – светским сообществом и другими конфессиями. В качестве цели данного направления мыслилось приобретение навыков и умения доносить главные ценности ислама до сограждан, разрушать сложившиеся в обществе стереотипы.

¹ Речь идет о руководителе научно-образовательного центра «Письменное наследие и археография» Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ, доценте кафедры гуманитарных дисциплин Российского исламского института Резеде Рифовне Сафиуллиной, у которой автором статьи было взято глубинное интервью по следам проведенного мероприятия. «Школа мусульманского лидера Махалля 2.0.» проходила на площадке КФУ с 26 по 30 ноября 2014 г.

² Мухаметшин Р.М. Система мусульманского образования в современной Центральной России в контексте внутриконфессиональных процессов // Ислам и государство в России. – Уфа, 2013.

Примечательно, что доминирующей установкой организатора проекта стало ее определение «наших мусульман»¹: «Главная проблема, чего я боялась: у нас мусульмане очень пассивные. Они больше склонны винить всех: и общество, и государство, и других светских людей в том, что, вот, нас, мусульман, обижают якобы. И вообще боялась, что участников не наберем».

Организаторы школы, выстраивая свой проект, исходили из современных реалий – списка назревших проблем в системе исламского образования, в сфере социального обустройства мусульман, в коммуникационном поле «мусульмане – светское сообщество». Следует отметить следующие проблемные зоны:

– *в сфере исламского образования*: несовпадение схоластических и догматических методов, которые практикуются при обучении мусульман, с динамично развивающейся социальной ситуацией, требующей быстрой, адекватной и творческой реакции на меняющийся мир;

– *в сфере социального обустройства*: слабая развитость социальной инфраструктуры, соответствующей исламским стандартам и ценностям;

– *в сфере коммуникации «мусульмане – светское сообщество»*: слабая развитость коммуникационных пространств между названными группами населения Татарстана, клишированное массовое сознание.

В соответствии с целями школы был разработан формат, синтезирующий образовательную и практическую составляющие тренинга. Параллельно работающие площадки включали:

1) менеджерский блок, в рамках которого участники обучались основам эффективного управления командой, лидерства и командообразования, установления партнерских отношений с государственными, муниципальными и коммерческими структурами;

2) проповеднический блок, где давались навыки ораторского мастерства, риторики, теории аргументации и убеждения, психологических аспектов личного консультирования, социальной работы;

3) блок «пресс-секретарь», где участники знакомились с возможностями включения религиозными организациями своей

¹ Здесь следует заметить, что подобная установка характерна не только для мусульман, но и для значительной части постсоветского российского общества, воспитанного патерналистской политикой советского государства.

повестки дня в общий информационный поток, обучались навыкам грамотного позиционирования религиозных структур и персонала в системе общественных коммуникаций и СМИ, формирования благоприятного информационного поля, грамотного использования инструментов PR;

4) педагогический блок, который включает получение знаний как по основам педагогики и психологии, так и по методике преподавания религиозных дисциплин; знакомство с программой обучения в примечательных курсах, их правовым статусом в соответствии с действующим законодательством и с современным состоянием религиозной системы образования¹.

Потенциальные участники школы проходили предварительный отбор: набирались представители молодежной аудитории в возрасте от 18 до 35 лет, социально активные, умеющие работать в команде, с гибким мышлением и установкой на постоянное самообразование и обновление. Наряду с этим участникам было необходимо сформировать группу из четырех человек. В результате набрались 12 команд по четыре человека в каждой. Школа сочетала общие для всех поточные лекции и работу в рамках перечисленных выше блоков. Вот как описывала этот процесс Р.Р. Сафиуллина: «И то, что они целый день получали, каждый в своей группе, а некоторые лекции были поточные, затем они в команде уже формируют проект какой-то, с учетом полученных навыков, знаний, умений, информации... И в этой команде участники должны уже сами между собой договориться, кто за что ответственный, за какой род деятельности. Важно было вот так вот организовать...»²

Организационные сложности

Проект, ориентированный на мусульман всей республики, а не только ее столицы Казани, сложно осуществить без партнерской поддержки и помощи заинтересованных общественных структур, поэтому вполне логично обращение организаторов к духовным и государственным институтам. Так, организатор школы

¹ Школа мусульманского лидера «Махалля 2.0.» Доступ: <http://kpfu.ru/news/shkola-musulmanskogolidera-39mahallya-2039-98572.html> (Проверено 20.04.2015.)

² Главная задача – разбудить желание действовать. Интервью с Р.Р. Сафиуллиной. Доступ: <http://etatar.ru/top/45767> (Проверено 15.01.2015.)

обратилась в Духовное управление мусульман РТ с просьбой о помощи в наборе слушателей-мусульман. И вот что она говорит: «На муфтият я рассчитывала, конечно, обратилась еще за 4 месяца до начала, чтобы помогли из районов. В результате эту информацию по казиятам не разослали, и уже в последний момент, уже за месяц до начала я смотрю, бесполезно... И в результате за месяц мне нужно по личным связям было выходить на районы, потому что я изначально не собиралась только казанских набрать... В результате набралось людей больше, чем в 2 раза». Представители муфтията были приглашены и на заключительные занятия школы, однако их активность носила ограниченный характер: «Потом, на закрытии – когда была презентация проектов, я муфтият сколько приглашала-приглашала, так и не пришли. Проигнорировали. Хотя сколько было разговоров. Обсуждали, обсуждали, и так и никто и не пришел. Я все-таки вынудила зам. начальника молодежи прийти. Он только на должность вступил: наверное, благодаря этому».

Участие государственных структур в большей мере носило информационно-контролирующий характер: чиновники, ответственные за религиозную сферу, приходили на некоторые занятия, знакомились с содержанием контента школы: «Ну и со стороны госорганов – и аппарат президента... я всех оповестила, и они приходили».

Поскольку проект реализовывался на базе Казанского университета, то ему пришлось выдерживать основную нагрузку. Сложности были связаны с поиском учебных аудиторий для проведения площадок. Вот как об этом вспоминала организатор: «Это ж надо одновременно чтоб 4 группы занимались... В результате маневрирования это делали в КФУ. С учебным отделом согласовывали, столько моментов, логистика... Приезжие из районов, человек 30 приехали. Автобус должен был привозить, увозить. У них там завтраки, питание, здесь – обед. Короче, столько всяких оргмоментов». На площадках школы работали 30 приглашенных специалистов. Среди них ученые, журналисты и общественные деятели из Москвы, Махачкалы, Казани, имамы мечетей Татарстана. Это всё известные в этой области имена: И. Алексеев, М. Шевченко, А. Ярлыкапов, А. Хабутдинов, преподаватели КФУ, РИИ и других вузов.

Характеризуя формат образовательных практик, Р.Р. Сафиуллина отметила формирование навыков командной работы, создание и реализацию конкретных проектов, лекции и практические занятия, дискуссии, дебаты, мозговой штурм, социально-

ролевые игры, а также вовлечение самих участников в организационную работу школы¹.

Местные институты в поле социально ориентированных образовательных инициатив

Прошедшая школа актуализировала ряд проблем. Первая из них связана с определенной пассивностью духовных институтов в подобного рода проектах. Минимальное включение муфтията в процесс организации и собственно проведения школы свидетельствует о недооценке потенциала интеграции со светскими учебными заведениями. Это выглядит несколько странно, поскольку ДУМ РТ обозначает в ряду своих приоритетов социальное служение, благотворительность и открытость коммуникации с внешним миром. Отчасти это может объясняться приверженностью кадимистской традиции в образовании, ориентированной на самодостаточность и замкнутость, жесткое разграничение веры и науки.

Опасения госструктур связаны с рисками радикализации мусульман, особенно молодежи, что вызвано сложностью идентификации «правильного» и «неправильного» ислама. Инициативы молодых мусульман способны вызывать опасения в связи с их потенциальной активностью в различных сферах общественной жизни, в том числе политической.

Тем не менее формирование гражданского общества с социально ориентированными гражданами и разного рода сообществами немыслимо без стержневого компонента – желания и умения взять на себя ответственность и реализовать на практике социально значимые проекты. Как показывает жизнь, государству сложно охватить и в быстрые сроки решить все наболевшие проблемы. Поэтому в последние годы усиливается тенденция поощрения государством общественных инициатив, деятельность социально ориентированных НКО. Так, в итоговом докладе Общественной палаты Республики Татарстан за 2014 г. в республике были отмечены 5495 зарегистрированных некоммерческих организаций (НКО), в том числе 2139 общественных; 1764 религиозные; 1592 иные (ассоциации, автономные некоммерческие организации и т.д.). В реестре социально ориентированных некоммер-

¹ Главная задача – разбудить желание действовать. Интервью с Р.Р. Сафиуллиной. Доступ: <http://etatar.ru/top/45767> (Проверено 15.01.2015.)

ческих организаций на этот период были представлены 435 СО НКО¹. Правительство республики на конкурсной основе активно поддерживает социально значимые проекты, в том числе и религиозных НКО. В ушедшем году десять некоммерческих организаций республики стали победителями открытого конкурса². Общий объем финансирования составил 19 118 398 руб. Некоммерческие организации также активно участвовали в региональных конкурсах. 75 проектов стали победителями республиканского конкурса на получение грантов Кабинета министров с общим объемом финансирования в 9,8 млн руб. 81 СО НКО стала победителем конкурса социально ориентированных некоммерческих организаций на право получения в 2014 г. субсидий из бюджета Республики Татарстан с общим объемом финансирования в 23 млн руб.³

Как видно из приведенных данных и цифр, правительство РТ заинтересовано в инициативах, призванных решать задачи, связанные с решением проблем в религиозной и этнокультурной сферах. Какой же вклад вносят подобные проекты?

Эффект от деятельности школы

Результаты «школьных студий» и работа в командах над реальными проектами превзошли ожидания самих организаторов. Приобретение знаний у специалистов высокого класса, расширение кругозора, участие в командной деятельности с полученным арсеналом инструментов дали основания поверить в свои силы, осознать важность и возможность социальных преобразований и получить стимул к дальнейшему социальному творчеству практически всем молодым мусульманам – участникам проекта. Вот некоторые свидетельства из первых уст: «Они сейчас в себе почувствовали какую-то силу внутреннюю... вот это самое ценное. Это ощущение, что в наших силах что-то сделать. Не сидеть, не ныть, не ждать. И я вот прямо вижу, что люди, они даже на своей работе уже по-другому многие вещи делают. У них какие-то

¹ Доклад Общественной палаты за 2014 год. Доступ: http://www.rt-online.ru/add_material/documents/document-103/10119542/ (Проверено 15.04.2015.)

² Конкурс проводился в соответствии с распоряжением Президента РФ от 25.07.2014. № 243-рп «Об обеспечении в 2014 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества и реализующих социально значимые проекты».

³ Доклад Общественной палаты за 2014 г.

навыки появляются. Очень ценные для нашего времени: менеджерские, стратегическое мышление такого системного подхода. Это и взаимодействие, навыки медиации, хотя вроде бы мы только чуть-чуть это дали...»

Организаторам и преподавателям школы пришлось работать и со свойственным молодежи максимализмом: «А молодежь-то, на самом деле, очень разная. Если более-менее активная, так обязательно элемент радикализма присутствует. А как в наше время не быть радикалом? Ведь проблем-то на самом деле много... И поэтому среди молодежи много было вот таких, которые возмущаются: “Ну как же так вот!”».

Я говорю: ну, ребята, и что вам это дает: пар выпускать? Что можем сделать? Давайте мы в конструктивном русле, в созидательном что-то сделаем, в таком случае и можем рассчитывать на какую-то помощь...

И вот это нашло понимание, и вот настрой был такой именно креативный, конструктивный и позитивный».

Одним из значимых результатов школы явилось то, что до слушателей была донесена идея важности социальной интеграции. Примечательно, что ее транслятором явился Максим Шевченко, подчеркивающий свою православную идентичность, но в то же время известный своей компетенцией в исламе и правозащитной деятельностью среди мусульман. Привожу впечатления Р.Р. Сафиуллиной: «Мне очень нравится Шевченко, который сказал важную вещь. Он очень много работал с радикалами, с крайними представителями радикального толка, с “черными вдовами”... Он много с такими общался. И вот он всё время говорил: “С ними никто не разговаривает”. У этих людей вообще шансов на реабилитацию нет никаких. Они сами себе предоставлены. Столько всего тратится на борьбу с экстремизмом и терроризмом – вместо того, чтобы заниматься профилактикой или направлением в созидательное русло. <...> И тут у нас в школе происходили, во-первых, вот эти диалоги, дискуссии. Обязательно каждый лектор и участники проговаривали. И вот в результате происходит такая нейтрализация даже каких-то протестных настроений».

В ходе общения с участниками школы стало понятно, что важной движущей силой становится патриотизм, основанный на заинтересованности молодых мусульман в построении для себя и своих детей комфортного и безопасного пространства. Такого рода мотивация, продиктованная деятельностным и творческим началом, продуктивнее деклараций и сентенций на тему любви

к Родине. Одними из важных результатов стали понимание участниками бесплодности социального потребительства, выработка самостоятельности и навыков работы в команде для воплощения социальных проектов.

Примечательно, что у участников закрепился заряд неравнодушия, социальной активности, и большинство из них записались на последующие мероприятия. Важно при этом отметить их открытость и стремление сотрудничать со всеми целевыми институтами – как государственными, так и духовными: «В начале месяца и в конце декабря были два семинара, и в первом и во втором больше половины группы получились опять же мои, эти, из “Школы лидера”. Потом муфтият собирал молодежь, и там наши пришли. Я им задала вопрос через неделю где-то после того, как мы закрыли “Школу лидера”: с какой целью вы сюда пришли, в муфтият? А они рассказывают: вот у нас такая идея, такая... Мы надеемся, что муфтиятом это будет востребовано, мы вообще ожидали, что муфтий будет на встрече. Мы предлагаем свои услуги, мы надеемся, что муфтият тоже подключится к решению. А вопрос – злободневный вопрос мусульманского сообщества, который муфтият уже практически должен был решать давным-давно. А они предлагают на общественных началах – вот просто ради дела».

Организаторы школы планируют продолжать работу, встречаться с активными участниками, помогать им и консультировать их в социальной деятельности. Здесь видится самовоспроизводящийся образовательный механизм по типу ланкастерской системы, когда тренерами и наставниками новых участников будут становиться наиболее успешные слушатели предыдущих проектов. Так, Р.Р. Сафиуллина отмечает: «Дальнейшая работа с ними будет проводиться онлайн, благодаря интернет-технологиям. В процессе обучения молодежь осознала, каким образом она может применить свои силы в обустройстве и создании комфортного для них общества. Мы стремились снабдить их необходимыми знаниями и механизмами в этом деле, привить им активную жизненную позицию, потому что без нее невозможно развиваться, чтобы всё не осталось на уровне “кухонных разговоров”».

Информационная среда и интеграция

Представления о мусульманах у светской части сообщества формируются средствами массовой информации и во многом их интеграция или, напротив, сегрегация зависит от качества и адекватности транслируемой информации. Наши исследования и публичные обсуждения свидетельствуют об остром дефиците компетентных в области ислама журналистов. Существуют исламские СМИ и интернет-ресурсы, однако чаще всего их пользователями являются сами мусульмане. В связи с этим Данис Гараев, ученый, занимающийся исследованием российских мусульман, пишет: «Качественность мусульманских медиа, безусловно, имеет большое значение, однако в основном эти ресурсы создаются для внутреннего потребления – для мусульман и людей заинтересованных мусульманской тематикой. Однако имидж нашей религии и единоверцев формируют вовсе не они. Имидж складывается крупными светскими СМИ – информационными агентствами, новостными сайтами, ТВ, газетами, журналами и т.д. Поэтому важно, чтобы в светских СМИ работали люди, разбирающиеся в исламе, которые готовы со знанием дела давать объективную картину. Необходимо отходить от информационных гетто и мусульманам, которым нужно становится профессиональными журналистами, публицистами, блогерами, редакторами и идти работать в уже известные крупные СМИ или создавать свои светские СМИ. Речь не идет об ангажированности, так как для исправления ситуации с негативными стереотипами достаточно быть просто объективным и вдумчивым журналистом»¹.

Как ответ на злобу дня в школе мусульманского лидера была организована специальная площадка, посвященная работе со СМИ, знакомством с информационными и PR-технологиями. Оказалось, что в ходе ее организации возникли проблемы с преподавательским составом. Вот что об этом рассказала Р.Р. Сафиуллина: «Найти специалистов, найти экспертов, которые об этом хорошо расскажут, – проблема. Самый крутой эксперт в этой области – Максим Шевченко, который вообще к исламу-то отношения не имеет. Он просто правозащитник, он православный. Даже те, кого мы нашли, – журналисты-мусульмане – в последний момент не

¹ Гараев Д. Ислам в информационном пространстве России. Доступ: http://www.info-islam.ru/publ/jandeks_novosti/islam_v_informacionnom_prostranstve_ros-sii/35-1-0-22445 (Проверено 12.01.2015.)

приехали. А для нас это важно: именно научить мусульман владеть словом, вести информационную политику, грамотно влиять на общественное мнение, коммуникациями информационными грамотно пользоваться, это сейчас самое слабое звено. Профессиональные журналисты, которые хорошо пишут, они боятся касаться этой темы, потому что они не владеют информацией о специфике ислама. Даже об основах ислама не очень хорошо знают: догматику, вот эту вот специфическую богословскую составляющую – не знают. Сейчас вообще все запутались. Сами мусульмане запутались. Сейчас сколько течений, сколько групп... Правильная вера, неправильная вера... Сейчас же действительно голову сломаешь, с одной стороны. Поэтому писать на эту тему вообще кто-либо боится, боится что-то не так, не по Корану, не по Сунне что-то сказать, потому что среди самих мусульман, в системе мусульманского знания сформировалось такое стойкое убеждение».

Несмотря на сложности, организаторы школы сумели познать слушателей со спецификой работы массмедиа, закономерностями психологии восприятия информации, работе с медиа-аудиторией.

Заключение

Значимость социальной интеграции в жизни общества сложно переоценить: установление связей, способных объединить различающиеся социальные группы на основе общегражданских и общенациональных целей и интересов, является залогом устойчивости социальной системы. Расширение коммуникативных полей важно не только в информационном пространстве, но и на базе общественных и образовательных учреждений. В этой связи следует отметить имеющиеся точки роста – волна социальных инициатив со стороны мусульманского сообщества, особенно той его части, которая работает в системе образования.

Один из перспективных примеров – «Школа мусульманского лидера» в рамках программы подготовки специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама – был подробно представлен выше. Опыт ее проведения показал, что стремящейся к знаниям и социальной активности молодежи много. Знания, умения и навыки, которые были получены участниками в ходе тренингов и лекций с ведущими специалистами по менеджменту, пиар-кампаниям, социальным проектам и т.п., оказались востребованными широкой аудиторией и были реализованы на практике.

Деятельностная среда с конструктивной направленностью, генерация новых направлений инициатив по решению социальных проблем, тренинги и обучение технологиям реализации задуманных проектов позволят направить энергию мусульманской молодежи в позитивное русло и формировать социальную ответственность. Важно также и то, что подобные образовательные практики способствуют расширению кругозора, дают навыки рефлексии, гибкости и способность гармонично жить в поликультурном обществе с людьми иных культур и конфессий.

Оценивая опыт проведения школы и его результаты, можно сделать вывод, что подобные инициативы решают комплекс насущных задач, работающих на социальную интеграцию мусульман. Приобретение навыков бесконфликтного решения внутренних групповых потребностей (в нашем случае – создание мусульманской инфраструктуры в городской среде), расширение сознания и мировоззрения, гибкости мышления у молодых мусульман формируют ключевые позиции для развития татарстанского сообщества в единую, целостную систему, в которой все ее части согласованы и взаимозависимы на основе общих целей, интересов, под которыми понимается устойчивое развитие и процветание региона. Подобные инициативы становятся органичным дополнением к разрабатываемой в Татарстане системе духовного образования мусульман, базовые принципы которого подчеркивал Валиулла хазрат Якупов, говоря о том, что «духовное образование должно строиться на принципах открытости обществу, верующим, государству, быть современным, национальным в хорошем смысле этого слова, динамичным и конкурентным»¹.

Литература

1. Амирханов Р.У. Система конфессионального образования у татар: Становление и формы функционирования // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: История и современность: очерки / Под ред. Р. Мухаметшина. – Казань: Мастер-лайн, 2002.
2. Гараев Д. Ислам в информационном пространстве России. Доступ: http://www.infoislam.ru/publ/jandeks_novosti/islam_v_informacionnom_prostranstve_rossii/35-1-0-22445 (Проверено 12.01.2015.)

¹ Якупов Валиулла хазрат. Соотношение религии и общества в духовном образовании // Система мусульманского религиозного образования у татар: История, проблемы, перспективы: сборник материалов одноименной научно-практической конференции. Казань, 13 октября 2004 г. – Казань, 2005. – С. 14–15.

3. Исаков Д.М. Джадидизм // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: История и современность: очерки / Под ред. Р. Мухаметшина. – Казань: Мастер-лайн, 2002.
4. Кашаф Ш.Р. Модернизация исламского образования как фактор религиозной и национальной безопасности России // Ислам в современном мире. – 2015. – Т. 11. – № 4. – С. 47–62.
5. Кашаф Ш.Р. Вызовы национальной идентичности: мусульманский ответ, российский случай // Власть. – 2015. – № 4. – С. 107–115.
6. Мухаметшин Р.М. Джадидизм: Идеология обновления // История татар. – Казань, 2013. – Т. 6.
7. Мухаметшин Р.М. Система мусульманского образования в современной Центральной России в контексте внутриконфессиональных процессов // Ислам и государство в России. – Уфа, 2013. – С. 17–21.
8. Мухаметшин Р.М. Стратегические направления развития мусульманского образования в России // Ислам в современном мире. – 2015. – Т. 11. – № 4. – С. 35–46.
9. Якупов Валиулла хазрат. Соотношение религии и общества в духовном образовании // Система мусульманского религиозного образования у татар: История, проблемы, перспективы: сборник материалов одноимённой научно-практической конференции. Казань, 13 октября 2004 г. – Казань, 2005.

*«Ислам в современном мире»,
М., 2016 г., № 12(1), с. 198–210.*

Р. Мамараев,
младший научный сотрудник
Отдела социологии
(Институт истории, археологии
и этнографии ДНЦ РАН)
**СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ:
РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ**

Одним из существенных факторов, влияющих на современное состояние и будущее развитие северокавказского общества, является процесс политизации и радикализации ислама в регионе. От интенсивности и тенденций развития, векторов направленности данного процесса зависит, какой вариант развития предпочтут северокавказские республики: светский, базирующийся на российской и республиканской конституциях, или религиозный.

Как известно, особенностью исламского движения в Северо-Кавказском регионе является традиционный ислам, приверженцами которого являются «традиционно-верующие» мусульмане, т.е. те, кто отправляет характерные для той или иной республики

религиозные обряды на бытовом уровне. В структуру данной категории также входит административно-управленческий аппарат религиозных организаций – духовные управления мусульман (ДУМ) [6]. Однако не во всех республиках Северного Кавказа традиционный ислам является единой монолитной системой. В частности, население Чечни, Ингушетии и Дагестана является носителем суннитской ветви ислама, причем шафиитского мазхаба, выраженного в форме суфийских орденов (тарикатов). В свою очередь, накшбандийский и кадирийский тарикаты включают в себя мюридские / вирдовые братства. Количество зарегистрированных мюридских братств в Дагестане – 15, в Чечне и Ингушетии более 30. Однако необходимо отметить, что взаимоотношения между некоторыми из них довольно натянутые, если не сказать враждебные, вследствие чего традиционалисты неизбежно политизируются [5]. Причины кроются, с одной стороны, в идейных разногласиях, с другой – в их искусственном противопоставлении официальной власти. В центральной и западной частях Северного Кавказа больше распространен ханифитский мазхаб суннизма, считающийся в мусульманском мире самым лояльным и гибким по отношению к этническому фактору и обычному праву (адату). Впрочем, как признают практически все религиоведы и исламоведы, исламизация в этих регионах значительно ниже, чем в Дагестане, Чечне и Ингушетии [3].

По мнению И.П. Добаева, на Северном Кавказе Духовные управления (ДУМ) активно занимаются исламизацией населения. Например, в последние годы значительно активизировалась работа Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД) по расширению своих рядов. Политизация тарикатского ислама происходит по нескольким направлениям и проявляется в превращении ДУМД во влиятельный центр общественно-политической жизни, который соответственно проводит свою политическую линию, одновременно выстраивая вертикаль конфессиональной власти в республике и продвигая своих сторонников в органы гражданской администрации [6].

ДУМД располагает собственными религиозными печатными изданиями, имеет свободный доступ к средствам массовой информации, поэтому может принимать самое активное участие в формировании соответствующего общественного мнения и оказывать влияние на различные общественно-политические и гражданские процессы в современном дагестанском обществе. Так, ДУМД контролирует несколько массовых печатных изданий на русском

и национальных языках, часть из них имеют свои электронные версии, свой собственный сайт в Интернете, ведут передачи на местных телеканалах на русском языке. Исламская пропаганда ведется работниками ДУМД и религиозными деятелями по каналам республиканского радио, муниципальных СМИ, местных студий телевидения. Таким образом, проникая во все сферы жизнедеятельности дагестанского общества, ДУМД самостоятельно наделяет себя функциями по регулированию общественной жизни в республике посредством религии.

ДУМД ориентировано на установление тесных взаимосвязей с государственными структурами, преследуя цель получить максимальную поддержку со стороны руководства республики. Данная тенденция направлена на то, чтобы показать потенциальным противникам ДУМД среди религиозных деятелей и из числа государственных чиновников, что любые попытки противодействия ему, как легитимному и признанному государством религиозному органу, бесполезны и противоречат линии руководства республики.

Политизация ислама заключается в усилении тенденции к установлению религиозного контроля в духовной и светской сферах общественной жизни. Своей активной религиозной деятельностью представители духовенства пытаются показать различие между истинным религиозным и современным светским укладом жизни и состоянием общества, благодаря чему на сегодняшний день остается самой влиятельной духовной силой в республике. Для сравнения: подобная тотальная исламизация общества духовными лидерами, поддерживаемая и продвигаемая главой республики, наблюдается и в Чеченской Республике.

ДУМД и его представители проводят целенаправленную политику по воздействию на массовое сознание дагестанской молодежи, выражающуюся в его стремлении проникнуть в светские учебные заведения с требованием предоставить возможности для преподавания религиозных дисциплин в учебных заведениях республики. Конечно, не вызывает сомнений, что выпускники мусульманских учебных заведений изначально ориентированы на исламизацию сознания подрастающей молодежи. Уровень профессионализма и компетентность таких «учителей» как в религиозной, так и светской сферах оценивается как низкий.

Проникновение в светское образование религиозного компонента противоречит основному закону о светском государственном образовании. И это проникновение осуществляется при наличии более чем достаточного числа учреждений профессионального

религиозного образования. Дело складывается таким образом, что количество различных религиозных образовательных учреждений мусульманских лидеров не удовлетворяет. Имея почти достигнутое равновесие сил, они ставят цель и имеют реальную возможность перейти к приоритетному положению на рынке разнообразных образовательных услуг [12]. С открытием большого количества религиозных школ существенно сокращается число детей в общеобразовательных школах [2]. По информации Координационного центра мусульман Северного Кавказа, всего в ЮФО действует 26 высших исламских учебных заведений, из них на Северном Кавказе – 23, все они зарегистрированы как религиозные организации. В Дагестане существует 19 исламских вузов, в то время как в Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии по одному, и при этом ни одно из них не аттестовано и не аккредитовано. Еще слабее развита система начального и среднего исламского образования.

Большую озабоченность вызывает то, что, согласно экспертным данным, в течение 90-х годов более 4 тыс. молодых людей из Северо-Кавказского региона получили исламское образование за рубежом. По возвращении на Родину их последующая религиозная деятельность и убеждения, как правило, вступают в противоречие с традиционными на Северном Кавказе течениями ислама.

По данным социологического опроса, проведенного в Дагестане З.М. Абдулагатовым в 2004 г., «убежденно верующими» в возрасте «до 20 лет» себя назвали 15,8%, «верующими» – 65,8%. Суммарно это 81,6%. В возрасте «от 20 до 29 лет» эти показатели, соответственно, равны 24,4, 56,5 и 80,9%. Общий показатель религиозности в группе молодежи возраста «до 29 лет» примерно 81,0%. Среди взрослых этот показатель на тот период оказался равным 77,1%, т.е. чуть ниже. Опрос 2010 г. показал неожиданно высокие показатели отнесения себя молодыми людьми к верующим. Дело в том, что, начиная с 1996 г., по итогам четырех опросов, проведенных отделом социологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, религиозность населения Республики Дагестан медленно спадала – от 85,0 до 79,1%. У молодежи показатель религиозности в опросе 2010 г. оказался равным 95,0%. Показатель религиозности городской молодежи равен 92,5%, сельской – 94,5% [1].

Политизация и радикализация верующих обуславливаются в том числе и кризисом официальных исламских структур – духовных управлений мусульман, которые, погрязнув в неумелой

борьбе со своими оппонентами (прежде всего, неоваххабитами) и междоусобных дрязгах, все более политизируются и отдаляются от рядовых верующих, утрачивая свой авторитет [11]. Данный вывод подтверждается результатами социологического исследования [13, с. 290], в ходе которого респондентам был задан вопрос: «Как Вы оцениваете роль Духовного управления мусульман Дагестана в современном обществе?» По всей совокупности опрошенных преобладает позитивное отношение к ДУМД: «положительно, ДУМД способствует укреплению дружбы между дагестанскими народами» (29,7%), «положительно, ДУМД способствует разрешению межнациональных разногласий» (21,1%), «отрицательно, ДУМД погрязло в финансовых махинациях и наживе» (16,0%), «отрицательно, ДУМД допустило появление ваххабизма на территории республики» (11,1%), «положительно, ДУМД способствует разрешению религиозного противостояния» (10,8%), «отрицательно, ДУМД способствует появлению противостояния между дагестанскими народами» (6,7%), «отрицательно, ДУМД допустило обострение межрелигиозных отношений» (6,7%), «отрицательно, ДУМД сводит счеты с теми, кто не согласен с их политикой» (4,4% опрошенных). Однако в разрезе этнической принадлежности опрошенные лезгины отметили отрицательную роль ДУМД в современном обществе – «способствует появлению противостояния между дагестанскими народами» (28,0%); 24,0% лезгин, 22,2% русских, 19,6% кумыков, 19,0% даргинцев и 16,7% аварцев считают, что «ДУМД погрязло в финансовых махинациях и наживе». В связи с чем именно безграмотность и неумение традиционного духовенства и властей противостоять идеологически религиозным радикалистам, поддерживаемых внешними силами, и выходу ситуации из-под контроля составляет самую серьезную угрозу национальной безопасности России [8], поэтому позиция «отрицательно, ДУМД допустило появление ваххабизма на территории республики» близка 25,9% русских, 14,3% лакцев и 13,5% аварцев.

По мнению ряда экспертов, в некоторых районах Северного Кавказа образовались благоприятные условия для «талибанизации» всего региона. Очевидно, что народы Северного Кавказа, если вытеснить из их сознания национальные элементы, являются подходящим объектом для исламизации и в дальнейшем «талибанизации» по американско-пакистанским технологиям. В первую очередь, это связано с той скоростью и интенсивностью, с которой идет пропаганда и политизация ислама на Северном Кавказе;

с деятельностью внешних экстремистских сил в регионе; с низким культурным уровнем; сложным социально-экономическим положением региона, для которого характерны спад промышленного производства, сельского хозяйства, высокий уровень безработицы, снижение жизненного уровня населения; с нерешенностью проблем ранее репрессированных, депортированных и разделенных народов; с интенсивными процессами внутренней, внешней и этнической миграции; с наличием внутриконфессиональных противоречий, клановости и т.д. При таком положении дел на Юге России образовалась питательная среда для «талибанизации», которая вполне способна в нужное время создать дестабилизирующую ситуацию на Северном Кавказе. Учитывая потенциальную политическую и экономическую нестабильность на Юге России, нельзя исключать сценарий, по которому Северный Кавказ может подвергнуться частичной или полной «талибанизации». Именно так развивались события в Чечне [8]. На Северном Кавказе сегодня ситуация усугубляется настолько, что можно говорить об откровенном навязывании мусульманского образа жизни через широко распространенную сеть религиозно-образовательных учреждений, периодических изданий, теле- и радиопередач, обширную религиозную литературу как официального, так и неофициального характера. В условиях, когда насаждение религиозных идей достигает высшей степени интенсивности, очевидно, что в обществе происходит заметное отчуждение от светских традиций и эта ситуация имеет тенденцию к нарастанию [12]. Особую опасность вызывает внедрение религиозных основ в образовательную сферу, что подтверждается в исследовании Г. Гебекова [4].

Надо отметить, что такая картина прослеживается и в опросе М.М. Шахбановой. На вопрос: «Есть ли необходимость во введении преподавания “Основ православной культуры” в государственных учебных заведениях Российской Федерации?» верующие и неверующие придерживаются мнения, что введение данного предмета в школьное образование возможно при условии, если будут введены «Основы мусульманской культуры» – 43,9 и 27,3%, соответственно. Далее неверующие считают, что ОПК будет «способствовать знакомству с иной религиозной культурой» (40,9%) и «формированию нравственности у подрастающего поколения» (36,4%). Последнее мнение разделяют 35,7% верующих. Против ОПК в основном выступают неверующие, считая, что «основы религии можно преподавать только в вузах, но не в школах», «в нашем государстве религия (церковь) отделена от государства»

и «это не способствует формированию религиозной терпимости в дагестанском обществе» (по 18,2% опрошенных). Все эти позиции разделяют и верующие (по 10,2%). Таким образом, результаты исследования свидетельствует о том, что в массовом сознании отсутствует отрицательное отношение к введению «Основ православной культуры» в образовательный процесс, хотя респонденты-лакцы отметили, что нет необходимости во введении «Основ православной культуры» в государственных учебных заведениях РФ, так как «это не способствует формированию веротерпимости в дагестанском обществе» и «изучение основ религии не способствует формированию нравственности у подрастающего поколения» (по 31,4%) [13, с. 291].

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
«Как вы относитесь к стремлению церкви
(духовных управлений) ввести богословие
(учение о Боге, Аллахе) в учебные программы
государственных образовательных учреждений
(школ, училищ, институтов и т.д.)?» (%)***

Группы респондентов	Положительно	Отрицательно	Мне всё равно	Затрудняюсь ответить
Школьники	59,6	25,6	8,4	6,4
Учителя школ	38,5	44,0	3,6	13,9
Студенты вузов	54,8	17,2	9,7	17,2
Преподаватели вузов	25,0	58,3	5,0	11,7
Родители школьников и студентов вузов	45,2	33,7	9,2	11,4
Итого	44,6	35,8	7,2	12,1

* Опрос проведен Г. Гебековым в гг. Махачкала, Кизляр, Дербент, Каспийск, Кизилорт, Дагестанские Огни, Дербентском, Кизлярском, Каякентском, Карабудахкентском, Кумторкалинском, Тарумовском и Хасавюртовском районах (2008). N = 792.

На сегодняшний день усиление религиозного сознания молодежи на Северном Кавказе обусловлена низким образовательным уровнем, поэтому беспокойство, тревогу и опасение вызывают состояние культуры межнационального, межрелигиозного общения в российских регионах; социально-экономическое положение населения; уровень образованности; кризис института семьи; специфика досуга молодежи, ее увлечения и пристрастия; рас-

пространение в молодежной среде негативных явлений (наркомания, алкоголизм и т.д.); восприятие насилия и жестокости как нормы; упадок моральных норм и ценностей. Такая ситуация непременно приведет к тому, что Северный Кавказ в скором времени может стать одним из самых отсталых регионов нашей страны. И именно прослойка необразованных людей в большей степени подвержена влиянию, в том числе и исламизации, причем в большинстве случаев в радикальной форме, ибо ими легче всего манипулировать. На данный факт указывают дагестанские исследователи: «Одновременно при бурном росте исламского самосознания северокавказских народов и влиянии внешнего фактора на религиозную составляющую региона сохраняется религиозная безграмотность населения. Традиционные духовные управления мусульман (ДУМ) не владеют ситуацией в должной мере» [11]. Автор придерживается аналогичной позиции с теми, кто считает, что подавляющее большинство мусульман Кавказа, в том числе и те, кто выдает себя за мулл, не умеют читать в оригинале Коран, не знают основы ислама, не владеют научно обоснованными и выверенными объективными знаниями о возникновении ислама и достижениях исламской культуры. При этом доминируют поверхностные, искаженные представления, мешающие налаживанию внутриконфессиональных и межконфессиональных отношений, преодолению и разрешению разного рода религиозных, этнонациональных и т.д. противостояний и конфликтов, с которыми сталкиваются мусульмане России в современном динамично меняющемся мире. Специалист исламского права Л.Р. Сюкияйнен справедливо отмечает, что в духовно-культурной сфере «ислам пока не раскрыл своих возможностей, не стал органичной частью нравственно-интеллектуального обновления страны, не играет заметной роли в формировании культурного и идейного потенциала российского общества. Как и на систему религиозного образования и просвещения, на указанную область негативно влияют недостаток кадров, крайне медленный процесс восстановления традиций и их соединения с достижениями современной исламской мысли» [10]. Проблемой является то, что в качестве позитивной политико-правовой культуры ислам, как носитель таких принципов, как умеренность, поиск компромиссов, терпимость, лояльность законной власти, пока что мало влияет на политическую жизнь страны.

Понимание многих негативных процессов, происходящих сегодня на Северном Кавказе, необходимо искать не в инспирируемой Западом угрозе религиозного экстремизма, а в социальной

и политической ситуации, сложившейся в регионе в целом и в каждой отдельно взятой национальной республике в частности.

С целью предотвращения негативных последствий необходимо, чтобы религия и религиозные объединения не находились в руках некомпетентных людей и непрофессионалов, ставящих целью не столько духовное просвещение, сколько преследование корыстных целей. Просветительно-воспитательную работу должны проводить работники культуры, государственных светских министерств и ведомств, профессиональные ученые-востоковеды и религиоведы, способные активно противостоять всякого рода реакционным течениям. А религиозным деятелям следует не соперничать с ними, не противостоять, а, занимаясь своей духовно-нравственной деятельностью, дополнять их, тесно сотрудничая с ними в борьбе с таким негативным явлением, как религиозный экстремизм и терроризм. По мнению Р.Т. Курбанова, «совместное сплоченное идеологическое противодействие религиозно-политическому экстремизму не менее эффективно и важно, чем силовое. Физическое насилие не искореняет идеологию, а лишь загоняет ее вглубь, и в определенный момент может произойти неожиданный всплеск экстремизма» [9], следовательно, «главной задачей в профилактике религиозного экстремизма и терроризма является формирование религиозного сознания, построенного на глубоком понимании основ религии» [7].

Вместе с тем огромная ответственность лежит на органах государственной власти в предотвращении этих негативных явлений, проявляющаяся в ее отношении к своим собственным гражданам в сфере соблюдения законности и равенства, в предоставлении народу возможности открыто реализовывать свою политическую, экономическую свободу, свободу слова и волеизъявления, исключив применение неоправданной силы, преследования и насилия со стороны государства, в улучшении социально-экономического положения и росте благосостояния общества, в повышении образовательного и культурного уровня общества и т.д.

Литература

1. Абдулагатов З.М. Особенности социализации современной молодежи и социальные деформации в молодежной среде. – Махачкала, 2011. – С. 159.
2. Абдулгамидова Н.А. Сфера культуры и религия: Проблемы взаимодействия // Религиозный фактор в жизни современного дагестанского общества. Республиканская научно-практическая конференция. – Махачкала, 2002. – С. 55.
3. Акаев В.Х., Магомедов С.С. Суфийские братства в Чечне, их взаимоотношения и участие в современной общественно-политической жизни // Научная мысль Кавказа. – 1996. – № 3. – С. 61.
4. Гебеков Г.Ф. Мировоззренческие конфликты в современной государственной системе образования (на примере Республики Дагестан). – Махачкала, 2011. – С. 265.
5. Добаев И.П. Новейшие тенденции в развитии исламского движения на Северном Кавказе // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 12. – С. 86–93.
6. Добаев И.П. Северный Кавказ: Традиционализм и радикализм в современном исламе // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 6. – С. 21.
7. Караханов М.Х. Радикализация мусульман на Северном Кавказе: Причины и пути разрешения // Ислам на Северном Кавказе: История и современность. Всероссийская научно-практическая конференция. – Махачкала, 2006. – С. 443–445.
8. Кисриев Э.Ф. Ислам и власть в Дагестане. – М., 2004. – С. 127–156.
9. Курбанов Р.Т. Факторы радикализации салафитских групп на Северо-Восточном Кавказе // Ислам на Северном Кавказе: История и современность. Всероссийская научно-практическая конференция. – Махачкала, 2006. – С. 437–438.
10. Сюкияйнен Л.Р. Российская государственная политика в отношении ислама: Исходные принципы, цели и направления. [Электронный ресурс] // Справочно-информационный портал «Религия и СМИ». 20.01.2004. URL: <http://subscribe.ru/archive/religion.religare/200401/20121642.html> (Дата обращения 12.10.2015.)
11. Ханбабаев К.М. ДУМД в условиях трансформации дагестанского общества // Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе: Возможность и границы совместимости. Вып. 23. – Ростов н/Д., 2004. – С. 163–192.
12. Шайдаева Г.М. Религия и проблемы образования в современном Дагестане // Религиозный фактор в жизни современного дагестанского общества. Республиканская научно-практическая конференция. – Махачкала, 2002. – С. 129.
13. Шахбанова М.М. Межэтническое общение и межнациональная толерантность в Республике Дагестан: Состояние, тенденции и взаимовлияние. – Махачкала, 2010. – 398 с.

*«Социальные аспекты региональной политики»,
Махачкала: Изд. ДГУ, 2015 г., с. 64–74.*

У. Эргешбаев,

доктор экономических наук,
профессор кафедры «Финансы и кредит»
Ошского государственного университета

С. Ешенова,

соискатель кафедры «Менеджмент»
Ошского технологического университета (г. Ош)

ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КЫРГЫЗСТАНА

В настоящей статье рассматриваются проблемы внешней трудовой миграции населения Кыргызстана в контексте современных интеграционных процессов, анализируются ситуация в сфере трудовой миграции, изменения, происходящие после присоединения Кыргызстана к Таможенному и Евразийскому экономическому союзам, возможные тенденции развития внешней трудовой миграции в будущем.

Современная внешняя трудовая миграция населения Кыргызстана происходит в большей степени стихийно, неформально, нелегально. В республике развивается новый сектор экономической деятельности, сравнимый по доходам с 1/3 ВВП, но который находится вне сферы государственного управления и лишь частично доступен мониторингу.

Основные потоки трудовой миграции из КР направлены в две страны Таможенного союза – Россию и Казахстан. При этом миграционная политика РФ играет определяющую роль в формировании потоков внешней трудовой миграции населения Кыргызстана в силу значительных экономических возможностей, мощного политического влияния, действия культурно-исторических факторов и наличия спроса на трудовые ресурсы. В постсоветский период в Кыргызстане усилилась деурбанизация. В сельской местности сегодня проживает около 2/3 всего населения страны. Деграция системы образования привела к тому, что большинство коренного населения имеет низкий образовательный уровень. При этом население республики имеет благоприятную возрастную структуру трудовых ресурсов – более 1/3 составляют дети в возрасте до 14 лет и около 60% – люди в трудоспособном возрасте.

В силу того что трудовая миграция носит преимущественно нелегальный характер, трудно определить реальные ее масштабы. По данным Национального статистического комитета, в 2014 г. число трудовых мигрантов составило около 500 тыс. человек, а по

некоторым экспертным оценкам, количество трудовых мигрантов уже превышает 1 млн человек. Данные официальной статистики могут дать информацию о главных векторах внешней трудовой миграции: более 90% мигрантов работают в России.

Численность безработных (по данным обследований рабочей силы, в среднем за год) составила в 2013 г. в Кыргызстане 205,7 тыс. человек, или 8,3% экономически активного населения. Это один из самых высоких показателей безработицы в странах ТС. В других странах ЕАЭС уровень безработицы в 2-3 раза ниже: в Казахстане – 5,2% экономически активного населения (470,7 тыс. человек), в России – 5,5% (4137 тыс. человек).

Давление безработных на национальный рынок труда характеризуется следующими данными: в республике на одно свободное рабочее место, заявленное в службы занятости, приходилось десять человек (по состоянию на июнь 2015 г.), а в Казахстане – пять человек, в Беларуси – два человека. В России на 1385,6 тыс. свободных рабочих мест приходилось только 973,9 тыс. безработных, учтенных в службах занятости, т.е. менее одного человека.

Трудовые мигранты из Кыргызстана находят работу в России и Казахстане примерно в одних и тех же секторах экономики, но наблюдаются некоторые расхождения в предпочтениях. Граждане Кыргызстана в большинстве случаев работают на позициях, не требующих высокой квалификации. При этом более трети трудовых мигрантов имеют высшее или незаконченное высшее образование. Доля женщин среди кыргызстанских трудовых мигрантов составляет около 40%.

Анализ возрастной структуры трудовых мигрантов из Кыргызстана показывает, что доля молодежи в возрасте от 18 до 29 лет составляет примерно 45%.

Основными проблемами, волнующими трудовых мигрантов, являются финансовые затруднения – до 21% в РФ и около 16% в РК. Затем идут сложности при поиске работы – 17% в РФ и 18% – в Казахстане. До вхождения Кыргызстана в ЕАЭС среди основных проблем мигранты называли сложность регистрационной системы, недостаток правовых знаний, слабую профессиональную подготовку и плохое владение русским языком.

Основные источники потоков внешней трудовой миграции из республики – три южные области: Ошская, Джалал-Абадская и Баткенская. Эти области КР являются преимущественно аграрным регионом – сельские жители составляют 65–70% населения. В южном регионе КР наблюдаются высокие темпы прироста насе-

ления. При этом основной прирост приходится на сельские районы. В силу недостаточной развитости производственной и социальной инфраструктур и отсутствия сфер применения избыточных трудовых ресурсов вне сельского хозяйства трудовой рынок Юга КР характеризуется избытком рабочей силой.

Действие социальных сетей является сильным стимулирующим фактором для граждан КР, намеренных выехать в Россию и Казахстан на заработки. Для подавляющего большинства кыргызских трудовых мигрантов решающую роль в принятии решения о трудовой миграции сыграли родственные связи, наличие друзей, знакомых, земляков. В то же время роль государственных органов находится на очень низком уровне. По данным исследований, менее 3% респондентов получили помощь от них [1, с. 21]. Государственным органам КР и межгосударственным органам ЕАЭС необходимо усилить работу с сообществами трудовых мигрантов в целях оптимизации системы информирования, защиты прав и поддержки трудовых мигрантов.

При рассмотрении роли миграционных факторов необходимо принимать во внимание факторы, стимулирующие трудовую миграцию в Кыргызстане, и факторы «притяжения» в стране-реципиенте.

Среди «стимулирующих» факторов трудовой миграции нужно выделить кризисное состояние производства, низкий уровень оплаты труда, значительный уровень бедности и безработицы. Трудовых мигрантов в России притягивают сравнительно высокий уровень оплаты труда, более разнообразное предложение рабочих мест в разных отраслях народного хозяйства.

Сравнение размера номинальной заработной платы в России и Кыргызстане подтверждает данное положение. По итогам 2013 г., по данным Межгосударственного статистического комитета, в Российской Федерации размер номинальной заработной платы был примерно в 5 раз выше, а ВВП на душу населения в 10 раз выше, чем в Кыргызстане. Такая разница лишний раз выделяет роль экономической детерминанты внешней трудовой миграции населения КР в Россию. Важную роль в формировании потоков трудовой миграции из Кыргызстана в Российскую Федерацию принадлежит социокультурным, историческим и политическим факторам. Социально-экономические связи, сложившиеся за годы существования единого государства, широкое распространение русского языка в республике делают Россию более доступной страной для миграции [3, с. 13; 4].

Трудовая миграция из КР приводит к глубоким неоднозначным социально-экономическим последствиям как в самой республике, так и в принимающих странах. Специалисты отмечают ряд положительных последствий прибытия иностранцев на заработки в Россию, такие как ликвидация дефицита рабочей силы, рост экономических показателей во многих отраслях экономики, увеличение налоговых поступлений в бюджет. Но многие эксперты считают, что последствия миграционного притока для России скорее отрицательные.

Негативная сторона внешней трудовой миграции для Кыргызстана выражается в следующем: постоянный отток до 40% мужского населения страны блокирует возрождение и функционирование реального производственного сектора экономики. Массированный выброс из общества наименее консервативной, молодой, малообразованной, мобильной его части приводит к заметной архаизации общества.

Масштабная трудовая миграция меняет поведение больших социальных групп, формирует новый стиль жизни, модели поведения, нормы и ценности. Изменения, происходящие в мигрантской среде, затем распространяются на все общество.

Есть и положительные стороны современной трудовой миграции населения Кыргызстана. Выезд трудовых мигрантов коренной национальности содействует смягчению проблемы избытка рабочей силы в республике. Трудовая миграция приводит к сокращению уровня безработицы, расходов на социальные пособия, переобучение безработных, организацию для них общественных работ, помощь их семьям и др. Работая за границей, трудовые мигранты повышают свою квалификацию, приобретают ценные производственные и организационные навыки. Этот момент особенно актуален для Кыргызстана, так как значительная часть населения титульной национальности имеет низкий квалификационный уровень.

Денежные переводы трудовых мигрантов являются значительным источником иностранной валюты. Они способствуют повышению уровня жизни населения, улучшают платежный баланс республики, заметно усиливают позиции национальной валюты — сома. Объемы денежных переводов трудовых мигрантов вполне сопоставимы с доходной частью государственного бюджета Кыргызстана. Переводы трудовых мигрантов в республику превосходят по размерам как официальную донорскую помощь, так и прямые иностранные инвестиции вместе взятые.

Согласно усредненному прогнозу Росстата, на период до 2025 г. снижение величины населения России в трудоспособном возрасте достигнет 9,4 млн человек. Для решения проблемы убыли населения эксперты предлагают комплекс мер по развитию внутренней миграции населения для более полного применения имеющихся трудовых ресурсов, повышению производительности труда, привлечению на трудовой рынок граждан старше трудоспособного возраста, домохозяек, и т.д.

По мнению специалистов, вместе с этими мерами необходимо шире привлекать международных мигрантов. В противном случае «Россию ждет развитие в условиях сокращающейся занятости, а это пока ни одну страну не приводило к успеху. Одновременно ресурс основных миграционных доноров не бесконечен» [5, с. 23]. Исходя из прогнозов Росстата по изменению численности населения на период до 2025 г., можно сделать вывод о необходимости притока трудовых ресурсов из других государств в Россию для возмещения общей убыли населения и для удовлетворения нужд экономики.

Российские специалисты, обосновывая задачи демографической политики в современной России в области миграции и расселения, прежде всего, выделяют задачу поиска предпочтительных контингентов мигрантов, способных легко интегрироваться в российскую этнокультурную среду. Основным направлением деятельности выделяется «нормализация миграционных притоков, привлечение мигрантов, не создающих угрозу ее национальной безопасности» [6, с. 27].

Среди приоритетов в области миграции отмечается необходимость привлечения иммигрантов в Российскую Федерацию, в первую очередь из государств – участников СНГ. По нашему мнению, приток в Россию мигрантов киргизской национальности не противоречит интересам России, не несет угрозы ее национальной безопасности. Мигранты из Киргизии способны относительно легко интегрироваться в российскую этнокультурную среду. Это объясняется тем, что население Киргизии «слабо подвержено влиянию ислама, испытывает тяготение к восточным славянам и стремится жить с ними в симбиозе» [8, с. 3]. Трудовые мигранты из КР, в основном, работают в категории неквалифицированных работников в строительной отрасли, сфере услуг и торговле. По мнению работодателей, кыргызстанские трудовые мигранты являются конкурентоспособной рабочей силой, так как в отличие от местных жителей готовы работать за меньшую оплату труда.

Главным положительным эффектом для Кыргызстана являются денежные переводы трудовых мигрантов. Их величина за 2014 г., согласно данным Национального банка Кыргызской Республики, составила 1,7 млрд долл. (без учета переводов по неформальным каналам).

Анализ динамики денежных переводов трудовых мигрантов показывает постоянный рост соотношения общей их суммы к ВВП республики. Данные по денежным переводам из России по странам СНГ демонстрируют, что Кыргызстан входит в основную четверку стран-получателей вместе с Узбекистаном, Таджикистаном и Украиной. По данным Мирового банка, за 2014 г. денежные переводы трудовых мигрантов в Кыргызстане равны 28% ВВП. Если принять во внимание тот факт, что около 90% внешних трудовых мигрантов направляются в Россию, то можно сделать вывод о сильной зависимости экономики Кыргызстана от ситуации на трудовом рынке России.

В мае 2015 г. Кыргызстан был принят в состав Евразийского экономического союза. Участие Кыргызстана в Таможенном союзе и ЕАЭС послужит решению проблемы хронической трудоизбыточности на трудовом рынке республики. Снимаются ограничения и упрощаются правила найма трудовых мигрантов из Кыргызстана, отменены процедуры по получению разрешений на устройство на работу. Анализ содержания межправительственных соглашений в сфере трудовой миграции и Договора о ЕАЭС показывает большой потенциал реализации данной нормативно-законодательной базы для усиления взаимовыгодного сотрудничества стран ЕАЭС в регулировании процессов трудовой миграции.

В настоящее время в правительственных кругах Кыргызстана, в общественном мнении превалирует положительная оценка роли внешней трудовой миграции. Государственные органы управления республики признали особое значение трудовой миграции в социально-экономическом развитии страны. Финансовые поступления от внешней трудовой миграции признаны как фактор устойчивого экономического развития и снижения уровня бедности. Внешняя трудовая миграция дает возможность сотням тысяч граждан Кыргызстана выжить в условиях перманентного экономического кризиса, снимает напряженность на национальном трудовом рынке труда и дает основу для обеспечения социальной стабильности в республике.

Ухудшение социально-экономической ситуации в России, резкое снижение обменного курса российского рубля в 2014–

2015 гг. заметно осложнили положение трудовых мигрантов, что привело к некоторому снижению размеров потоков трудовой миграции в Кыргызской Республике. Рост миграционных потоков из Кыргызстана возобновился, начиная с мая 2015 г. Это объясняется сезонными колебаниями объемов потоков трудовых мигрантов, ожидаемым введением свободного перемещения мигрантов и другими предпочтениями для кыргызских граждан от вступления Республики Кыргызстан в Евразийский экономический союз. Положительный импульс трудовой миграции граждан Кыргызстана в Российскую Федерацию придало решение российского правительства о выводе более 50 тыс. кыргызских граждан из так называемого черного списка в июле 2015 г.

Рассмотрение возможных сценариев развития миграционных процессов из Кыргызстана приводит к следующим выводам.

Наибольшую вероятность имеет средний вариант прогноза, базирующийся на эффективном использовании Кыргызстаном всех преимуществ и возможностей для свободного передвижения рабочей силы, полученных в результате вступления КР в ЕАЭС. Согласно среднему варианту прогноза, в среднесрочной перспективе ожидается сохранение умеренных темпов развития трудовой миграции граждан КР в Россию и Казахстан. Свобода передвижения трудовых ресурсов по территории ЕАЭС вместе с другими социально-экономическими условиями создает все условия для осуществления трудовой миграции как для неквалифицированных, так и для квалифицированных работников из Кыргызстана. При этом значительный рост масштабов внешней трудовой миграции имеет малую вероятность. Большинство граждан, желающих работать в Российской Федерации, уже осуществили свое намерение. Дальнейшее развитие процессов свободного перемещения рабочей силы внутри ЕАЭС может нивелировать негативные последствия снижения объемов денежных переводов трудовых мигрантов.

В последние 15 лет за счет резкспорта китайских товаров в РФ и РК Кыргызстан получал масштабные валютные поступления. После вступления в ЕАЭС Кыргызстан лишился данного высокодоходного сектора внешнеэкономической деятельности, который обеспечивал занятость сотням тысяч граждан республики. Главными источниками в формировании республиканского ВВП в настоящий период являются сельскохозяйственный сектор и сфера услуг. С учетом того что сельскохозяйственная отрасль национальной экономики находится в зависимости от сложных природно-климатических условий, а развитие сферы услуг ограни-

чено невысоким уровнем платежеспособного спроса населения, можно с большой долей уверенности предполагать, что значительный экономический рост, повышение уровня занятости населения являются делом отдаленного будущего.

Согласно демографическим прогнозам, в среднесрочной перспективе в Кыргызстане ежегодный прирост трудоспособного населения будет сохраняться на уровне 90–100 тыс. человек.

Прогнозирование трудовой миграции из КР в страны ТС указывает на ежегодный рост потоков трудовой миграции примерно на 3,5%. Ограниченные возможности для трудоустройства населения являются одной из важных детерминант внешней трудовой миграции из Кыргызстана. В настоящее время для основной массы кыргызстанских мигрантов российский рынок труда является безальтернативной возможностью найти работу.

Формирование потоков трудовой миграции из КР в будущем во многом зависит от тенденций демографического и экономического развития России и Казахстана. В настоящее время назрела необходимость разработки скоординированной миграционной политики стран ЕАЭС. Для этого нужно разработать и реализовать единые программы для государственных и межгосударственных органов, развивать сотрудничество в миграционной сфере.

Следует активизировать развитие межгосударственной нормативно-правовой базы в сфере регулирования миграции.

Вступление КР в ЕАЭС создает кыргызским трудовым мигрантам комфортные условия для пребывания и работы через упрощение правил трудоустройства, улучшение условий жизни как для самих мигрантов, так и для членов их семей.

Новые социально-экономические взаимоотношения в миграционной сфере должны служить интересам всех стран ЕАЭС. Для рационального регулирования распределения трудовых ресурсов Кыргызстану необходимо продолжить работу по выработке эффективной миграционной политики. Государственные органы управления должны развивать сотрудничество в сфере регулирования миграционных процессов, прежде всего с Казахстаном и Россией.

Литература

1. Бейшеналы Н., Левент Х., Ульген Ф., Шамшиев Ч. Экономические последствия вступления Кыргызстана в Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России: анализ воздействия. – Бишкек: АГУП КР, 2014. – 87 с.
2. Мартыненко В.В., Мартыненко С.В. О роли миграции в социально-экономическом развитии стран исхода мигрантов // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2014. – № 3. – С. 118–125.
3. Рязанцев С.В., Скоробогатова В.И. Иностранцы трудовые мигранты на российском рынке труда и новые подходы к миграционной политике // Экономика и управление: Проблемы, решения. – 2015. – № 4. – С. 27–33.
4. Рязанцев С.В., Красинец Е.С. Подходы к регулированию трудовой миграции в России и странах-партнерах в интересах взаимного развития // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2015. – № 4. – С. 5–12.
5. Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малеева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда. – М.: Дело, 2015. – 108 с.
6. Рыбаковский Л.Л. Концепция демографической политики: Методологические вопросы. – М.: Экон-информ, 2002. – 28 с.
7. Рыбаковский О.Л., Судоплатова В.С., Таюнова О.А. Вопросы оценки миграционного потенциала // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2015. – № 3. – С. 169–173.
8. Эргешбаев У.Ж., Аманбаева У. Кыргызстан: Миграция населения после двух «тюльпановых революций» и ошских событий 2010 года // Человек и труд. – 2011. – № 1. – С. 25–28.

*«Народонаселение»,
М., 2016 г., № 1-1, с. 34–41.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

А. Хизриев,
младший научный сотрудник (РИСИ)
**ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЕГИПТА:
5 ЛЕТ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ ТАХРИРА**

«Арабская весна», последствия которой до сих пор определяют политическую повестку дня на Ближнем Востоке¹, во многом обманула ожидания как самих революционеров, так и внешних наблюдателей. На рубеже 2010–2011 гг. подавляющее большинство региональных экспертов ожидало, что происходящие в арабских странах революционные события вызовут значительные перемены в жизни всего региона. Высказывались предположения, что крушение старых бюрократических структур повлечет за собой позитивные экономические и социальные изменения, которые, в свою очередь, приведут арабские государства если не к процветанию, то, как минимум, к демократизации внутренней политики вкупе с институциональной прозрачностью. При этом условный «политический ислам» признавался международным сообществом в качестве потенциального «особого арабского пути», способного заменить собой нереализованные модели демократического государственного развития. Исламские политические деятели вышли на передний план политической борьбы в Египте, Ливии и Тунисе, что вызвало оживление исследовательского интереса к теме «исламской демократии» в период с 2010 по 2012 г.

На сегодняшний день даже для самых ярых сторонников революционных перемен стало очевидно, что «арабская весна» не смогла изменить регион к лучшему. Так, в ходе большого обсуждения «арабской весны», подготовленного редакцией журнала *Foreign Affairs*, американский журналист и политолог Фарид Зака-

¹ См.: Влияние «арабской весны» на неарабские страны Ближнего Востока. Доклады РИСИ // Проблемы национальной стратегии. – 2014. – № 4. – С. 9–27.

рия заявил, что последствия революционных событий в арабских странах «чудовищны», и региону потребуется немало времени для возвращения к прежним темпам демократизации¹.

По мнению Закарии, итоги «арабской весны» схожи с результатами череды французских буржуазных революций XIX в., и в конечном счете реакционные режимы, положившие конец революционным инициативам в арабских странах, сменятся более демократичными формами правления.

Под реакционными режимами Закария подразумевал в первую очередь Сирию и Египет, и если первое государство до сих пор является ареной гражданской войны с неопределенным до конца политическим статусом, то второе практически полностью восстановило дореволюционный «мубараковский статус-кво» после неудачного исламистского эксперимента.

Нынешнее египетское правительство зачастую подвергается разнообразной критике и со стороны региональных соседей, переживших схожие политические события. Так, во время празднования пятилетия ливийской революции в феврале 2016 г. в арабоязычном сегменте Twitter широкое распространение получила фотография массовых народных гуляний на площади Мучеников в Триполи с подписью: «Возможно ли представить подобный праздник на сегодняшнем Тахрире?» Несмотря на явно провокативный характер этого послания, следует признать, что оно доходчиво иллюстрирует отношение условно прозападной части арабского мира к сегодняшнему правительству Египта. Подобное отношение объясняется тем, что бывший президент Египта Мухаммед Мурси был избран в результате первых «свободных и легитимных» выборов, однако покинул свой пост далеко не добровольно. Его уходу сопутствовали кровопролитные столкновения между сторонниками действовавших на тот момент властей, их противниками и египетскими силовиками. В глазах наиболее радикальных египетских революционеров отстранение Мухаммеда Мурси от власти выглядит реваншем милитаристов из Высшего совета Вооруженных сил Египта (SCAF), а избрание в президенты фельдмаршала Абдель Фаттаха Ас-Сиси фактически приравнивается к установлению вооруженной диктатуры. Реакция Запада на произошедшие в Египте изменения также во многом подкрепила

¹ The Arab Spring at Five: Updates On Tunisia, Egypt, and Turkey // Foreign Affairs. 08.02.16. URL: <https://www.foreignaffairs.com/audios/2016-02-08/arab-spring-five-updatestunisia-egypt-and-turkey> (Дата обращения: 10.03.2016.)

авторитарный имидж нового республиканского правительства, связанного со SCAF.

Соединенные Штаты Америки, с самого начала покровительствовавшие Мухаммеду Мурси и «Братьям-мусульманам», отнеслись к государственному перевороту в Египте с осуждением и временно заморозили военное сотрудничество с республикой. Факт поддержки населением Египта президента Абдель Фаттаха Ас-Сиси вызвал у Штатов недовольство, поскольку его кандидатура символизировала провал стратегии «арабской весны» в Египте. Смена власти нашла свое отражение и в резко усилившихся антиамериканских настроениях, поскольку «ихваны»¹, согласно распространенному мнению среднего египетского обывателя, никогда не проводили самостоятельной политики и руководствовались лишь инструкциями Госдепартамента США. Более того, приход к власти Абдель Фаттаха Ас-Сиси означал, что Египет, скорее всего, вновь выпадет из американского «мегаплана» по строительству «Нового Ближнего Востока»², и станет препятствовать проведению американских геополитических инициатив, вступающих в противоречие с национальными интересами Египта.

Что касается отношений между Европой и Египтом, то переворот 2013 г. и последующая политическая борьба между сторонниками Мурси и его противниками были восприняты Европейским союзом по международным отношениям в качестве крайне опасной ситуации, ставящей под вопрос все планы по сотрудничеству с «обновленным» Египтом. После событий на каирской площади Раба Аль-Адавиа³ ЕС наложил запрет на поставки любого типа вооружения и экипировки, способного нанести вред мирным

¹ Ихван – в пер. с арабского «братья»; члены организации «Аль-Ихван Аль-Муслимин» («Братья-мусульмане»).

² Термин «Новый Ближний Восток» впервые был использован госсекретарем США Кондолизой Райс во время брифинга, проведенного перед визитом в Израиль и Палестину в июле 2006 г. Полный текст см.: Special Briefing on Travel to the Middle East and Europe. Washington, DC. 21.07.2006. URL: <http://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2006/69331.htm> (Дата обращения: 27.03.2016.)

³ В результате столкновений, произошедших во время разгона сидячих забастовок, организованных сторонниками Мухаммеда Мурси на каирских площадях Ан-Нахда и Раба Аль-Адавиа, погибли от 638 (по данным египетского Министерства здравоохранения) до 1150 человек (по данным Human Rights Watch). Подробнее см.: Dina Ezzat. RabaaAl-Adawiya: After the sit-in // Al-Ahram. 24.09.2013. URL: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/0/82437/Egypt/0/Rabaa-AlAdawiya-After-the-sit-in.aspx> (Дата обращения: 27.03.2016.)

жителям, а верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон стала первым представителем зарубежного государства, нанесшим визит Мухаммеду Мурси в период его тюремного заключения. Официальное европейское отношение к новому египетскому режиму было и остается критическим, что доходчиво изложено в публикации под названием «Нерациональный египетский переворот». Одно из положений этого текста, подготовленного к моменту пересмотра египетской Конституции в январе 2014 г., гласит, что члены ЕС «не должны верить в картину “нормализации” Египта», которую пытается создать Абдель Фаттах Ас-Сиси и его «технократически-силовой» кабинет¹.

Несмотря на все отмеченные выше проблемы, в течение последних полутора лет текущее правительство Египта существенно укрепило свои связи с США и некоторыми европейскими странами, не забывая при этом и о сотрудничестве с Российской Федерацией. На фоне экспансии ИГИЛ и масштабного кризиса, захлестнувшего Сирию и Ирак, Египет выглядит едва ли не островком региональной стабильности, а посреднические возможности, связанные с тем, что Египет в той или иной степени сотрудничает практически со всеми региональными государствами, превращают республику в идеального ближневосточного медиатора. На сегодняшний день Запад продолжает сотрудничать с Египтом, даже несмотря на то, что его внутренняя политика никоим образом не соответствует западным представлениям о демократии и свободе слова.

В представлении критиков режима эти факторы внутренней политики Египта напоминают о временах правления президента Мубарака, а во многом даже превосходят их. Фактически новый этап внутривластной жизни Египта начался с закрытия четырех телеканалов, в частности египетского представительства катарского телеканала Аль-Джазира в июле 2013 г.², и продолжился

¹ См.: Dworkin A. Michou H. Egypt's unsustainable crackdown / European Council on Foreign Relations. 08.01.14. URL: http://www.ecfr.eu/publications/summary/egypts_unsustainable_crackdown303 (Дата обращения: 10.03.2016.)

² Egypt's military shuts down news channels // Al-Jazeera. 04.07.13. URL: <http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2013/07/2013740531685326.html> (Дата обращения: 10.03.2016.)

принятием Закона о митингах¹, подписанного 24 ноября 2013 г. и.о. президента республики Адли Мансуром. Несмотря на заявления президента Ас-Сиси о том, что принятый закон, ограничивающий возможность проведения митингов и публичных выступлений, вполне соответствует своим западным аналогам и был принят ради укрепления общественной безопасности², его продолжают критиковать и по сей день.

Серьезной внутривластной проблемой для Египта является активность джихадистских террористических группировок, на сегодняшний день действующих не только на периферии страны – ливийско-египетской границе и территории Синайского полуострова, но и в центральной части Египта. Сложившаяся ситуация приобрела особо важное значение после теракта на борту российского лайнера Airbus A-321, к которому, возможно, была причастна местная террористическая ячейка ИГИЛ³, однако республика страдает от действий джихадистов уже не первый год, а жертвами боевиков неоднократно становились представители египетской армии и силовых ведомств. Террористическая активность, серьезно влияющая на внутреннюю политику республики, во многом определяется как долгой историей внутриегипетского исламского фундаментализма, так и тем фактом, что после устранения Мухаммеда Мурси в стране произошла радикализация части исламистского сообщества, являвшейся до событий лета 2013 г. основным электоратом связанной с «Братьями-мусульманами» партии «Свободы и справедливости» и салафитской партии «Ан-Нур».

В целом, внутривластные итоги последних пяти лет выглядят для Египта малоутешительными. К ряду проблем, присущих 30-летнему правлению Хосни Мубарака, прибавились

¹ Египет: Митинги разделили на санкционированные и нет // BBC. 25.11.13. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131125_egypt_protest_law (Дата обращения: 10.03.2016.)

² As-Sisi yudafi'u 'an kanun at-tazahir // Al-Araby. 24.11.14. URL: <http://www.alaraby.co.uk/politics/2014/11/1/%D8%A7%D9%84%D8%B3%D9%8A%D8%B3%D9%8A-%D9%8A%D8%AF%D8%A7%D9%81%D8%B9-%D8%B9%D9%86-%D9%82%D8%A7%D9%86%D9%88%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%B8%D8%A7%D9%87%D8%B1> (Дата обращения: 10.03.2016.)

³ Следует отметить, что именно пропагандистское интернет-издание ИГИЛ «Dabiq» является первоисточником фотографии взрывного устройства, предположительно ставшего причиной крушения российского лайнера А-321, летевшего из Шарм-аш-Шейха в Санкт-Петербург. Фотография была опубликована в 12-м выпуске журнала от 18 ноября 2015 г.

новые – обострилась террористическая и криминальная активность, а экономика страны, несмотря на все усилия правительства, до сих пор переживает кризисную фазу. При этом наиболее актуальной из египетских проблем является недостаточный уровень национальной безопасности, однако не меньшее значение имеет и сложная социальная ситуация, являющаяся предпосылкой для большинства других трудностей.

Социальные проблемы современного Египта

Основные проблемы, характерные для египетского общества, в полной мере пережили и революцию 2010 г., и военный переворот 2013 г. в силу своей «традиционной» природы. Так, иерархичность египетского общества постоянно накладывает на жителей Египта ряд определенных социальных ограничений, порой схожих с кастовыми, в то время как сложная экономическая обстановка зачастую превращает их в безработных и лишает перспектив социального роста. Отсутствие социальных перспектив у египетских детей ближневосточного «нефтяного бум» середины и конца 80-х годов прошлого века, сегодня желающих жить «по-европейски», стало одной из многих причин их выхода на Тахрир¹. «Смежной» социальной проблемой Египта стала резкая урбанизация страны, поскольку значительная часть молодого населения республики не желает проживать и работать в сельской местности.

В городах молодежи зачастую живется тяжелее, чем в родных деревнях, по причине типичной для городов социальной разобщенности. Порой происходит наоборот – мегаполис постепенно захватывает деревенские и «закрыты» родовые территории, при этом оставляя имущественный разрыв между старыми и новыми районами города на условном уровне «города» и «деревни». Из этих факторов складывается широко известный феномен египетских «трущоб» – обособленные кварталы бывших крестьянских семей, состоящие из «самодельных» многоэтажных домов, могут оказаться в окружении упорядоченно выстроенного муниципального жилья. Подобные контрасты городской жизни порождают распространенное в западной экспертной среде утверждение о крайней нищете египетского

¹ Зинькина Ю.В., Коротаев А.В. Египетская революция 2011 г.: Структурно-демографический анализ // Полит. ру. 04.03.11. URL: <http://polit.ru/article/2011/03/04/egyrev/> (Дата обращения: 10.03.2016.)

населения, но на самом деле общая статистическая картина не столь мрачна. Так, по словам отечественного востоковеда А.В. Коротаева, доля населения, живущего менее чем на 2 долл. в день, в Египте составляет примерно 20%, в действительно же «нищих» странах этот показатель не опускается ниже 50%.

Урбанизация вкупе с революционными событиями вызвала стремительный рост криминала. С 2011 по 2013 г. количество преступлений увеличилось в три раза¹, и это по данным официальной статистики, не учитывающей зачастую «умалчиваемые» в египетском обществе преступления, например некоторые случаи сексуального насилия.

Три года назад криминальная ситуация в Египте была крайне тяжелой.

Районы, находящиеся вблизи Тахира, оказались подвержены проблемам более всех остальных. Множество магазинов и заведений, находящихся в пределах «квартала революции» было разграблено, а на одиноких прохожих зачастую нападали вооруженные грабители. При этом криминальная ситуация в условных «трущобах» и на окраинах города оставалась менее опасной, нежели в его центре. С установлением новой власти криминальная ситуация в стране остается тяжелой, и вряд ли в ближайшие несколько лет она снизится хотя бы до «мубараковского» уровня². Тем не менее центральные районы Каира на сегодняшний день выглядят значительно более безопасными, чем в предыдущие годы.

Тема дискриминации и насилия по отношению к женщинам, прежде табуированная в египетском обществе, после революции 2011 г. начала все чаще становиться предметом публичного обсуждения политиков. Согласно статистике, с 2010 по 2013 г. случаи насилия и домогательств участились, жертвы насилия пытались обратить внимание властей на эту сторону египетской жизни, но чаще всего их требования игнорировались³. Новое прави-

¹ См.: Borzou Daragahi. Egyptians become victims of soaring crime rate // Financial Times. 01.05.13. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/7ffac226-adab-11e2-a2c7-00144feabdc0.html#axzz45iqDoS6j> (Дата обращения: 13.04.2016.)

² Egypt 2015 Crime and Safety Report / Bureau of Diplomatic Security. 04.01.15. URL: <https://www.osac.gov/pages/ContentReportDetails.aspx?cid=17373> (Дата обращения: 10.03.2016.)

³ См.: Yasmine Fathi. The circle of hell: Inside Tahrir's mob sexual assault epidemic// Ahram Online. 21.02.13. URL: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/151/65115/Egypt/Features/The-circle-of-hell-Inside-Tahrirs-mob-sexual-assau.aspx> (Дата обращения: 10.03.2016.)

тельство предприняло ряд мер, направленных на исправление этой ситуации. В тексте Конституции 2014 г. заявлено о равных мужских и женских правах (прошлый вариант египетской Конституции игнорировал этот момент, так как основывался на нормах шариата), а в июне 2014 г. президент Ас-Сиси встретился и провел беседу с одной из жертв уличного насилия, после чего МВД Египта приступило к работе над мерами противодействия этой проблеме. Несколько насильников получили пожизненные сроки заключения (для ближневосточных реалий это редкий прецедент), также был принят Закон 306А, расширяющий юридические значения термина «домогательство». Однако, несмотря на предпринятые официальные шаги, многие активисты находят их популистскими и недостаточно конкретными¹.

Серьезные проблемы связаны с коррупцией, борьба с которой провозглашалась политической целью каждого движения, участвовавшего в египетской революции. По данным Всемирного банка, на сегодняшний день египетские власти пытаются проводить организованную антикоррупционную деятельность, однако их работа недостаточно результативна, поскольку в 19% случаев доказанного принятия взятки со стороны чиновника, к нему не применяется вообще никаких мер, а в 41% начинается расследование, которое часто закрывается по той или иной причине². Взятничество является неотъемлемым атрибутом египетской жизни, большая часть населения вообще не воспринимает взятку в качестве уголовно наказуемого преступления, так как согласно распространенному в Египте мнению, она лишь обеспечивает определенные деловые гарантии. В декабре 2014 г. политическое руководство Египта пришло к выводу о необходимости создания нового органа, противостоящего коррупции – Национального координационного комитета по борьбе с коррупцией. Несмотря на

¹ См.: *Yasmin El-Rifae*. Egypt's Sexual Harassment Law: An Insufficient Measure to End Sexual Violence // Middle East Institute. 17.07.14. URL: <http://www.mei.edu/content/at/egypts-sexual-harassment-law-insufficient-measure-end-sexual-violence> (Дата обращения: 10.03.2016.)

² Egypt: Too Many Regulations Breed Corruption // The World Bank. 11.12.2014. URL: <http://www.worldbank.org/en/news/feature/2014/12/09/egypt-bureau-crazy-regulationsand-lack-of-accountability-inspire-corruption> (Дата обращения: 10.03.2016.)

этот шаг, по данным ООН за 2015 г., коррупция в Египте остается на достаточно высоком уровне¹.

Западные эксперты считают одной из причин медленного политического развития Египта перегруженную бюрократическую машину. Негативная репутация республиканского бюрократического аппарата во многом создана СМИ, для которых бюрократ исторически является наиболее удобным и наименее опасным объектом критики и остракизма². Однако роль египетской бюрократии в египетском обществе является намного более важной, чем в среднем государстве «третьего мира». Фактически бюрократия – это второй инструмент египетского государства после армии, «цементирующий» разрозненное общество, и эта работа во многом определяет присущий Египту высокий уровень коррупции. Египетская бюрократия, постепенно превращающаяся в «родовое сословие», по своей сути консервативна. Именно тот факт, что в период 2011–2013 гг. свергнутый президент Мурси не имел возможности реструктурировать и заменить эту часть египетского общества, выстроенную еще во времена Анвара Садата, стал решающей причиной его политического поражения.

Государственный аппарат Египта на сегодняшний день страдает не только от коррупции, но и от низкой производительности труда, сопряженной с излишне усложненными процедурами. В апреле 2015 г. египетский министр по инвестициям и развитию Ашраф Салман заявил о том, что его ведомство собирается разработать план по борьбе с разросшимся бюрократическим аппаратом³, мешающим экономическому развитию страны, однако на сегодняшний день о каких-либо заметных результатах этой инициативы говорить пока рано. «Бюрократическая децентрализация», которую западные эксперты в разное время рекомендовали и Мубарак⁴, и Мурси, до сих пор не произошла, а учитывая тот

¹ Arab region scores slight improvement on 2015 Corruption Perception Index // United Nations Development Programme. 28.01.16. URL: <http://www.undp-aci.org/resources/ac/newsDetails.aspx?nid=1221> (Дата обращения: 10.03.2016.)

² См.: Palmer M., Ali Leyla, El Sayed Yassin: *The Egyptian Bureaucracy* // Syracuse University Press. – N.Y., 1989. – P. 118.

³ См.: Parasie N. Egypt's Investment Minister Vows to Tackle Country's Bureaucracy. 22.04.15. URL: <http://blogs.wsj.com/frontiers/2015/04/22/egypts-investment-ministervowsto-tackle-countrys-bureaucracy/> (Дата обращения: 10.03.2016.)

⁴ См. доклад аналитического центра CIPE (Международный центр развития частного сектора) *Tackling the Leviathan: Performing Egyptian Bureaucracy for Improved Economic Growth* за 2009 г., в котором предлагался ряд мер по «разгруз-

факт, что очередным президентом Египта является кадровый военный, привыкший к работе в крупной иерархической системе, заметного уменьшения государственного аппарата можно не ожидать.

Религиозная политика

Религиозный истеблишмент современного Египта делится на несколько групп. Первая, условно «официальная», связана с крупнейшим теологическим университетом Аль-Азхар, из этой среды выходят публичные фигуры – муфтии Египта, телевизионные проповедники и публичные ораторы. «Официальной» группе свойственно сотрудничество с существующим государственным режимом и поддержка его решений. Альтернативную сторону представляют крайние «салафиты» и сторонники «перманентного джихада», отрицающие возможность существования чистого ислама в рамках светского государства. Египетское правительство не идет на прямое подавление деятельности этой группы, однако наблюдает за ее лидерами, и, в случае совершения определенных «непозволительных» шагов, таких как организация террористических актов, оказание прямой поддержки антиправительственным подпольным группировкам и выступления против существующей власти, подобные движения ликвидируются со всеми органами и ключевыми фигурами¹. Стоит отметить, что предыдущая администрация Египта во главе с президентом Мухаммедом Мурси игнорировала существование «теневого исламизма», а иногда даже сотрудничала с его представителями, предполагая, что «инклюзивный» идеологический посыл «Братьев-мусульман» позволит

ке» и демократизации египетского бюрократического аппарата. URL: <http://www.cipe-arabia.org/files/pdf/Bureaucracy-EN.pdf> (Дата обращения: 10.03.2016.)

¹ Стоит отметить, что именно таким образом была ликвидирована организация «Братья-мусульмане» в 1954 г., после прихода к власти полковника Гамаль Абдель Насера. Парадоксальным образом первая ликвидация «Братьев-мусульман» дала толчок к развитию «политического ислама» на территории всего Ближнего Востока, а также прославила нескольких идеологов исламского фундаментализма, в числе которых Сейид Кутб, Шукри Мустафа и Юсуф Аль-Кардави. Помимо «Братьев-мусульман», запрету и ликвидации в разное время подвергались и более радикальные нео-хариджитские группировки, в частности группировка «Такфир», местное отделение «Хизб ут-Тахрир» и «Джамаа Исламийя». Подробнее см.: Кепель Жиль. Джихад: Экспансия и закат исламизма / Пер. с фр. В.Ф. Денисова. – М: Ладомир, 2004. – С. 80–87.

сплотить в своих рядах как «умеренную» суннитскую интеллектуальную и предпринимательскую элиту, так и «низовых» мусульман-салафитов из условных средних и беднейших слоев городского населения. Следует подчеркнуть, что многие египетские салафиты, наоборот, отрицают всякий «политический ислам» и политизацией подобных мусульман в Египте в течение трех лет (с 2011 по 2014 г.) занималась партия «Ан-Нур», деятельность которой была «временно приостановлена» уже при Абдель Фаттахе Ас-Сиси¹ и «перезапущена» после долгих судебных тяжб с египетской организацией «Народное движение против “ихванизации” Египта»², ратующей за политическую изоляцию исламистов любого толка. Напряженность внутри египетской салафитской среды значительно возросла после событий лета 2013 г., когда партия «Ан-Нур» и ее руководитель Юнус Абдель Халим Махун выступили против Мухаммеда Мурси, присоединившись к оппозиции, требующей отставки президента-исламиста. Последовавшие за этим трагические события, в частности столкновение у штаба республиканской гвардии и гибель сторонников президента Мурси на площади Рабиа Аль-Адавиа, заставили «Ан-Нур» выйти из оппозиционного «Братьям-мусульманам» движения и продемонстрировали всю глубину потенциального раскола египетского общества. Еще в марте 2013 г. сторонний наблюдатель, не входящий в египетские религиозные сообщества, мог наблюдать дебаты умеренных салафитских групп, происходящие в каирских кофейнях, но сейчас подобная публичная активность практически прекратилась в связи с тем, что правительство Ас-Сиси активно пресекает любые предпосылки к зарождению «третьей революционной волны»³.

Университет Аль-Азхар был и остается сравнительно независимой средой для молодых политически активных мусульман, своеобразным «государством в государстве», интересы которого

¹ Egypt court says it has no power to dissolve Nour Party // Ahram Online. 22.09.14. URL: <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/111394/Egypt/Politics-/Egypt-court-says-it-has-no-power-to-dissolve-Nour-.aspx> (Дата обращения: 10.03.2016.)

² Court claims no jurisdiction over religiously affiliated parties // Daily News Egypt. 26.10.14. URL: <http://www.dailynewsegypt.com/2014/11/26/court-claims-jurisdictionreligiouslyaffiliated-parties/> (Дата обращения: 27.03.2016.)

³ См. последнее заявление неформального египетского движения «Salafyo Costa», бывшего организатора подобных встреч, на своей странице в социальной сети Facebook: URL: <http://www.facebook.com/salafyocosta/posts/552279251513944> (Дата обращения: 27.03.2016.)

крайне редко вступают в противоречие с интересами правительства. Во время военного переворота руководство Аль-Азхара приняло сторону армии, чем вызвало критику со стороны многих мусульманских стран, поддерживавших «шариатизацию» Египта и «Братьев-мусульман»¹, а верховный муфтий Египта Али Гомаа, напрямую связанный с Аль-Азхаром, и вовсе призывал армию и полицию к убийству протестующих сторонников свергнутого президента Мурси².

Президент Египта Абдель Фаттах Ас-Сиси имеет собственное мнение об исламе в жизни Египта, и оно достаточно радикально расходится с условно «салафитской» точкой зрения. Ас-Сиси, в силу сложившихся политических обстоятельств, видит определенные проблемы, связанные с радикальным исламом, и не боится их озвучивать. Показательным моментом в этом вопросе является новогоднее выступление президента Египта в министерстве вакфов, где он заявил, что «1,5 млрд мусульман всего мира не должны стремиться к убийству оставшихся 7 млрд немусульман» и строить свое мировоззрение, исходя из «архаичных средневековых текстов»³. 22 января 2015 г. Ас-Сиси фактически повторил это заявление на Всемирном экономическом форуме в Давосе, адресуя его уже зарубежным партнерам, отчасти в связи с произошедшим в Париже расстрелом редакции сатирического журнала «Шарли Эбдо». «Мусульмане должны изменить свой религиозный дискурс. Изменения не должны касаться столпов вероубеждения или его основ, поскольку эти вещи постоянны. Но нам нужен новый дискурс, который будет адаптирован к новому миру и который

¹ Erdoğan says 'history will curse' Al-Azhar Sheikh for endorsing coup // Today's Zaman. 25.08.13. URL: http://www.todayszaman.com/latest-news_erdogan-says-historywillcurse-al-azhar-sheikh-for-endorsing-coup_324477.html (Дата обращения: 10.03.2016.)

² См.: Amr Osman. Ali Goma: Kill them, they stink // Middle East Monitor. 21.11.13. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/articles/africa/8421-ali-goma-kill-them-they-stink> (Дата обращения: 10.03.2016.)

³ Egypt's Sisi: Islamic «Thinking» Is «Antagonizing the Entire World». Raymond Ibrahim. 01.01.15. URL: <http://www.raymondibrahim.com/from-the-arab-world/egypts-sisiislamicthinking-is-antagonizing-the-entire-world/> (Дата обращения: 10.03.2016.)

поможет нивелировать часть принципиальных несовпадений», – заявил он¹.

Важную роль в религиозной и политической жизни Египта занимает коптская община во главе с патриархом Коптской православной церкви Феодором (Тавадросом) II, отношения которого с Мухаммедом Мурси были крайне напряженными. С самого начала своего восхождения к власти Мухаммед Мурси вызывал у коптов серьезные опасения, и они с большей охотой поддерживали других участников президентской гонки – Ахмеда Шафика и Хамдина Саббахи². Эта реакция была связана прежде всего с тем, что за время политической нестабильности случаи нападений, жертвами которых являлись христиане-копты, значительно участились. Почти всегда зачинщиками погромов и нападений были агрессивно настроенные исламисты, по их собственным словам собирающие «джизью»³ с христиан, живущих на земле ислама. После ряда таких происшествий некоторая доля коптов начала всерьез полагать, что победа «Братьев-мусульман», пусть даже «демократическая и свободная», станет началом эпохи агрессивно-го доминирования ислама и забвения египетского христианства. Их излишне пессимистические предположения оказались не столь далекими от правды – новая власть, активно вступающая в диалог с любыми исламистскими движениями внутри страны, в лучшем случае предпочитала просто не замечать коптов, в худшем – мстить за отсутствие лояльности. В 2012 г. несогласие коптов с исламистской «линией Мурси» благодаря работе правительственных СМИ превратилось в «предательство интересов государства». Христианское меньшинство начало испытывать серьезное давление со стороны «Братьев-мусульман» и их сторонников, а президент Мурси, благодаря расширению конституционных полномочий, всё более напоминал авторитарного лидера, а не «демократически избранного» президента страны. Более того, ст. 2

¹ Miles K. Egyptian President Sisi: Muslims Need To Reform Their Religious Discourse// Huffington Post. 22.01.15. URL: http://www.huffingtonpost.com/2015/01/22/sisi-muslims-adapt_n_6508808.html (Дата обращения: 10.03.2016.)

² См.: Tadroz M. Defiance in the Face of Denial. MERIP. URL: <http://www.merip.org/mer/mer267/copts-under-mursi> (Дата обращения: 10.03.2016.)

³ Специальный налог с иноверцев в ряде мусульманских стран. – *Прим. ред.*

См.: Hamza Hendawi. AP Interview: Egypt's pope criticizes Islamists // Associated Press. 05.02.13. URL: <http://news.yahoo.com/ap-interview-egypts-pope-criticizes-islamists195303020.html> (Дата обращения: 27.03.2016.)

новой Конституции Египта, провозглашающая шариат в качестве «основного источника закона», категорически не устраивала Феодора II, поскольку фактически легитимизировала вытеснение египетских христиан за пределы формальной юридической системы¹.

Одним из явных свидетельств взаимного недоверия между Мурси и Феодором II явился отказ президента посетить церемонию интронизации нынешнего патриарха коптской церкви в ноябре 2012 г.² В ближневосточном формате, где любой религиозный дисбаланс может стать причиной гражданского конфликта, подобный поступок говорил как минимум о том, что бывший президент страны уже на тот момент не обладал собственной политической волей, испытывая постоянное давление со стороны крайних салафитов и им подобных радикальных исламистов. Ближе к концу правления Мурси межрелигиозное напряжение внутри страны начало доходить до предела, переломный момент наступил 7 апреля 2013 г., во время похорон четырех коптов, убитых в деревне Эль-Хусус. Копты, находящиеся внутри каирского собора Св. Марка, во время церемонии прощания с единоверцами подверглись атаке со стороны неустановленных лиц, более того, избиения и забрасывания камнями происходили не без помощи полиции, запустившей в здание собора слезоточивый газ³. В результате этого столкновения погибло шестеро прихожан, и, несмотря на последовавшие заверения Мурси в том, что «атака на собор – это атака на него (Мурси) самого», отношения между коптами и «Братьями-мусульманами» были испорчены навсегда⁴.

Поддержка, которую выразил военным Феодор II во время свержения режима Мухаммеда Мурси, вполне логично проистекала из всех трудностей, с которыми столкнулись египетские христиане в период «исламистского эксперимента». Лидерство

¹ Arabiya. 18.11.12. URL: <http://english.alarabiya.net/articles/2012/11/18/250411.html> (Дата обращения: 10.03.2016.)

² Egyptian President Mursi absent at enthronement of Pope Tawadros II // Al Arabiya. 18.11.12. URL: <http://english.alarabiya.net/articles/2012/11/18/250411.html> (Дата обращения: 10.03.2016.)

³ Cairo clashes at St Mark's Coptic Cathedral after funerals // BBC. 07.04.13. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-22058570> (Дата обращения: 10.03.2016.)

⁴ См.: Kirkpatrick D. Coptic Christian Leader in Egypt Criticizes Government Over Violence // New York Times. 09.04.13. URL: http://www.nytimes.com/2013/04/10/world/middleeast/coptic-christian-leader-criticizes-morsi-government.html?_r=0 (Дата обращения: 10.03.2016.)

армии и Абдель Фаттаха Ас-Сиси означало возвращение Египта к политике Хосни Мубарака, который по возможности шел на встречу христианскому меньшинству, несмотря на недовольство исламистов. Очевидно, что одним из приоритетов Ас-Сиси является внутренняя безопасность страны, проистекающая в том числе из межрелигиозного диалога между мусульманским большинством и коптами. Сам президент предпринимает активные попытки удержания позитивного имиджа в христианской среде. Так, его рождественское выступление, проведенное в соборе Св. Марка 25 января 2015 г., стало беспрецедентным поступком в реалиях современного Египта, в особенности учитывая принадлежность Ас-Сиси к «практикующим» мусульманам¹.

В целом религиозная жизнь египетского общества в последнее время не столь богата на конфликты, как в период внутриполитического доминирования «Братьев-мусульман». Ситуацию усложняет стремительное развитие регионального экстремизма в связи с экспансией ИГИЛ, однако при должном сотрудничестве религиозных и правительственных институтов у Египта есть все шансы предотвратить распространение террористических сетей внутри страны и добиться межконфессионального согласия.

Проблемы государственной безопасности

Нынешнее правительство Египта на протяжении последних двух с половиной лет находится в фактическом состоянии войны с террористами.

Нестабильной политической ситуацией, охватившей республику в период очередной смены власти, воспользовались радикалы – на территории Синай участились случаи террористических актов, в центральном Египте начали совершаться первые политические убийства. После утверждения нового руководства террористическая активность приобрела еще большие масштабы, угрожая не только Египту, но и его соседям – Израилю и Иордании.

Некоторые специалисты называют основной причиной роста египетского экстремизма жесткую политику, проводимую президентом Египта Абдель Фаттахом Ас-Сиси по отношению к «Братьям-мусульманам», многие из которых отбывают пожиз-

¹ См.: Raymond Ibrahim. The Significance of President El-Sisi's Greetings. Gatestone Institute. 25.01.15. URL: <http://www.gatestoneinstitute.org/5125/el-sisi-coptic-christmas> (Дата обращения: 10.03.2016.)

ненные заключения или приговорены к смертной казни. По мнению критиков египетского правительства, «виктимизация» исламистов, осуществляющаяся через принятие подобных судебных решений, провоцирует исламистов на продолжение политической борьбы доступными им способами¹. Однако некоторые факты указывают на то, что в нынешних геополитических условиях Египет был обречен на столкновение с террором. Так, бывший президент Египта Мухаммед Мурси, следуя идеологии «Братьев-мусульман», сознательно проводил политику интеграции радикальных исламистов в египетский религиозный истеблишмент, делая ставку на то, что «умеренная» исламизация Египта поможет мирному сосуществованию всех мусульман, вне зависимости от их идеологических взглядов. Схожей линии поведения Мурси придерживался и во внешней политике. Стремясь к статусу регионального защитника мусульман-суннитов, летом 2013 г. Мухаммед Мурси принял решение о разрыве дипломатических отношений с официальным Дамаском². Для египетских силовиков, понимающих, что этот шаг обернется окончанием сотрудничества спецслужб в деле противостояния террористической угрозе, решение Мурси стало «последней каплей» – буквально через две недели ими был санкционирован государственный переворот. Нет никаких оснований предполагать, что продолжение «исламистской» политики уберегло бы Египет от террора, скорее наоборот, экстремисты, в отсутствие скоординированной работы спецслужб и при попусшении президента, проникли бы в республику намного раньше.

На сегодняшний день противостояние между государством и ИГИЛ выражается в первую очередь через конфликты, вспыхивающие на Синайском полуострове. Эта малозаселенная территория, входящая в состав Египта, граничит с центрами регионального «джихадистского туризма» – Сектором Газа, Иорданией и Саудовской Аравией, обеспечивающими «ротацию» террористических элементов внутри полуострова. Если ранее основную угрозу для властей на территории Синая представляли бедуинские племена, занимающиеся контрабандой и похищениями, то сегодня

¹ См.: Ashraf El-Sherif. The Egyptian Muslim Brotherhood's Failures. Carnegie Endowment for International Peace. July 2014. P. 22. URL: http://carnegieendowment.org/files/muslim_brotherhood_failures.pdf (Дата обращения: 27.03.2016.)

² Morsi says Egypt cuts all ties with Damascus, calls for Syria no-fly zone // Russia Today. 15.06.13. URL: <http://rt.com/news/egypt-ties-morsi-syria-764/> (Дата обращения: 10.03.2016.)

их окончательно вытеснили террористические группировки. В период политических потрясений в стране 2011–2013 гг. они укрепили свое присутствие на Синае, который и ранее служил для них надежным плацдармом. Во второй половине 2013 г. полуостров окончательно превратился в очаг террористической активности, в перевалочный пункт для экстремистов, направляющихся отчасти в сторону Израиля и Газы, отчасти в сторону Египта. Вскоре вооруженные группы боевиков начали оказывать давление на местные общины: христиан-коптов вынудили покинуть синайский город Рафах под угрозой смерти¹, а бедуинов, уличенных в поддержке египетской армии, время от времени проводящей спецоперации в регионе, показательно расстреливали. Помимо этого на Синае резко возрос оборот вооружения, поставщиками которого являлись в первую очередь ливийские экстремистские организации, распространившиеся по региону после свержения Муаммара Каддафи.

На Синае действовали и продолжают действовать несколько крупных террористических организаций, в числе которых «Совет Шуры моджахедов в окрестностях Иерусалима», «Катаиб Аль-Фуркан» и «Аль-Каида на Синайском полуострове», однако наиболее опасной из местных террористических групп является группировка «Ансар Бейт Аль-Макдис», весной 2015 г. объявившая себя союзником ИГИЛ и переименовавшаяся в «Вилаят Синай». Сообщения об «Ансар Бейт Аль-Макдис» начали появляться в СМИ в 2011 г., фактически эта группировка пришла на смену действовавшей на территории Синая «Аль-Каиде». Мнения по поводу происхождения организации расходятся, хотя сами ее члены утверждают, будто движение «Ансар Бейт Аль-Макдис» было учреждено коренными египтянами-суннитами, вынужденными бежать на территорию Синая из-за преследований со стороны властей.

Египетские военные регулярно проводят контртеррористические операции на территории полуострова. Наиболее масштабной из боевых операций была зачистка населенных пунктов, расположенных между синайскими городами Шейх Зувейд и Рафах. По сообщениям СМИ, 6 июля 2015 г. египетская пехота при поддержке авиации атаковала укрепления и транспортные средства, принадлежащие членам «Вилаят Синай» / ИГИЛ, в результате чего

¹ Christians flee Rafah after militant threats // Ahram Online. 28.09.12. URL: <http://english.ahram.org.eg/News/54123.aspx> (Дата обращения: 10.03.2016.)

были уничтожены 63 террориста¹. Спецоперация была проведена в ответ на атаку, совершенную террористами четырьмя днями ранее. Общим итогом произошедших событий стала гибель 117 человек, 100 из которых, по утверждению египетских силовиков, принадлежали к действующим членам ИГИЛ². По словам египетского бригадного генерала Мохамеда Самира, всего в ходе операций, проведенных летом 2015 г. на территории Синая, Вооруженные Силы республики уничтожили 241 боевика. Учитывая, что небольшие стычки происходят на Синае практически ежедневно, эта цифра продолжает увеличиваться. Следует отметить, что террористы мстят властям уже на «материке», устраивая многочисленные покушения на египетских силовиков и политических функционеров, поддерживавших свержение Мухаммеда Мурси и установление новой власти в Египте. Так, 23 апреля 2015 г. был убит полковник МВД Ваэль Тахун, до этого жертвами террористов стали подполковник Национальной службы безопасности Мабрук (ноябрь 2013 г.), капитан НСБ Мохамед Абу Шакра (июнь 2013 г.), бывший и.о. министра МВД Мохамед Эль-Сайед (январь 2014 г.) и бригадный генерал ВС Египта Ахмед Заки (апрель 2014 г.)³.

Из подобных происшествий наиболее широкий информационный резонанс получило убийство, совершенное в Каире 30 июня 2015 г. В тот день жертвой взрыва стал генеральный прокурор Египта Хишам Баракат.

Вероятнее всего, теракт был совершен в отместку за смертный приговор, вынесенный Баракатом в отношении бывшего президента республики Мухаммеда Мурси⁴. Ответственность за убийство прокурора взяла на себя группировка «Народное сопротивление Гизы» (далее – НСГ), до того момента известная лишь

¹ Egyptian Army Kills 63 Militants in North Sinai Operation // Al-Manar. 06.07.15. URL: <http://www.almanar.com.lb/english/adetails.php?eid=219745&cid=21&fromval=1> (Дата обращения: 10.03.2016.)

² Scores Killed in Egypt's Sinai Peninsula as Militants, Army Clash. Dahlia Kholaiif, Tamer El-Ghobashy // The Wall Street Journal. 02.07.15. URL: <http://www.wsj.com/articles/islamic-militants-attack-egyptian-army-checkpoints-1435740097> (Дата обращения: 10.03.2016.)

³ Mai Shams El-Dinl. Cycles of violence in Matareya // Mada Masr. 23.04.15. URL: <http://www.madamasr.com/sections/politics/cycles-violence-matareya> (Дата обращения: 10.03.2016.)

⁴ Car bomb attack kills Egypt's top public prosecutor. Ahmed Hassan, Omar Fahmy // Reuters. 30.06.15. URL: <https://www.reuters.com/article/2015/06/30/us-egypt-violence-idUSKCN0P90UA20150630> (Дата обращения: 10.03.2016.)

по инциденту с поджогом каирского отделения банка Emirates, видеозапись которого была обнародована в Интернете 3 февраля 2015 г.¹ По мнению экспертов, эта экстремистская группа, действующая в районах Гизы и Александрии под различными названиями, претендует на роль молодежного «боевого крыла» ИГИЛ, однако прямая связь между ИГИЛ и НСГ до сих пор не установлена.

Крупнейшей трагедией, привлечшей внимание СМИ к террористической активности на территории Египта, стал теракт, совершенный 31 октября 2015 г. на борту российского лайнера Airbus A-321 и унесший жизни 217 пассажиров и семь членов экипажа. Теракт произошел над Синаем и по одной из версий к нему могли быть причастны работники аэропорта Шарм-эш-Шейха. Египетская сторона долгое время отказывалась признавать собственную халатность в вопросах безопасности иностранных туристов и «выносить сор из избы». Вопреки российским данным, египетские спецслужбы публично выражали сомнение в террористической природе происшествия и, по всей видимости, продолжают вести скрытое расследование². При этом египетские власти не комментируют возможность участия штатного авиамеханика в подготовке теракта и отрицают слухи о задержании предполагаемого террориста³. По мнению российской стороны, это преступление было совершено «Вилаят Синай» / ИГИЛ, поскольку именно пропагандистский интернет-журнал Dabiq, являющийся «боевым листком» ИГИЛ, первым опубликовал фотографии взрывного устройства, предположительно ставшего причиной крушения российского лайнера⁴.

¹ URL: <http://youtu.be/tKyMGwTIpjU> – Emirates NBD bank torched in Egypt (Видео). YouTube. 03.02.15. (Дата обращения: 10.03.2016.)

² См.: Jethro Mullen. Egypt: No evidence of terrorism so far in Russian passengerjet crash // CNN. 14.12.2015. URL: <http://edition.cnn.com/2015/12/14/world/egypt-trussianjet-crash-investigation/> (Дата обращения: 10.03.2016.)

³ Exclusive: EgyptAir mechanic suspected in Russian plane crash // Reuters. 29.01.2016. URL: <http://www.reuters.com/article/us-egypt-crash-suspects-idUSKCN0V712V> (Дата обращения: 10.03.2016.)

⁴ См.: Бондаренко Мария. «Исламское государство» показало фото заложенной на борту А-321 бомбы // РБК. 18.11.15. URL: <http://www.rbc.ru/politics/18/11/2015/564c97699a79470d8a88b8cb> (Дата обращения: 31.03.16.)

На настоящий момент Египет переживает непростой исторический период. Его государственная безопасность во многом зависит от действий вооруженных сил и решений военного руководства, а опасное соседство с Ливией делает неизбежным проникновение «джихадистского туризма» на территорию республики. Несмотря на то что сегодня вероятность зарождения второй «революционной волны» в Египте несколько снизилась, перед руководством республики все еще стоят острые вопросы, которые рано или поздно потребуют комплексного решения.

«Арабская весна», во многом вызванная внутренними социальными проблемами стран Ближнего Востока, не смогла изменить типичные для Египта проблемы – высокий уровень коррупции и бюрократии, нехватку социальной мобильности и отсутствие «прозрачных» политических институтов. С этими же факторами не может справиться и аппарат Абдель Фаттаха Ас-Сиси.

Парламентские выборы, прошедшие в республике с октября по ноябрь 2015 г. и ознаменовавшие собой конец «переходного периода», увенчались решительной победой пропрезидентского блока «С любовью к Египту».

Египетские исламисты, представленные лояльной правительству Ас-Сиси партией «Ан-Нур», заняли лишь 11 парламентских кресел из 596, что как нельзя доходчиво говорит о завершении эпохи исламистских политических экспериментов. «Шариатская политика» вновь стала ассоциироваться не с «особым египетским путем», представленным умеренными «Братьями-мусульманами», а в первую очередь с террористами, противостоящими «военному режиму».

В условиях текущих ближневосточных событий и террора, на сегодняшний день захлестнувшего даже страны ЕС, египетское руководство получает фактический «карт-бланш» на интенсификацию внешней и внутренней политики, как от влиятельных государств «арабского мира», так и от своих заокеанских партнеров. Это подтверждается фактом возобновления сотрудничества с Западом, два года назад горячо критиковавшим египетских военных, выступивших против режима Мухаммеда Мурси. К настоящему моменту ЕС и США практически перестали требовать от Египта немедленного возврата на «путь демократизации», так как текущее республиканское правительство, не являясь прозападным, тем не

менее продемонстрировало свою договороспособность. Исходя из факта снижения внешнего давления на Египет, можно прийти к выводу о том, что процессы социальных и институциональных реформ в республике вновь переносятся на неопределенный срок. Качественные изменения во внутренней политической жизни Египта могут произойти в контексте завершения сложного процесса реорганизации всего Ближнего Востока, начало которому было положено, но отнюдь не завершено «арабской весной».

Источники

1. Бондаренко Мария. «Исламское государство» показало фото заложенной на борту А-321 бомбы. РБК. 18.11.15. URL: <http://www.rbc.ru/politics/18/11/2015/564c97699a79470d8a88b8cb> (Дата обращения: 13.04.2016.)
2. Египет: митинги разделили на санкционированные и нет. BBC. 25.11.13 URL: http://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131125_egypt_protest_law (Дата обращения: 13.04.2016.)
3. Зинькина Ю.В., Коротаев А.В. Египетская революция 2011 г.: Структурно-демографический анализ. Полит.ру. 04.03.11. URL: <http://polit.ru/article/2011/03/04/egyrev/> (Дата обращения: 13.04.2016.)
4. Кепель Жиль. Джихад: Экспансия и закат исламизма/ Пер. с фр. В.Ф. Денисова. – М.: Ладомир, 2004. – С. 80–87.
5. Ahmed Hassan, Omar Fahmy. Car bomb attack kills Egypt's top public prosecutor. Reuters. 30.06.15. URL: <http://www.reuters.com/article/2015/06/30/us-egypt-violenceidUSKCN0P90UA20150630> (Дата обращения: 13.04.2016.)
6. Amr Osman. Ali Gomaa: Kill them, they stink. Middle East Monitor. 21.11.13. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/articles/africa/8421-ali-gomaa-kill-them-theystink> (Дата обращения: 13.04.2016.)
7. Arab region scores slight improvement on 2015 Corruption Perception Index. United Nations Development Programme. 28.01.16. URL: <http://www.undp-aci.org/resources/ac/newsDetails.aspx?nid=1221> (Дата обращения: 13.04.2016.)
8. Ashraf El-Sherif. The Egyptian Muslim Brotherhood's Failures. Carnegie Endowment for International Peace. July 2014. P. 22 URL: http://carnegieendowment.org/files/muslim_brotherhood_failures.pdf (Дата обращения: 13.04.2016.)
9. As-Sisi yudafi 'u 'an kanun at-tazahir. Al-Araby. 24.11.14. URL: <http://www.alaraby.co.uk/politics/2014/11/1/%D8%A7%D9%84%D8%B3%D9%8A%D8%B3%D9%8A-%D9%8A%D8%AF%D8%A7%D9%81%D8%B9-%D8%B9%D9%86-%D9%82%D8%A7%D9%86%D9%88%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%B8%D8%A7%D9%87%D8%B1> (Дата обращения: 13.04.2016.)
10. Borzou Daragahi. Egyptians become victims of soaring crime rate. Financial Times. 01.05.13. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/7ffac226-adab-11e2-a2c7-00144feabdc0.html#axzz45iqDoS6j> (Дата обращения: 13.04.2016.)
11. Cairo clashes at St Mark's Coptic Cathedral after funerals. BBC. 07.04.13. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-22058570> (Дата обращения: 13.04.2016.)

12. Christians flee Rafah after militant threats. Ahram Online. 28.09.12. URL: <http://english.ahram.org.eg/News/54123.aspx> (Дата обращения: 13.04.2016.)
13. Court claims no jurisdiction over religiously affiliated parties. Daily News Egypt. 26.10.14. URL: <http://www.dailynewsegypt.com/2014/11/26/court-claims-jurisdictionreligiouslyaffiliated-parties/> (Дата обращения: 13.04.2016.)
14. Dahlia Kholaf, Tamer El-Ghobashy. Scores Killed in Egypt's Sinai Peninsula as Militants, Army Clash. The Wall Street Journal. 02.07.15. URL: <http://www.wsj.com/articles/islamic-militants-attack-egyptian-army-checkpoints-1435740097> (Дата обращения: 13.04.2016.)
15. Dina Ezzat. Rabaa Al-Adawiya: After the sit-in. Al-Ahram. 24.09.2013. URL: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/0/82437/Egypt/0/Rabaa-AlAdawiya-After-the-sit-in.aspx> (Дата обращения: 13.04.2016.)
16. Dworkin A., Michou H. Egypt's unsustainable crackdown. European Council on Foreign Relations. 08.01.14. URL: http://www.ecfr.eu/publications/summary/egypts_unsustainable_crackdown303 (Дата обращения: 13.04.2016.)
17. Egypt's military shuts down news channels. Al-Jazeera. 04.07.13. URL: <http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2013/07/2013740531685326.html> (Дата обращения: 13.04.2016.)
18. Egypt 2015 Crime and Safety Report. Bureau of Diplomatic Security. 04.01.15. URL: <https://www.osac.gov/pages/ContentReportDetails.aspx?cid=17373> (Дата обращения: 13.04.2016.)
19. Egypt: Too Many Regulations Breed Corruption. The World Bank. 11.12.2014. URL: <http://www.worldbank.org/en/news/feature/2014/12/09/egypt-bureaucrasy-regulationsand-lack-of-accountability-inspire-corruption> (Дата обращения: 13.04.2016.)
20. Egypt court says it has no power to dissolve Nour Party. Ahram Online. 22.09.14. URL: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/111394/Egypt/Politics-/Egypt-courtsays-it-has-no-power-to-dissolve-Nour-.aspx> (Дата обращения: 13.04.2016.)
21. Egyptian Army Kills 63 Militants in North Sinai Operation. Al-Manar. 06.07.15. URL: <http://www.almanar.com.lb/english/adetailsphp?eid=219745&cid=21&fromval=1> (Дата обращения: 13.04.2016.)
22. Egyptian President Mursi absent at enthronement of Pope Tawadros II. Al Arabiya. 18.11.12. URL: <http://english.alarabiya.net/articles/2012/11/18/250411.html> (Дата обращения: 13.04.2016.)
23. Erdoğan says 'history will curse' Al-Azhar Sheikh for endorsing coup. Today's Zaman. 25.08.13. URL: http://www.todayszaman.com/latest-news_erdogan-says-historywillcurse-al-azhar-sheikh-for-endorsing-coup_324477.html (Дата обращения: 13.04.2016.)
24. Exclusive: EgyptAir mechanic suspected in Russian plane crash. Reuters. 29.01.2016. URL: <http://www.reuters.com/article/us-egypt-crash-suspects-idUSKCN0V712V> (Дата обращения: 13.04.2016.)
25. Hamza Hendawi. AP Interview: Egypt's pope criticizes Islamists. Associated Press. 05.02.13. URL: <http://news.yahoo.com/ap-interview-egypts-pope-criticizes-islamists-195303020.html> (Дата обращения: 13.04.2016.)
26. Jethro Mullen. Egypt: No evidence of terrorism so far in Russian passenger jet-crash. CNN. 14.12.2015. URL: <http://edition.cnn.com/2015/12/14/world/egypt-russianjetcrash-investigation/> (Дата обращения: 13.04.2016.)

27. Kirkpatrick D. Coptic Christian Leader in Egypt Criticizes Government OverViolence. New York Times. 09.04.13. URL: http://www.nytimes.com/2013/04/10/world/middleeast/coptic-christian-leader-criticizes-morsi-government.html?_r=0 (Дата обращения: 13.04.2016.)
28. Mai Shams El-Din. Cycles of violence in Matareya. Mada Masr. 23.04.15. URL: <http://www.madamasr.com/sections/politics/cycles-violence-matareya> (Дата обращения: 13.04.2016.)
29. Miles K. Egyptian President Sisi: Muslims Need To Reform Their Religious Discourse. Huffington Post. 22.01.15. URL: http://www.huffingtonpost.com/2015/01/22/sisi-muslims-adapt_n_6508808.html (Дата обращения: 13.04.2016.)
30. Morsi says Egypt cuts all ties with Damascus, calls for Syria no-fly zone. Russia Today. 15.06.13. URL: <http://rt.com/news/egypt-ties-morsi-syria-764/> (Дата обращения: 13.04.2016.)
31. Palmer M., Ali Leyla, El Sayed Yassin: The Egyptian Bureaucracy. Syracuse University Press, N.Y., 1989. – P. 118.
32. Parasie N. Egypt's Investment Minister Vows to Tackle Country's Bureaucracy. 22.04.15. URL: <http://blogs.wsj.com/frontiers/2015/04/22/egypts-investment-minister-vowsto-tackle-countrys-bureaucracy/> (Дата обращения: 13.04.2016.)
33. Raymond Ibrahim. Egypt's Sisi: Islamic «Thinking» Is «Antagonizing the Entire World». 01.01.15. URL: <http://www.raymondibrahim.com/from-the-arab-world/egyptssisiislamic-thinking-is-antagonizing-the-entire-world/> (Дата обращения: 13.04.2016.)
34. Raymond Ibrahim. The Significance of President El-Sisi's Greetings. Gatestone Institute. 25.01.15. URL: <http://www.gatestoneinstitute.org/5125/el-sisi-coptic-christmas> (Дата обращения: 13.04.2016.)
35. Special Briefing on Travel to the Middle East and Europe. Washington, DC. 21.07.2006. URL: <http://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2006/69331.htm> (Дата обращения: 13.04.2016.)
36. Tadroz M. Defiance in the Face of Denial. MERIP. URL: <http://www.merip.org/mer/mer267/copts-under-mursi> (Дата обращения: 13.04.2016.)
37. The Arab Spring at Five: Updates On Tunisia, Egypt, and Turkey. Foreign Affairs. 08.02.16. URL: <https://www.foreignaffairs.com/audios/2016-02-08/arab-spring-five-updatestunisia-egypt-and-turkey> (Дата обращения: 13.04.2016.)
38. Yasmin El-Rifae. Egypt's Sexual Harassment Law: An Insufficient Measure to End Sexual Violence. Middle East Institute. 17.07.14. URL: <http://www.mei.edu/content/at/egypts-sexual-harassment-law-insufficient-measure-end-sexual-violence> (Дата обращения: 13.04.2016.)
39. Yasmine Fathi. The circle of hell: Inside Tahrir's mob sexual assault epidemic. Ahram Online. 21.02.13. URL: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/151/65115/Egypt/Features/The-circle-of-hell-Inside-Tahrirs-mob-sexual-assau.aspx> (Дата обращения: 13.04.2016.)

*«Проблемы национальной стратегии». РИСИ,
М., 2016 г., № 3 (36), с. 46–63.*

Е. Дунаева,

кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник (Институт востоковедения РАН)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН:

ВЫЗОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Исламская революция 1979 г. в Иране положила конец существованию одной из самых древних на Ближнем Востоке монархий и создала новую модель политической системы, которая за прошедшие годы продемонстрировала стабильность и способность отвечать как на внутренние, так и на внешние вызовы. Иранскую модель, специфика которой заключается в сочетании теократических и республиканских принципов в системе государственно-политического устройства, можно рассматривать как подтверждение возможности эффективного функционирования государства современного типа, развивающегося на основе собственной политической традиции, т.е. избравшего незападный путь развития. За 36-летний период существования Исламской Республики Иран (ИРИ) ее политическая система претерпела определенные трансформации. Тенденция к либерализации политической системы позволяет говорить о модернизации, имеющей экзогенно-эндогенный характер.

В российской и западной иранистике большое внимание уделялось анализу системы государственного устройства ИРИ в первое послереволюционное десятилетие [Иранская революция, 1989]. Детально рассматривались попытки политической либерализации в период президентства М. Хатами (1997–2005) [Мамедова, 2001(1); Мамедова, 2001(2); Мамедова, 2005; Филин, 2012; Ansari, 2006; Tazmini, 2012]. Однако процессы, происходившие на политической арене страны после прихода к власти нового президента, ставленника консервативных сил М. Ахмадинежада (2005–2013), и приведшие к глубокому внутривластному кризису, последствия которого пытается ликвидировать оказавшийся в 2013 г. у власти блок умеренных сил, пока не получили должного освещения. В данной статье предполагается восполнить этот пробел.

ИРИ – теократическое государство, в котором духовная власть предопределяет все дела и помыслы, а духовенство контролирует все ветви власти. Тем не менее государственная система предполагает существование республиканских институтов, фор-

мирующихся на выборной основе. Ссылаясь на демократические посылы в исламе, опираясь на родство многих исламских заповедей с демократическими идеями и сопоставляя разные формы современного исламского государства, иранские политологи и правоведы утверждают, что созданная в стране система власти представляет собой «религиозную демократию» [Манучихри, 2007, с. 27–79]. Правомерным, однако, было бы охарактеризовать политическую систему ИРИ как авторитарную.

Период с 1979 г. до начала 1990-х годов ознаменовался упрочением позиций духовенства в структурах власти, вытеснением с политической сцены левых национально-либеральных сил и укреплением системы вelaye-факих – наделением наиболее авторитетного богослова, руководившего мусульманской общиной, государственными полномочиями. Шиитское духовенство, опиравшееся на идею неразрывной связи религии с политикой, не только возглавляло теократические структуры власти, но и стремилось взять под контроль выборные органы, прежде всего парламент, пытаясь подстроить практику современных политических систем под свои цели. В 1979 г. была создана Партия исламской республики (ПИР), задачей которой стало обеспечение политического лидерства духовенства в выборных органах власти. Две другие политические организации – Общество борющегося духовенства и Общество преподавателей Кумского теологического центра – также активно участвовали в политической жизни, в частности контролировали деятельность исламских профсоюзных и культурных организаций. К середине 1980-х годов религия стала системообразующим элементом политики страны.

Иранский исследователь М. Мохаммади сравнивает реализуемый в ИРИ проект «религиозной демократии» с моделью конституционной монархии, в рамках которой абсолютный правитель фактически контролирует деятельность выборных институтов.

По мнению Мохаммади, эта модель согласуется с интересами основных политических сил страны [Мохаммади, 2014].

В XX в. в Иране трижды предпринимались попытки ослабления «абсолютной» власти и усиления республиканских тенденций, но они потерпели крах. В начале прошлого века конституционные реформы привели к установлению деспотического режима шаха Реза Пехлеви (1925–1941). Борьба за демократизацию и за национализацию нефти в начале 1950-х годов закончилась усилением власти Мохаммада Реза Пехлеви (1941–1979). Следствием антишахской революции 1979 г. стало установление «абсолютного

правления вали факиха». Борьба двух противоположных тенденций (Мохаммади называет их стратегическими проектами абсолютизма и конституционности) за укрепление абсолютистской власти и за развитие республиканских основ наблюдалась в стране на протяжении всего XX в. [Мохаммади, 2014].

В середине 1980-х годов в среде духовенства обострились разногласия по вопросам дальнейшего развития страны. В результате произошел раскол на «правых» и «левых»¹, а ПИР была распущена. Противоборствовавшие фракции обладали своим видением внутренней и внешней политики ИРИ. «Правые» отстаивали идею сохранения режима вelaye-факих в том виде, в каком он был закреплен в Конституции, одновременно выступая за экономическую свободу и формирование рыночной экономики. «Левые», поддерживая доктрину вelaye-факих, указывали на необходимость развития исламской демократии и республиканских институтов, установления справедливости, осуждали имущественное неравенство, оставались сторонниками государственной или кооперативной собственности и расширения социальной поддержки неимущих.

Политическое соперничество между «левыми» и «правыми», начавшееся во время ирано-иракской войны (1980–1988), продолжалось в 1990-е годы и определяло характер политических процессов в ИРИ. Присутствие «левых» и «правых» в центральных органах власти способствовало поддержанию определенного баланса сил на политической арене. Непокколебимый авторитет лидера исламской революции аятоллы Хомейни сдерживал перерастание противоречий в конфликты, однако деятельность правительства и меджлиса была затруднена, что сказывалось на принятии политических решений.

Сложившаяся в стране внутривластная обстановка потребовала корректировки Конституции и внесения некоторых изменений в систему управления. В 1989 г., после проведения всенародного референдума, вступили в силу поправки к Основному закону, в соответствии с которыми были расширены права духовного лидера; отменен пост премьер-министра, что означало усиление роли президента; сформирован новый орган государственной власти – Совет по определению целесообразности принимаемых

¹ Понятия «левые» и «правые» могут применяться для характеристики политических группировок в ИРИ достаточно условно, так как они не в полной мере соответствуют используемым в современной политологии значениям.

решений, члены которого назначались духовным лидером. Совет выполнял консультационные функции и выступал арбитром в случае, если Наблюдательный совет и меджлис не приходили к соглашению. В целом поправки к Конституции способствовали дальнейшей централизации власти в стране.

Первое десятилетие после Исламской революции можно охарактеризовать как период дифференциации институтов управления и их функций с целью повышения эффективности. Иранский социолог Х. Башарийе называет эти годы «периодом упрочения олигархии духовенства» [Башарийе, 2002/2003, с. 51].

Завершение первого этапа реформы политической системы совпало со смертью имама Хомейни и выборами нового вали факиха, а также с началом экономической либерализации, осуществлявшейся избранным президентом А.А. Хахеми-Рафсанджани (1989–1997). Он инициировал обсуждение проектов, которые в случае их реализации могли бы привести к некоторой политической либерализации. Так, Рафсанджани выступил с идеей создания совета выдающихся богословов, который должен был разрабатывать стратегию развития и контролировать деятельность властей [Рах бара-йе шоураи кардан-е рахбари баз аст]. Следует отметить, что возможность основания Совета факихов была предусмотрена (но не реализована) Конституцией ИРИ до внесения в нее поправки [Ганун-е асаси-йе..., 1989/1990, с. 91].

В период своего президентства Рафсанджани предпринял попытку укрепления президентской власти, так как многочисленные структуры, вмешиваясь в деятельность исполнительных органов, препятствовали реализации различных программ. Его сторонники в меджлисе предложили отменить конституционные (два срока) ограничения на пребывание на посту президента. Однако попытки формального укрепления позиций главы государства не увенчались успехом.

Западные исследователи называют годы правления Рафсанджани Второй или торгово-буржуазной Республикой [Ansari, 2006, p. 52–64], подчеркивая тем самым отход от революционной линии первого десятилетия, выразившийся в опоре на торговую буржуазию. Прагматичный либеральный курс Рафсанджани, адаптированный им в экономической и внешнеполитической сферах, обусловил начало общественно-политической либерализации, базировавшейся на идеях исламского модернизма. Идеи ходжатоль эслама Кадивара, аятолл Шабестари, Монтазери, Ширази и светского идеолога А. Соруша, посвятившего множество работ

проблемам развития демократии в исламском обществе [Федосееенкова, 2011], соответствовали настроениям новых городских слоев. Кроме того, активизировалась деятельность политических организаций, началось формирование партийной системы.

Закон, регулирующий деятельность политических партий, был принят в 1981 г., однако до распада ПИР деятельность других партий официально находилась под запретом. Особенностью нового этапа партийного строительства стало формирование партий вокруг двух основных политических объединений духовенства – консервативного Общества борющегося духовенства и «левой» Ассамблеи борющегося духовенства. Под эгидой первой организации сложился Фронт сторонников линии имама, в состав которого вошли 17 мелких партий и организаций консервативного толка. Духовенство по-прежнему оставалось направляющей силой всех политических процессов, однако некоторые иранские исследователи называют 1990-е годы периодом перехода от авторитаризма к «декоративной демократии», поскольку в обществе появилось «стремление к освобождению от идеологического диктата правящих кругов» [Башарийе, 2002/2003, с. 55].

Можно согласиться с утверждением Х. Башарийе о появлении в иранском обществе демократических настроений и о стремлении некоторых политиков создать республиканский имидж исламского режима. Однако, даже используя понятие «декоративная демократия», нельзя забывать о том, что инициативы проведения курса на большую прозрачность политической жизни и экономическую либерализацию исходили от религиозных деятелей, наделенных властными полномочиями, и что решение о формировании новой партии принималось лишь с согласия вали факиха, а кандидаты на выборах всех уровней выдвигались религиозными общинами.

Вместе с тем еще в ходе Исламской революции некоторые представители высшего шиитского духовенства, разделявшие идеи исламского модернизма, выступали за ограничение религиозной составляющей в политической жизни, но при сохранении исламского режима.

С середины 1990-х годов наблюдался заметный рост политической активности населения, стали появляться светские политические организации. Зимой 1996 г. во время выборов в меджлис 5-го созыва прагматически настроенные руководители исполнительных органов – политики высшего и среднего звена, разделявшие идеи президента Рафсанджани, создали новую обще-

ственную организацию (позже ставшую партией «Каргозаран» – партией «Созидателей»), заявившую о проведении самостоятельной политической линии и завоевавшую более трети мест в парламенте. Деятельность партии способствовала росту либеральных настроений, активизации общественных движений и расширению гражданского участия в политике. Во время президентских выборов 1998 г. «Каргозаран», объединившаяся с организациями левого толка и выдвинувшая лозунг «За реформы», сумела вызвать небывалый подъем политической активности населения. Общественное движение сторонников реформ, позже названное «Движением 23 мая», опорой которого стали средние городские слои, привело к власти кандидата от реформаторских кругов – М. Хатами (1997–2005), и вновь процессы политической модернизации возглавил представитель духовенства.

Новый президент призвал к укреплению республиканских начал и демократизации политической жизни, однако все его политические воззвания были заключены в исламскую оболочку. На этот факт, в частности, обращает внимание Али Ансари, который подробно анализирует идею М. Хатами о формировании «исламского гражданского общества» и скептически оценивает его попытки осуществить «демократизацию сверху» в условиях отсутствия подготовленной социальной базы [Ansari, 2006, p. 144–145, 271–273].

Поддержавшее идеи президента «Движение 23 мая», объединявшее 18 партий и организаций, в том числе Ассоциацию борющегося духовенства, призывало к скорейшему проведению реформ в социально-политической и культурной сферах. Активизировались женские, молодежные, профессиональные организации, защитники прав национальных и религиозных меньшинств. Впервые в истории ИРИ состоялись выборы в местные исламские советы. Под давлением Движения президент инициировал реформы, которые могли бы усилить республиканские органы власти. Осенью 2002 г. меджлис, контролируемый реформаторами, одобрил законопроект, значительно расширявший полномочия президента: теперь он наделялся правом контролировать исполнение конституционных норм посредством наложения вето на решения, противоречившие положениям Основного закона.

Однако эти нововведения вызвали недовольство консерваторов и рахбара – духовного лидера государства. Так, в августе 2000 г. Али Хаменеи (высший руководитель Ирана с 1989 г.) заблокировал проект закона о свободе СМИ, утверждая, что враги ислама

могут получить возможность пропагандировать свои идеи в прессе. Таким образом, государственная система в очередной раз была «защищена» от «вызовов либерализации».

Между тем другие прогрессивные идеи в годы президентства Хатами получили заметное развитие. Однако стремление общества к демократизации политической жизни побудило те силы, которые защищали традиционные ценности и противостояли модернизации, выступить на президентских выборах 2005 г. в поддержку кандидата-неоконсерватора, выражавшего интересы исламских радикалов. Единство консервативного лагеря на фоне раскола в рядах реформаторов и разочарования электората обеспечило победу на выборах М. Ахмадинежаду. В результате впервые за всю историю ИРИ власть оказалась полностью сосредоточенной в руках политиков, стремившихся изгнать с политической сцены прореформаторские силы и обуздать демократические тенденции. Казалось, сложившаяся ситуация должна была привести к укреплению режима и сплочению правых сил. На деле, вопреки всякой логике, концентрация власти в руках консерваторов привела к расколам в их лагере и отделению от него политиков-прагматиков.

С одной стороны, 2005–2012 гг. можно рассматривать как период, характеризовавшийся откатом от завоеванных реформаторами позиций. Ахмадинежад сделал ставку на традиционные слои – крестьянство, духовенство, которые стали ударной силой движения басидж, выступавшего за сохранение и упрочение исламских норм общественной жизни. С другой стороны, в эти годы проявились новые тенденции, связанные с выходом на политическую арену светских элит, готовых потеснить духовенство и укрепить светский компонент в государственных структурах. Реформаторы, полностью вытесненные из всех органов власти, предприняли попытку восстановления своих позиций на президентских выборах 2009 г. Часть духовенства, критически настроенная в отношении Ахмадинежада, поддержала кандидатов-реформаторов.

Предвыборная кампания, отличавшаяся беспрецедентным ростом активности населения, привела к расколу иранского общества на две части – сторонников и противников М. Ахмадинежада. К последним присоединились консерваторы, умеренные и прагматики. Страна уже более 20 лет не сталкивалась с подобным противостоянием политических сил. Чтобы обуздать оппозицию, не смирившуюся с результатами выборов, власти прибегли к насилию, в том числе посредством боевиков Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Заметно активизировалось движение

басидж, реформаторские партии оказались под запретом, их печатные органы были закрыты, активисты брошены в тюрьмы или высланы из страны, распущены десятки неправительственных организаций (НПО).

Последствия политического кризиса, разразившегося в Иране в конце 2009 г., не изжиты до сих пор и продолжают оказывать большое влияние на политическую жизнь. Обострились противоречия между отдельными политическими фракциями, в ходе протестных акций начали выдвигаться лозунги, направленные против основных принципов государственного строительства. Призывы к ликвидации вelaye-факих вызвали недовольство населения, которое вылилось в массовые демонстрации в поддержку духовного лидера. Эти события показали, что многие иранцы не стремятся к переменам и выступают лишь за частичное реформирование политической системы, и что осознанно требуют реформ лишь представители студенчества и интеллигенции.

Однако их действия могут оказаться успешными только в случае, если они будут поддержаны значительной частью населения.

М. Ахмадинежад, в результате выборов укрепивший свои позиции и стремившийся сконцентрировать как можно больше власти в своих руках, вступил в конфронтацию с меджлисом и попытался освободиться от контроля со стороны духовного лидера страны. Действия главы исполнительной власти, за которыми можно видеть попытку сформировать новую политическую элиту, повысить роль КСИР и скорректировать исламский имидж Ирана, вызвали противодействие со стороны большей части консерваторов. Духовный лидер А. Хаменеи, обеспокоенный ослаблением позиций правительства, усиливавшейся фрагментацией консервативного лагеря и, возможно, опасаясь роста влияния президента, осенью 2011 г. сделал заявление о намерении в будущем внести корректировки в политическую систему страны, чтобы законодательно закрепить контроль меджлиса над президентом, предоставив законодателям право избирать главу исполнительной власти и тем самым превратить президентскую республику в парламентскую [www.tabnak.ir]. Представители различных политических и религиозных организаций по-разному отреагировали на предложение лидера. Высказывались мнения за и против реформ в этой сфере [www.etedaal.ir., www.asriran.com]. Одновременно поднимался вопрос о возможностях внесения изменений в конституцию, восстановлении поста премьер-министра (что также приведет

к ослаблению президентской власти), реформах судебной системы. Силы либеральной ориентации выступали резко против сокращения полномочий главы исполнительной власти, видя в этом ослабление демократической составляющей политической системы.

Однако усиление международного давления в связи с выполнением Ираном ядерной программы, ужесточение санкций, осложнение экономического положения и разлад на внутривнутриполитической сцене отодвинули на задний план обсуждение этих вопросов и актуализировали задачу выхода из изоляции и снятия санкций. Внешнеполитические цели выдвинулись на первый план. Тем не менее сам факт вынесения духовным лидером на обсуждение вопроса о внесении изменений в политическую структуру говорит о том, что религиозно-политическое руководство осознает необходимость реформирования политической сферы для сохранения стабильности режима и стремится взять под контроль процесс политических преобразований. Вопрос в том, по какому пути пойдут реформы: в сторону усиления религиозной составляющей и ограничения демократических начал или либерализации и расширения институтов гражданского общества.

Президентские выборы 2013 г. показали, что более половины населения страны поддерживали ходжа-тола-и-ислама Х. Роухани, выступившего за либерализацию внешней и внутренней политики, в частности, за соблюдение гражданских прав, активизацию деятельности общественных организаций, равенство прав и возможностей для женщин, этнических и религиозных меньшинств и готового поставить заслон радикализму.

Если соперничество практически во всех предыдущих президентских кампаниях проходило по оси «консерваторы – либералы», т.е. выборы имели двухполюсный характер, то в 2013 г. ни один из лагерей не смог продемонстрировать единство, поскольку в каждом из них усилились процессы фрагментации. Борьба элит внутри каждого политического лагеря проявилась в большом числе выставленных кандидатур.

Так, участие в выборах пяти представителей консервативного лагеря превратило их в арену конкуренции между консерваторами и продемонстрировало раздробленность основного политического течения. Некоторые консерваторы и реформаторы предпочли отмежеваться от основных сил и выступить как независимые кандидаты, среди них был и Х. Роухани. Попытки консерваторов опереться на организации, которые активно проявили себя в первые послереволюционные десятилетия, и восстановить роль

партий духовенства в обществе закончились неудачей. Пассивность этих структур в ходе выборной кампании свидетельствует о снижении влияния религиозных институтов. Очевидно, что на политические процессы все большее воздействие оказывают новые силы, которые требуют ухода старых политиков и обновления традиционных политических институтов.

В целом борьба кандидатов в отсутствие ярко выраженного соперничества двух политических направлений отражала противоречия во взглядах различных сил и течений по вопросу о том, как будет дальше развиваться страна: путем укрепления исламской составляющей и возвращения к идеалам Исламской революции или путем укрепления либерально-демократических тенденций в рамках Исламской Республики.

Победа Х. Роухани поставила политический истеблишмент ИРИ перед фактом формирования нового, центристского, политического направления, которое могло бы быть представлено умеренными реформаторами и прагматиками консервативной ориентации. Появление в последние месяцы, в преддверии парламентских выборов 2016 г., новых партий, заявляющих о поддержке политического курса правительства, ориентированных на умеренно-либеральную внешнюю и внутреннюю политику, подтверждает возможность возникновения третьего идеологического течения. В то же время следует признать, что ранжирование политических сил с точки зрения их идеологических позиций в иранских условиях – задача достаточно сложная. У большинства политических партий, организаций или фронтов отсутствуют четко сформулированные программы действий. Их позиции зачастую корректируются в зависимости от ситуации и тактических целей. Поскольку, за исключением нескольких широко известных партий и организаций, ведущих политическую деятельность постоянно, большинство объединений активизируется только в предвыборный период, оценить их позиции возможно, лишь отслеживая высказывания лидеров по тем или иным вопросам и их реакцию на события. Причем у руководителей политических объединений радикально консервативные подходы к решению социокультурных проблем или вопросов внешней политики могут уживаться с либеральными суждениями в области хозяйственной деятельности.

На политической сцене постоянно возникают новые организации со сходными названиями, позиции которых практически идентичны. Соперничество между этими объединениями в ходе предвыборных кампаний отражает не борьбу идей, а лишь раз-

дробленность политической элиты, ее внутренние противоречия и амбиции, в основе которых лежат субъективные пристрастия и антипатии. В Иране еще не сложилась партийная система в современном ее понимании. Хотя зарегистрировано более 200 партий, на постоянной основе действуют не более десятка. Они не отличаются массовостью и отражают интересы многочисленных элит, тем самым лишь усложняя положение избирателей – ведь население оценивает не программы и лозунги, выдвигаемые партиями, а лиц, которые их представляют. Большинство организаций делают ставку на авторитет, популярность, возможности своего лидера.

Хотя наиболее актуальными вопросами и для властей, и для общества являются снятие экономических санкций и восстановление отношений с Западом, приближение выборов в парламент и Совет экспертов (март 2016 г.) ставит на повестку дня вопрос о внесении некоторых изменений в систему, регулирующую взаимодействие различных элементов политической системы. При этом различные политические силы предлагают свое видение решения назревших проблем. Политики-либералы ставят вопрос о необходимости реформирования механизмов контроля над проведением выборов. Актуализированы вопросы о лишении Наблюдательного совета функций утверждения кандидатов и о формировании независимого органа, ответственного за проведение выборов. Очевидно, однако, что нынешний состав парламента не готов внести существенные поправки в закон о выборах и Наблюдательный совет останется своеобразным фильтром, отклоняющим неугодных кандидатов. Поскольку в этой структуре преобладают представители консервативного направления, они в очередной раз могут заблокировать кандидатуры наиболее активных реформаторов. В то же время по предложению меджлиса Совет по определению целесообразности разрабатывает документ «Основы политики по проведению выборов», цель которого – предотвратить любые злоупотребления в процессе голосования и при подсчете голосов, осуществлять выдвижение кандидатов по партийным спискам.

Активно обсуждается вопрос о формировании новой партийной системы и изменении условий деятельности партий [www.shafaf.ir.152049]. Ведется общественная полемика о создании проправительственной партии и активной, влиятельной легальной оппозиции. Заявила о себе неореформаторская партия «Неда-йе ираниан», ориентированная на студенчество и городскую молодежь. Под руководством спикера меджлиса А. Лариджани создается новая либерально-консервативная партия

«Рахраван-е вали факиха». Окружение М. Ахмадинежада основало партию «Икта».

Все эти организации возникают как светские, действующие без опоры на религиозные структуры.

Появляется все больше неправительственных организаций (НПО), которых зарегистрировано уже более двух тысяч, однако они пока не играют значительной роли в общественно-политической жизни и находятся под контролем государства [<http://khodnevis.org/60957>].

Несмотря на ожидания определенной части иранского общества, правительство Х. Роухани так и не приступило к либерализации политической жизни: остаются нереализованными предвыборные обещания, касавшиеся соблюдения гражданских прав, прав национальных меньшинств и женщин. Поддержавший президента электорат выражает недовольство и оказывает давление на правительство, подталкивая его к более активным действиям.

С первых дней правления Х. Роухани определенные политические силы открыто противостояли его намерениям проводить более умеренную, реалистичную внутреннюю и внешнюю политику, обвиняли власти в отходе от принципов Исламской революции, в уступках Западу. Любые попытки корректировки сложившихся политических традиций, подключения новых групп населения к процессу принятия решений, ограничения государственного контроля в сферах науки и образования сталкиваются с жестким противодействием радикальных исламских группировок.

Избрание Х. Роухани изменило расклад сил на внутривнутриполитической арене. Переход исполнительной власти в руки умеренных реформаторов возбудил недовольство политических группировок, связанных с КСИР и службами безопасности, получающих дивиденды от введения санкций. Эти группы, утратившие исполнительную власть, продолжают контролировать ряд институтов политической системы. Представители радикально-консервативных сил преобладают в Наблюдательном совете, Совете экспертов, Совете по определению целесообразности принимаемых решений, Высшем совете национальной безопасности, Высшем совете культурной революции, Совете пятничных имамов, занимают почти половину мест в меджлисе. Радикалы издают одну из центральных газет страны, «Кейхан», держат в своих руках многочисленные сайты и другие печатные органы, что обеспечивает им трибуну для критики правительства и пропаганды своих взглядов. Под влиянием

консерваторов находятся руководители КСИР и движения Басидж, которые используются ими в ходе протестных акций.

Сторонники Х. Роухани нуждаются в поддержке со стороны меджлиса как высшего законодательного органа страны, завоевание большинства мест в котором позволит осуществить реформы и сохранить власть. В свою очередь консерваторы рассматривают упрочение позиций в парламенте как шаг к завоеванию исполнительной власти.

Внутриполитическая напряженность усугубляется тем фактом, что параллельно с парламентскими выборами будут проходить выборы в Совет экспертов – орган, контролирующий деятельность рахбара и даже имеющий полномочия на его смещение. Ввиду преклонного возраста духовного лидера в повестке дня нового состава Совета экспертов может появиться вопрос о преемниках А. Хаменеи. Некоторые представители высшего духовенства высказывались о необходимости решить этот вопрос уже сейчас [khodnevis.org/article/65118#]. Шиитские авторитеты вынашивают идею замены духовного лидера советом факихов. Так, А.А. Хашеми-Рафсанджани в своем недавнем интервью газете «Шарг» заявил, что в отсутствие кандидатуры на пост религиозного лидера, отвечающей всем требованиям, зафиксированным в Конституции, его функции могут быть переданы совету из трех уважаемых факихов [www.khabaronline.ir/403799/Politics/parties?model=]. Известно, что некоторые аятоллы допускают ограничение полномочий вали факиха [<http://rahetudeh.com/2015/april/502/sarmaghale.html>], но вопрос об упразднении этой структуры внутри страны не поднимается.

Однако эти идеи вызывают раздражение в лагере консерваторов, выступающих против реформы политической системы и опасаящихся утратить влияние на духовного лидера. Глава Наблюдательного совета аятолла Джанати в последние месяцы неоднократно заявлял о том, что есть силы, которые хотят завоевать большинство в Совете экспертов, чтобы уничтожить веляте-факих как основной стержень политической системы [Айатолла Джанати...].

В 2000–2010-е годы усилилась роль духовного лидера в обществе. Хотя отдельные политики допускают возможность уничтожения этого поста, значительная часть иранцев воспринимает Хаменеи как мудрого и справедливого руководителя, последовательно отстаивающего национальные интересы. Духовный лидер дает оценку всем событиям, вникает во все проблемы и указывает

пути их решения. В условиях существования различных центров силы именно духовный лидер способен достичь консенсуса и принять окончательное решение. Авторитет религиозного главы обуславливает стабильность всей политической системы. Скорее всего какие-либо попытки внести в ближайшее время в Конституцию поправки, нацеленные на сужение полномочий духовного лидера, не найдут понимания у значительной части населения и натолкнутся на противодействие духовенства и традиционных институтов.

Анализ политического развития ИРИ в период с начала 1990-х годов до настоящего времени позволяет утверждать, что, несмотря на отсутствие существенных изменений в структуре государственного управления и сохранение верховенства духовной власти, в стране наблюдаются тенденции к либерализации политической жизни. Об этом свидетельствуют активизация деятельности политических партий и общественных организаций, расширение политического участия граждан, постепенная трансформация общественных настроений в пользу демократизации. Период либерализации, принявшей форму, отличную от западных стереотипов, оказался сложным и неоднозначным, характеризующимся обострением противоречий во властных структурах.

Политическая система ИРИ развивается в направлении постепенного сокращения исламской составляющей, хотя периодически она переживает откаты назад – к политическим ориентирам первых послереволюционных лет. Традиционные структуры, по-прежнему занимающие прочные позиции, всеми силами противодействуют попыткам реформаторов ограничить властные полномочия духовенства и укрепить республиканские институты управления. Успех правительства Х. Роухани в значительной степени будет зависеть от результатов парламентских выборов и от того, сумеет ли оно взять под свой контроль Совет экспертов. В случае успеха умеренно-либеральные силы смогут активизировать движение к политической модернизации. Однако нужно понимать, что любые действия в этом направлении «сверху» будут соответствовать концепции нераздельности религиозных и политических императивов. В обозримой перспективе ИРИ будет развиваться в рамках указанной дихотомии.

Литература

1. Аятолла Джанати: Бархи чешм-е дидан-е веляят-е факих ра надарад // www.entekhab.ir/fa/205132 (Дата доступа 19.05.2015.)
2. Башарийе Хосейн. Дибачеи бар джамеэшенаси-йе сийаси-йе Иран (Dibachei bar jameeshenasi-ye iran). – Тегеран, 1381 (2002/2003).
3. Ганун-е асаси-йе джомхури-йе эслами-йе Иран. Везарат-е фарханг ва ершад-е эслами. – Tehran, 1368 (1989/1990).
4. Иранская революция. 1978–1979. Причины и уроки / Под ред. А.З. Абаджаняна. – М., 1989.
5. Мамедова Н.М. Исламское государство: соотношение государственных и идеологических приоритетов // Иран: ислам и власть / Под ред. Н.М. Мамедовой, Мехди Санаи. – М., 2001(1). – С. 14–22.
6. Мамедова Н.М. Тенденции демократизации во внутривластной жизни ИРИ // Иран: ислам и власть / Под ред. Н.М. Мамедовой, Мехди Санаи. – М., 2001(2). – С. 52–63.
7. Мамедова Н.М. 25 лет ИРИ как опыт исламского правления в современном мире // Двадцать пять лет исламской революции в Иране / Под ред. Н.М. Мамедовой. – М., 2005. – С. 18–24.
8. Манучихри Аббас. Политическая система Ирана. Iranica. – СПб., 2007.
9. Мохаммади Мохаммад. Базхани-йе незам-е джомхури-йе эслами-йе Иран ва айанде-йе ан бар асас-е се колан – барнаме-йе сийаси, хокумат-е мотлаге, маршрутият ва джомхурийат // <http://khodnevis.org/64119#.VQfkX-GyqjY>
10. Рах бара-йе шоураи кардан-е рахбари баз аст // <http://melimazhabi.com>
11. Федосеев Ф.Н. Религиозно-политический модернизм в современном Иране. Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2011.
12. Филин Н.А. Социально-политическое развитие Исламской Республики Иран (1979–2008). Факторы устойчивости государственной власти. – М., 2012.
13. Ali M. Ansari. Iran, Islam and Democracy: The Politics of Managing Chance. – L., 2006.
14. Tazmini Gh. Khatami's Iran. – L., 2012.

*«Восток (Oriens)»,
М., 2016 г., № 1, с. 111–120.*

Н. Горбунова,

кандидат исторических наук (ИВ РАН)

ПЕРМАНЕНТНЫЙ КРИЗИС В ЛИВАНЕ:

РОЛЬ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ФАКТОРА

Политическая система Ливанской Республики, провозглашенной в 1946 г., была построена в основном по образцу французской, но при этом учитывала опыт османской административной системы. Конфессиональный принцип управления арабскими провинциями, а также традиционные основы частного и семейного

права перешли в новое республиканское законодательство. Христианские и мусульманские общины страны в 1943 г. заключили так называемый Национальный пакт, в котором был зафиксирован приоритет маронитской христианской общины. Так был достигнут компромисс между всеми конфессиями, партиями и слоями ливанского общества.

Но уже к середине 70-х годов прошлого века выявилась слабость этой конструкции государственного устройства. Мусульман в стране стало заметно больше христиан. Ливанские политические партии, как правило, создавались на основе той или иной конфессии, что было вполне закономерно, поскольку к этому времени интересы религиозных общин перешли в политическую плоскость, требуя все больше властных полномочий. Исключение здесь составляла в первую очередь Ливанская коммунистическая партия, провозгласившая классовый подход и опиравшаяся на низшие слои общества. При этом она получала всестороннюю поддержку и помощь от Советского Союза. В целом конфессиональный принцип позволял господствовавшей общине, т.е. маронитам, перераспределять национальный доход в свою пользу. И этот фактор мешал процессу национальной интеграции, усиливал диспропорцию между разными районами страны.

Усилившиеся внутривнутриполитические и религиозные противоречия привели в конечном итоге к гражданской войне, продолжавшейся 15 лет – с 1975 до начала 90-х годов. И, как это обычно бывает, она сопровождалась военным и политическим вмешательством иностранных государств. В этой войне Сирия сыграла далеко не последнюю роль, вооружая и поддерживая шиитские военные группировки и палестинцев, а также играя на противоречиях христиан-маронитов.

Огромные разрушения и жертвы этой войны вынудили правящие круги Ливана начать реформу административно-государственного устройства страны. Значительную роль сыграли в этом достигнутые в 1989 г. после сложных переговоров с участием ряда арабских стран соглашения в Ат-Таифе (Саудовская Аравия) и принятие «Хартии национального согласия». Она провозглашала ликвидацию политического конфессионализма, принятие нового избирательного закона и административную децентрализацию. Соглашения выработали условия присутствия сирийских войск в Ливане.

В 1990 г. были внесены поправки в статьи Конституции Ливана о порядке формирования органов законодательной власти.

Выборы должны были проходить на общенациональной, а не конфессиональной основе, сенат должен представлять все духовные общины, «...а сфера его полномочий будет ограничена только вопросами, представляющими основные национальные интересы». Таким образом, закладывалось основание для формирования парламентаризма общенационального взамен конфессионального. Следующим этапом должно было стать принятие нового избирательного законодательства, закрепляющего три принципа: 1) равенство между христианами и мусульманами; 2) пропорциональное представительство каждой из этих двух религиозных общин; 3) пропорциональное представительство регионов¹.

Однако в дальнейшем осуществление этих задач натолкнулось на массу препятствий, в первую очередь на стремление руководителей мусульманских общин, особенно шиитской, навязать религиозный, фундаменталистский характер правящим институтам Ливана. В этом шииты получали поддержку и всестороннюю помощь со стороны сирийского президента Башара Асада и его алавитского окружения, за спиной которого стоит Иран.

В 70-х годах XX в. шиитская община была самой бедной и малообразованной среди религиозных общин Ливана. В нее входили жители отсталых сельских районов, которые управлялись традиционными помещиками-займами. Спасаясь от их власти, крестьяне-шииты переселялись в южные пригороды Бейрута, образовав там квартал трущоб – так называемый «пояс бедности». Из их социальной организации «Движение обездоленных» со временем, в 1975 г., сформировались «Амаль» под руководством имама Мусы ас-Садра и, позднее, в 1982 г., «Хезболла» во главе с шейхом Мухаммедом Фадлалла. Кстати, именно ливанские шииты выступали против предоставления палестинцам (суннитам) ливанского гражданства, так как это могло изменить конфессиональный баланс в стране. Успех «Хезболлы» был связан не только с поддержкой Сирии и Ирана, но и с внутренней дисциплиной, централизованной структурой и убежденностью в правоте своего дела². По некоторым данным, группировка насчитывает до 11 тыс. боевиков³.

Тяжелое положение, в котором сегодня оказался Ливан, в огромной степени связано с затяжным государственным, политическим и военным кризисом в Сирии. Это обусловлено не только общей границей, по которой до сих пор нет демаркации, но и историческими и личностными связями, вхождением в общие государственно-административные структуры во времена Османской империи. Однако после Второй мировой войны ставшие

независимыми Сирия и Ливан получили разное государственное устройство, что было связано в первую очередь со сложным этноконфессиональным составом ливанского населения.

Внутренний конфликт в Сирии, переросший в гражданскую войну, продолжается уже три с лишним года. Он, безусловно, является политическим, поскольку связан с кризисом государственных структур этой страны, но также носит этноконфессиональный характер. Конфликт этот затянулся и не был разрешен переизбранием 5 июня 2014 г. Б. Асада на пост президента. По этому поводу спецпредставитель ООН и ЛАГ по урегулированию в Сирии Лахдар Брахими заявил, что выборы в Сирии являются препятствием на пути национального примирения⁴. Слабеющая центральная власть, даже несмотря на поддержку Ирана и других стран, позволила суннитским боевикам и группировкам самого разного толка захватить значительную часть страны.

Сирийский кризис не мог не сказаться на внутривнутриполитической обстановке в Ливане. С начала 2013 г. шиитские боевики «Хезболлы» участвовали в боях в пригородах Дамаска, защищая режим Б. Асада, а также в г. Эль-Кусейра у границы с Ливаном. Боевики-сунниты Сирийской свободной армии обстреливали южные шиитские кварталы Бейрута, угрожая, что «пламя конфликта перекинется на Ливан». В Триполи то и дело вспыхивали вооруженные столкновения между местными шиитами и суннитами. Нарастающая радикализация враждебности и фанатизма с обеих сторон – тревожный сигнал обострения ситуации в Ливане⁵.

С начала войны границу с Сирией, которую Ливан не закрывал в течение всего времени конфликта, пересекли 900 тыс. сирийцев, в основном суннитов (притом что все население Ливана составляет около 4 млн человек)⁶. Это значит, что число беженцев к концу 2013 г. достигло 1/5 части населения страны. Кроме прочего, массовый исход беженцев в Ливан объясняется и родственными связями между ливанскими и сирийскими семьями. Но это не только не отменяет возможность обострения межконфессиональных конфликтов в Ливане, где насчитывается 18 конфессиональных общин, но и усиливает внутреннюю напряженность в стране. Ситуация обострилась настолько, что правительство Ливана в октябре этого года обратилось к государствам Запада с просьбой принять у себя часть сирийских беженцев. Германия уже дала на это согласие.

Приток беженцев ложится тяжким бременем на государственную казну Ливана, поступления в которую резко снизились

за последние годы. Многие ливанцы эмигрируют из-за растущей стоимости жизни⁷.

У Сирии в Ливане имеются жизненно важные экономические интересы. Так, бейрутский порт служит основным перевалочным пунктом при поставке сирийских товаров за границу; в Ливане трудится огромное количество сирийских рабочих, которые переводят деньги на родину.

В Дамаске, так же как и в Иране, и в Ливане, продолжают считать, что главной причиной нападок на Сирию является желание разрушить антиизраильскую ось сопротивления. В то же время на Западе некоторые эксперты считают, что надо готовиться к десятилетию нестабильности в Сирии по примеру Ливана 80-х годов прошлого века. Так, в мае 2014 г. именно крупномасштабное вмешательство ливанской «Хезболлы» переломило ход гражданской войны в Сирии в решающий момент, когда инициатива была полностью на стороне оппозиции. Лидер «Хезболлы» Хасан Насралла заявил тогда, что, по его мнению, «фаза свержения режима и разрушения государства закончена... мы преодолели риск распада Сирии»⁸. И действительно, спустя месяц Башар Асад был переизбран на пост президента. Однако вопреки надеждам Х. Насраллы, эти победы не поставили точку в войне. Да, контроль Дамаска над центром страны усилился, сирийская армия добилась ряда успехов на границе с Ливаном и в провинции Хомс, но большинство районов Северной Сирии продолжают контролировать различные суннитские вооруженные группировки, среди которых на первый план вышло так называемое «Исламское государство». Оно объявило о создании халифата. Эта суннитская группировка ведет яростную борьбу за расширение подконтрольной ей территории, которая уже и теперь достаточно обширна.

Поскольку эта региональная война происходит недалеко от ливанской границы и поддерживается радикальными ливанскими суннитами, то Ливан, естественно, напряженно следит за ее ходом. «Хезболла» с помощью сирийских спецслужб пытается перекрывать каналы транзита оружия из Ливана сирийским боевикам. Те, в свою очередь, утверждают, что на территории Сирии действуют четыре батальона «Хезболлы». Отметим, что «Хезболла» существует и как политическая партия, и имеет под тем же названием боевую организацию, не подчиняющуюся государственной власти (этой привилегии она добилась в подписанных Таифских соглашениях). Ливанские шииты не могут оборвать связей с Сирией, так как в случае падения Асада и прихода к власти суннитских ради-

калов они окажутся в окружении врагов-суннитов. А их активно поддерживает Саудовская Аравия, увеличивая объем инвестиций в Ливан⁹.

Движение «Амаль» сейчас стало более умеренным и выступает за национальное единство и равноправие всех граждан страны. Оно так же, как и «Хезболла», ориентируется на Сирию. Через эти партии и их боевые отряды Сирия постоянно поддерживает напряженность в районе ливано-израильской границы. Популярность «Хезболлы» в Ливане, стремящейся установить в стране «исламский порядок», в большой степени основывается на том, что она ведет активную социальную работу среди населения, особенно наименее обеспеченного. В итоге в 2011 г. эта партия получила 57 мест из 128 в ливанском парламенте и стала оказывать еще большее влияние на власти страны и проводимую ими политику¹⁰.

На парламентских выборах 2009 г. «Хезболла» возглавила «Коалицию 8 марта», в которую вошли Свободное патриотическое движение Мишеля Ауна, движение «Амаль», светская Сирийская национально-социалистическая партия и Демократическая партия Ливана.

Ливан как страна, зависимая от внешнего влияния и от региональной конъюнктуры, в результате сирийского кризиса фактически раскололась на два лагеря: «Коалиция 8 марта» стоит на стороне режима Асада, а другое объединение – «Движение 14 марта» – поддерживает суннитских боевиков в Сирии.

Учитывая многоконфессиональную конструкцию властных институтов страны, где президентом является христианин-маронит, премьер-министром – мусульманин-суннит, а председателем парламента – мусульманин-шиит, пост министра обороны традиционно достается друзу, а министра просвещения – православному, в Ливане не может сформироваться единоличный режим, и трудно представить себе восстание по типу ливийского или египетского. Ситуация в Ливане напрямую зависит от исхода борьбы в Сирии. Иракский конфликт также косвенно влияет на нее. В случае падения режима Б. Асада в Сирии и прихода там к власти радикально настроенных суннитов, шиитско-суннитский конфликт внутри Ливана резко обострится, марониты и друзы, скорее всего, также вступят в борьбу с шиитами. И тогда здесь снова может произойти новая гражданская война.

Несколько слов о ливанских христианах-маронитах, монофелитском течении. Сейчас они составляют около 25% населения, их численность достигает примерно 700 тыс. человек. (При этом

численность суннитов оценивается в 25–28%, а шиитов – в 28–35%¹¹.) Маронитская община традиционно играет важную роль в ливанской политике. Ее представители участвуют в деятельности практически всех общественно-политических сил, и это создает весьма непростую ситуацию внутри страны. Устойчивость позиций маронитов обеспечивается тесной связью с маронитской эмиграцией, маронитской оппозицией в самом Ливане и маронитской церковью. В то же время часть маронитов тесно сотрудничала с сирийским руководством (партия «Катаиб» Жмайеля), другая партия «Марада» (возглавляемая родом Франжье) жестко конкурировала с ней. Консенсуса внутри христианской общины нет до сих пор. Радикальные политические настроения выражают организации «Ливанские силы» и «Стражи кедра».

В результате маронитская община утрачивает прежнюю политическую инициативу и теряет наработанные преимущества в межконфессиональной конкуренции¹².

Возвратившийся из долгой эмиграции во Франции генерал Мишель Аун играет значительную роль во внутренней политике страны. Он сотрудничает с различными силами, в том числе с «Партией Аллаха». Ему противостоит другой маронитский лидер, возглавляющий «Ливанские силы», Самир Джааджаа, который настроен резко антисирийски (и проведший по этой причине 10-летний срок в тюрьме)¹³. В последнее время руководство «Ливанских сил» призывало к «правильному осмыслению итогов гражданской войны, к национальному диалогу» и политическим преобразованиям.

В глазах рядовых ливанцев, считает исследователь П.А. Рассадин, М. Аун является символом секуляризированного ливанского национализма, явления пока достаточно редкого. Он выступает за деконфессионализацию Ливана. Кроме христианской общины, он популярен и среди мусульман. Кстати, целый ряд ливанских партий включает людей самых разных конфессий. От взаимоотношений группировок маронитов во многом зависит внутривнутриполитическая ситуация в Ливане. Во многом, но далеко не во всем.

Поскольку на Ближнем Востоке продолжают то затухающий, то вспыхивающий вновь палестино-израильский конфликт, с одной стороны, и внутрисирийская разрушительная война, перспективы которой туманны, – с другой, Ливану для поддержания политической стабильности потребуется еще больше политического искусства, гибкости, прагматичного расчета и поиска новых, современных и эффективных форм государственного и общест-

венного устройства. С развитием капиталистических отношений, в условиях экономического роста в мирные периоды жизни страны, «общинный дух» стал понемногу уходить в прошлое и отступать перед новыми условиями сосуществования различных общин¹⁴. Очевидно, что необходимы дальнейшее преодоление барьеров между конфессиями и создание конкурентной борьбы между людьми.

На нынешнем этапе не произошло полного демонтажа конфессиональной системы, можно говорить лишь о ее модернизации. По-видимому, религиозные общины еще в течение долгого времени будут сохранять определенный статус и влияние. Формирование гражданской идентичности ливанцев будет идти параллельно конфессиональной, так как она является важнейшей составной частью их национального самосознания.

Можно согласиться с директором Ливанского центра политологических исследований Сами Аталлахом, который считает, что ситуация в Ливане будет «ухудшаться до тех пор, пока сирийский кризис не закончится или не будет каким-то образом урегулирован... Это может занять несколько месяцев или несколько лет, в зависимости от того, как будет развиваться сближение между Ираном и США и как различные игроки, вроде Саудовской Аравии и Израиля, решат воспринять это»¹⁵.

Некоторые ливанцы полагают, что длящийся конфликт вообще не имеет никакого решения, что одни проблемы порождают другие проблемы.

Однако экономика Ливана, несмотря на все катаклизмы, остается довольно динамичной и диверсифицированной. Ее развитию мешают главным образом большой внешний долг, коррупция и конфликтная ситуация в обществе. В случае прекращения сирийского конфликта и удержания ситуации в рамках региона ливанское правительство могло бы проявить политическую волю, провести реформы, что дало бы экономике перспективы развития. Главное – предотвратить угрозу новой гражданской войны.

Примечания

¹ Хисамов Р. Религиозные общины Ливана и их влияние на политическую жизнь страны. – http://www.islam-today.ru/politika/religioznye_obshinijivana...

² Дрязгунов К. В борьбе за Ливан. – rossiyanavsegda.ru/read/632

³ <http://www.arabpress.net.ua/node/2877>

⁴ Дрязгунов К. В борьбе за Ливан. – rossiyanavsegda.ru/read/632

- ⁵ Российская газета. 28.05.2013.
⁶ <http://www.arabpress.net.ua/node/2877>
⁷ Хисамов Р. Ливан–Сирия: Общая граница – общее будущее. 16.11.2013 г. –
⁸ <http://www.islam-today.ru/liban-siria-obscaa-granica-obsce-budusce>
⁹ Там же.
¹⁰ Дрязгунов К. В борьбе за Ливан. 05.02.2013. – <http://www.rossiyanavsegda.ru/read/632>
¹¹ <http://www.arabpress.net.ua/node/2877>
¹² Там же (друзов 280–400 тыс., исмаилитов – 5%, православных – около 7%).
¹³ Рассадин П.А. Конфессиональные меньшинства в общественно-политической жизни Сирии и Ливана: Автореф. канд. дисс. – М., 2011. – <http://www.dissercat.com/content...>
¹⁴ Рассадин П.А. Маронитский фактор в современном Ливане. 29.04.2005 г. –
¹⁵ <http://www.iimes.ru/?p=3601>
Хисамов Р. Религиозные общины Ливана и их влияние на политическую жизнь страны. – http://islam-today.ru/politika/religioznye_obshinijivana
Там же.

*«Нации и национализм
на Мусульманском Востоке»,
М., 2015 г., с. 384–390.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Р. Мухаметов,

кандидат политических наук, заместитель директора фонда поддержки гуманитарных инициатив «Альтаир», докторант Института ближневосточных исследований Мармарского университета

ПЕРСПЕКТИВЫ «АЛЬ-ДЕМОКРАТИИ»: ИСЛАМСКИЙ МИР ИЩЕТ СВОЮ ДВЕРЬ В СОВРЕМЕННОСТЬ

Большая часть мусульман мира считают, что ислам вполне совместим с демократией. К такому выводу пришли специалисты авторитетнейшего социологического фонда Gallup. Исследование 2007 г. показало, что респонденты верят в возможность сосуществования шариата с демократическими принципами. Эти же выводы подтвердили специалисты Pew Research Center в 2012 г., т.е. уже после начала «арабской весны». Как показывает их исследование, население в странах распространения ислама не хочет жить при диктатуре и выступает за демократию и приведение законов в соответствие с шариатом одновременно.

Эти парадоксальные для многих выводы известный американский исламовед, бывший советник Билла Клинтона Джон Эспозито и глава Центра мусульманских исследований Gallup Даля Могاهد, бывшая советником нынешнего президента Барака Обамы, прокомментировали так: «Большинство респондентов считают ислам и демократию одинаково важными для качества жизни и будущего прогресса в мусульманском мире».

Однако для самих мусульман в таких данных социологов нет ничего особенно парадоксального. Вот, например, как Халед Машааль, лидер ХАМАС, в интервью удивленному редактору «Завтра» Александру Проханову, ожидавшему услышать что-то более радикальное, обрисовал будущее арабского мира: «Восторжествуют демократическая жизнь, национальная и индивидуаль-

ная свобода, права человека. Переход власти в результате свободных выборов будет осуществляться мирным цивилизованным путем. Нормой станет социальная справедливость. Народ будет вовлечен в успешное интенсивное развитие. Осуществится экономический и промышленный подъем. Станут развиваться технологии и науки. Расцветет культура, и улучшится моральный климат во всех областях общества. Установится гармония между прошлым, настоящим и будущим, т.е. восторжествует самоидентичность народов. В религиозной сфере сохранится плюрализм религиозных воззрений и верований. Толерантность станет нормой в отношениях между партиями, социальными группами, культурными и религиозными направлениями. Объединенная и возрожденная умма непременно победит в своем сражении с сионистами. Осуществит настоящую политическую и экономическую независимость. Диалог с Западом будет вестись с позиций достоинства и равноправия. Время воровства и разграбления национальных богатств уйдет в прошлое. Наша умма восстановит свое место в международном сообществе».

Может ли существовать «аль-демократия», демократия с исламским лицом? Это один из ключевых вопросов не только для мусульман, прежде всего для мусульманской молодежи, но и для всей мировой политики. Он носит сегодня уже не столько теоретический, сколько практический характер. От того, чем закончится бурная дискуссия на данную тему, зависит будущее очень многих.

Демократия и шура

Мусульманская политическая история настолько богата, что в ней легко можно обнаружить примеры различных механизмов функционирования власти. Спутники Пророка в течение 24 лет после его смерти выработали четыре разные политические схемы, и это в то время, когда мусульмане насчитывали менее миллиона человек, проживающих в одном географическом районе. В фундаментальных религиозных источниках оговариваются лишь самые общие понятия, остальное остается на усмотрение людей, живущих в конкретном месте в конкретное время. Строго говоря, ислам предписывает в политике лишь две вещи – совещательность (т.е. участие широких слоев в управлении) и верховенство норм шариата. В этой связи профессор Тауфик Ибрагим определил исламский политический порядок как светскую теократию.

Современный мыслитель, директор Исследовательского центра целей исламского шариата в Лондоне Джассер Ауда пишет: «Исламский закон нейтрален в отношении обязательного предпочтения мусульманами конкретной политической системы. То есть мусульманская община может выбирать любую политическую систему, каковая ей больше подходит в текущей ситуации, без превращения выбранной системы в исламское обязательство для себя».

Анализ источников, проведенный профессором П.А.Грязневичем, позволяет говорить о том, что глагол радийа (быть довольным) и производные от него слова в первые века ислама употреблялись в качестве технических терминов каждый раз, когда речь шла о выражении отношения к кандидату на пост халифа. Это происходило в тех случаях, когда нужно было указать, что данный претендент отвечает требованиям большинства и потому угоден ему в качестве руководителя общины (уммы).

Подавляющее большинство мусульман исходят из того, что правитель должен быть подконтролен общине, а власть халифа имеет прикладной, функциональный, а не сакральный характер. Ибн Таймия в труде «Правовая политика шариата» и Ибн Хазм в «Трактате о народах и религиях» писали, что ислам рассматривает правителя лишь первым среди равных.

Конкретно с современной демократической теорией обычно связывают принцип шуры, или обоюдного совета. Это одна из основных политических концепций ислама. На важность шуры указывает Коран в главе, которая так и называется – «Аш-Шура». Между тем надо оговориться, что совещательность не относится к вопросам, ясно оговоренным в Коране и хадисах.

Шура может быть составлена как путем избрания, так и кооптирования представителей от различных групп населения, не только духовенства. Каких-либо ограничений на данный счет ислам не подразумевает. Естественно, наличие такого органа, как шура, предполагает политическую деятельность и определенный плюрализм.

Шариат в исламском мировоззрении – аналог концепции естественного права в западной светской парадигме. Это фундамент, в частности, формулируют люди. Большинство положений шариата вполне согласуются с неисламскими системами права. Часть из них зачастую просто совпадает с тем, что оговорено в нешариатских кодексах, а другие мусульманские нормы вообще не лежат

в плоскости регулирования тем или иным законодательством, а относится к области морали.

«Ошибочно известный на Западе как жесткий и примитивный уголовный кодекс, шариат на самом деле для многих мусульман означает совершенно иное. Шариат буквально переводится как “путь к воде”, но при использовании в религиозном контексте обозначает “путь к Богу”, путь духовных и социальных наставлений», – пишет обозревательница «Аль-Джазиры» Шейха Саджида.

«Тогда к чему призывают мусульмане, когда говорят, что хотят иметь шариат в качестве основного источника права? Ответ на это так же многообразен, как и мусульманское сообщество. Исторически принципы шариата использовались в том числе и для ограничения власти султана, – добавляет она. – Вполне логично установить закон шариата в арабских и мусульманских государствах, где большинство населения составляют мусульмане. Это единственный способ для мусульман избежать диктатуры и угнетения со стороны некоторых арабских правителей, которые ставят свои корыстные интересы выше интересов народа».

«Суверенная демократия» по-исламски

Исламский мир на наших глазах качественно меняется. Сегодня необычайно востребованно исламское прочтение демократии, т.е. необходимость согласовать принципы шариата с современными механизмами демократии. Этот тренд представлен так называемыми умеренными исламистами – от Индонезии до Марокко, от Йемена до Боснии. Они предлагают проект модернизации без вестернизации, т.е. экономические и социально-политические реформы с учетом внутренних особенностей мусульманского общества и его развития.

Для лучшего понимания явления в России его можно рассматривать как вариацию того, что у нас еще недавно называли суверенной демократией. И там и здесь речь идет о формировании государства современного типа, впитавшего основные социально-политические, экономические и технологические достижения последнего времени, но сохраняющего суверенитет и внутреннюю специфику в глобализирующемся мире.

В таком, широком смысле суверенная демократия – собирательное название для самостоятельно вызревших политических явлений и процессов. Это не только ответ на агрессивную политику США и неолиберальную глобализацию, но попытка обществ,

имеющих собственную глубокую политическую традицию, адаптироваться и успешно развиваться в современном мире.

Это проект модернизации, но его конечная цель – не интеграция с непонятными перспективами в западную цивилизацию на сепаратных условиях. Наоборот, он задействован с тем, чтобы выйти из-под контроля Вашингтона, Лондона или кого-либо еще.

Суверенная демократия никому никем не экспортируется. Она самостоятельно вырастает на конкретной национально-государственной почве. Как говорит глава Министерства вакуфов и исламских дел Кувейта Адель аль-Фалях, «даже наши либералы ходят на утренний намаз», т.е. арабские «либерайюн» весьма отличаются от западных. За суверенной демократией в разных странах, как правило, стоят одни и те же широкие социальные слои. Это средний класс, но не в западном, а в местном понимании.

В России это так называемое путинское большинство, в исламском мире – городской средний класс и те, кого принято называть трудовой интеллигенцией: студенчество, инженеры, интеллектуальная и профессиональная элита, недовольная нынешним распределением доходов.

В такой исламской суверенной демократии нет ничего пугающего. Партии с религиозным уклоном действуют во многих странах мира: христианские демократы в Европе, индуистские партии в Индии, в Израиле – сразу несколько иудейских партий и т.д. Они – вполне приемлемая часть тамошнего демократического пейзажа.

Программы большинства современных умеренных исламских партий умеренного толка сосредоточены, прежде всего, на необходимости демократизации общественной жизни, создания условий для экономического роста и повышения благосостояния людей, обеспечения социальной справедливости, безопасности, создания эффективной и доступной системы всеобщего образования и здравоохранения, борьбы с коррупцией, поддержании здорового морального климата и т.д. Такая трансформация исламистов – результат их исторического развития в XX–XXI вв.

Но самое главное, перечисленные задачи прямо вытекают из самой религии. На ее языке это называется пятью универсальными целями шариата. Эти задачи признаются не менее, а может быть, даже более важными, чем те, которые вытекают из размытых идеологем о «борьбе с Большим шайтаном».

Диктатура, коррупция, нищета и т.д., разъедающие исламский мир, явно не совместимы с мусульманскими ценностями.

Они так же, а может, и в большей степени противоречат шариату, чем, например, короткие юбки или реклама пива, но почему-то многие приверженцы ислама на это обращают мало внимания. Борьба за исламское государство, таким образом, означает борьбу за правовое, социальное, демократическое (в исламском смысле, конечно, т.е. ограниченное нормами Корана и Сунны) государство с современной развитой экономикой.

Материалы XI научно-практической конференции. По словам многолетнего главы нескольких кувейтских министерств Джамала Шихаба, сегодня мусульманам нужны не глобальные идеи и утопии, не выяснение частностей и внутренние разборки, а эффективные решения реальных проблем. Он называет это консолидацией на базе «тариката аль-фикрия» (пути интеллектуального анализа, рациональный прагматичный подход).

Что касается маргинальных радикальных групп, в том числе таких громких, как ИГИЛ, то их влияние зависит напрямую от того, смогут ли умеренные конструктивные мусульманские деятели взять под свой контроль основные рычаги управления и насколько успешно они будут реализовывать свою политику. В конце концов, от этого во многом зависит, утвердится ли оригинальная концепция демократии, созданная на основе базовых положений своей культуры, а не навязанных извне ценностей.

Через другую дверь в ту же комнату

Существует несколько разновидностей современной теории исламского государства. Некоторые подходы основаны на принципах шуры, следовательно, они более демократичны, в отличие от тех, которые превозносят авторитарную власть.

Политические концепции, проникающие в мусульманские дискурсы и сегодня, наиболее разработаны такими исламскими политическими теоретиками, как Абу Аля Маудуди и Сайид Катб, однако их подход был слишком полемическим и авторитаристским. Прямо авторитаризм оговаривается у «Хизб ут-Тахрир». Большинство салафитов и многие традиционалисты также склоняются в эту сторону.

Тем не менее, в то время как существуют богатые источники исламской мысли о демократии, исламская демократическая теория только формируется. Да, исламское политическое движение сразу же выступило не только как охранительно-традиционалистское и консервативное, но и как модернизационное. Оно

одним из первых ввело в политическую культуру мусульманских народов такие понятия, как парламентаризм, демократия и, кстати, социализм и т.д. Хасан аль-Банна, основатель «Братьев-мусульман», считал, что европейский парламентаризм и демократия (арабо-египетский термин – гумхурия) из всех форм политической организации ближе всего стоят к исламу.

Один из основоположников исламской реформаторской мысли Джамал-уд-Дин аль-Афгани еще в XIX в. писал, что власть сильного и справедливого правителя должна быть сбалансирована такими институтами, как конституция и парламент, обеспечивающими участие народа в осуществлении «истинной конституционной власти». «И данный подход к ограничению власти правителей рамками общепринятых законов, – продолжал чуть позже выдающийся исламский мыслитель и богослов Рашид Рида, – вполне в духе ислама, который ограничивает власть правителя религиозными текстами и разработанными людьми, согласованными друг с другом и принятыми сообща нормами, которые регулируют мирские дела».

Между тем данное направление мысли не получило в XX в. большого развития. Многие «братья-мусульмане» и сегодня заявляют о признании нормативного требования шариата, выраженного в базовых источниках, о неучастии мусульман в джахилийском (неисламском) правлении.

Однако, как отмечает исламовед Марат Ражбадинов, при практическом решении этого вопроса они исходят из соображений политической целесообразности, облекая его в религиозно-правовую категорию интереса. Они используют положение исламского права о возможности исключения в случае необходимости, ссылаясь на обязанность обеспечения интересов уммы, а также на допустимость предотвращения большего вреда посредством меньшего, необходимость защиты мусульман и пр. Так, активно приводится в пример история пророка Йусуфа (Иосифа. – Библ.), который не считал зазорным быть премьер-министром у самообожествлявшегося фараона; переселение мусульман в Абиссинию (современную Эфиопию) под защиту христианского правителя и участие в боевых действиях на его стороне; а также жизнь и деятельность Мухаммада в Мекке в течение 13 лет под покровительством его неверующего дяди Абу Талиба, защищавшего племянника от враждебной племенной системы.

Проблема в том, что демократия, права человека, социальная справедливость, гуманизм, ценности Великой Французской рево-

люции пришли в исламский мир с колонизацией и прочим негативом. Все поборники изоляционизма, вроде «Хизб ут-Тахрир» и джихадистов, делают упор именно на негативных ассоциациях демократии в мусульманском массовом сознании.

Изоляционисты в основном находят поддержку в низших слоях общества (крестьянство, беднейший пролетариат, безработные, маргинальные слои и т.д.). Эти люди считают Запад, погрязший, по их представлению, в пороке и лицемерии и не несущий поэтому ничего хорошего, основным виновником своих бед. В этой связи они не находят ничего лучшего, как поддержать идею возрождения всемирного халифата средневекового авторитарного, подчеркнуто антидемократического типа, в котором все будет устроено в соответствии с шариатом в их понимании и не будет ощущаться никакого чуждого влияния. После этого, как им кажется, жизнь должна будет магическим образом наладиться сама собой. Такого рода настроения господствовали в исламской политической среде в XX в., сегодня же они утрачивают влияние, но все еще сильны.

Джихадистское направление, дающее самые простые ответы на сложнейшие вопросы и не требующее интеллектуального усилия, выступает как некое направление современной контркультуры. Оно представлено в основном молодыми людьми, не видящими в окружающем мире никаких перспектив собственного существования. Джихадизм – это маргинальный бунт безработной и обездоленной молодежи, аналог скинов, футбольных фанатов, панков в исламском мире. Насилие для таких людей – это самоцель, даже не стратегия, нацеленная на масштабные политические перемены.

Главный психологический мотив их поведения – это месть окружающему миру, и прежде всего авторитарным марионеточным режимам мусульманских стран и Западу, за униженность и глухоту к проблемам простых людей. Понятно, что демократия для них – почти ругательство.

Но, как показывает «арабская весна», все-таки ощущается массовый запрос на политику иного, демократического типа. Умеренные исламисты пытаются ответить на этот вызов. Глава Всемирного союза исламских ученых Юсуф аль Карадави, который сегодня стал, можно сказать, своего рода гуру (в смысле – духовный авторитет) того массового движения, которое охватило арабский мир, задолго до этого подвел убедительную теологическую шариатско-правовую базу под идейную платформу протестующих,

причудливо сочетающую умеренный либерализм, умеренный национализм и умеренный ислаимзм с упором на прагматизм и технократизм. Где-то в этом идеологическом салате и скрывается секрет исламской демократии.

Муктедар Хан, вице-президент Ассоциации мусульманских ученых-обществоведов, сотрудник Института Брукинга, пишет в этой связи: «На мой взгляд, перспектива появления истинно исламской демократии – самая многообещающая во всей “арабской весне”. Исламская демократия подобна всякой другой демократии, за одним лишь исключением – в общественной сфере исламские ценности здесь формируют основу политического консенсуса».

Да, сегодня умеренные происламские силы отступили на второй план. «Арабская весна» забуксовала. Но насколько это долгосрочно, большой вопрос. Тем не менее даже опыт ухода в оппозицию после нахождения у власти и реальные перспективы вернуться особенно ценны. Прежде всего, здесь заслуживает внимания ситуация в Тунисе.

О демократии с любовью

Становление институтов плюралистической демократии поддерживают сейчас даже те, кого принято относить к фундаменталистам, считая ее из всех форм правления в современном мире наиболее близкой к исламу и даже предтечей исламского государства. В этой связи есть масса работ мыслителей и фетв богословов, в которых отвергается позиция тех, кто осуждает демократию как неисламское явление. В то же время идеолог «Братьев-мусульман» Ф. Хувейди отмечает, что признание исламом демократических ценностей (плюрализм, равенство, участие) не означает необходимость заимствовать те специфические модели и институты, через которые эти ценности реализуются в странах Запада.

Также о гражданском обществе и плюрализме. Необходимость этого рассматривается во многих работах и санкционируется соответствующими фетвами ведущих теологов. Известный экспертно-аналитический центр Islam XXI даже выделил тему «Плюрализм и гражданское общество» в отдельное направление исследований. О гражданском обществе и демократии сегодня говорит очень активно и смело в числе прочих Хасан аль-Тураби, бывший долгое время символом радикального ислаимзма.

Представления о гражданстве в проектируемом исламском государстве все более трансформируются в предложения о пре-

доставлении бóльших прав, вплоть до полного равноправия, проживающим в нем немусульманам. Если Кутб и Маудиди еще отказывали последним в возможности участия в политической жизни исламского государства, то сегодня многие, в том числе, например, лидеры палестинского ХАМАС, выступают за предоставление всем гражданам одинаковых прав, ссылаясь на пересмотр раннего подхода к концепции «покровительствуемых» (зимми – немусульмане, проживающие под властью исламского закона). В этой связи политический лидер ХАМАС Халед Мишааль утверждает: «Современные ученые-богословы вместо термина “зимми” используют новый термин – “гражданин”. Все сыны единой родины, будь то мусульмане, христиане или иудеи, имеют права и обязанности гражданина».

То же самое относится и к многопартийности, выборам, политической активности. Доктор Салах Султан, член Европейского совета по фетвам и исследованиям утверждает: «Для мусульман является даже обязанностью принимать участие в выборах для отстаивания наилучшего курса». Мусульманину следует принимать участие в деятельности той или иной партии, которая работает на общественную пользу, вне зависимости от религии. Данное положение распространяется на мусульманские и немусульманские страны.

Часто в контексте споров о демократии говорят, помимо прочего, о так называемой Мединской конституции – договоре, составленном самим Пророком. Этот документ регулировал отношения единой общины города, в которую входили не только мусульмане, но и иудеи. Позже в эту систему политических отношений были включены некоторые христианские племена и даже язычники. «Конституция Медины устанавливает плюралистическое государство – общество общин, перед законом которого все равны. Невероятно, насколько демократичными, компромиссными и плюралистическими являются принципы устройства общества, основанного на Священном Коране, в то время как многие современные мусульмане так удалились от этого», – пишет в этой связи М. Хан.

Выразитель чаяний и запросов молодого поколения мусульман Тарик Рамадан написал серию книг, в которых доказывает, что такие понятия, как демократия, гражданское общество, права человека, правовое государство, плюрализм и т.д., присущи исламу не меньше, чем Западу. По его словам, исламский мир как бы через другую дверь приходит к современным понятиям политиче-

ской культуры, возвращает их на своей почве. Ближний Восток своим путем приходит к тем же ценностям, которые утвердились в Европе в XX в. Под исламской модернизацией, по его словам, сегодня следует иметь в виду создание эффективной экономики и политической системы, гибкой социально-культурной модели, опирающихся на адекватные реалиям и потребностям прочтение фундаментальных источников ислама.

«Братья-мусульмане», либералы, националисты, левые, «Аль-Джазира», Facebook и Twitter при нерегулярной и больше моральной поддержке левых либералов на Западе годами формировали идейно-культурную основу Нового Ближнего Востока, которая сегодня выходит наружу из недр площадей и улиц. Бурный процесс арабского, и шире – исламского пробуждения, этой глобальной эмансипации исламского мира, как это метко называет российский эксперт Михаил Чернов, сносит стоящих на пути правителей, которые когда-то, может быть, были даже весьма полезными своему народу.

В наше время многим представителям исламского мира удалось преодолеть цивилизационные границы, как физические, так и эпистемологические. Все большее число мусульман лучше ориентируются в учениях Мухаммада и Маркса, в работах Ибн Халдуна и Канта, Хабермаса и Ахмада Ибн Ханбаля, Фуко и Фараби. Именно способность понимать исламское наследие вкупе с когнитивной способностью конструктивного и критического участия в западных философских дискурсах является главным источником силы современного мусульманина-интеллектуала.

Споры об исламе и демократии, исламе и современности вообще заслуживают самого тщательного анализа. Эти процессы пока слабо изучены у нас в стране и за рубежом. В связи с чем, например, Збигнев Бжезинский в своей известной книге «Мировое господство или глобальное лидерство» с тревогой замечает, что «лишь немногие западные ученые следят за воздействием инновационных и часто весьма смелых споров, меняющих параметры политической дискуссии в исламском мире».

Дискуссию о демократии резюмирует Рашид аль Ганнуши, богослов и лидер еще недавно правящей в Тунисе партии «Ан-Нахда», в своей книге «Общественные свободы в исламском государстве». Он отвергает предположение о том, что радикальный секуляризм или же либеральные ценности постмодернизма, касающиеся больше морали, а не политики как таковой, – это необходимое условие демократии. Аль Ганнуши прямо заявляет, что

демократия не является идеологией, но всего лишь инструментом для избрания, контроля и смены властей. И что в таком виде демократия может прекрасно уживаться и с исламом.

На практике из этого получается что-то вроде турецкой модели, которая в западной политологии получила название консервативной демократии. Спор начала XX в. различных групп турецких республиканцев оказался ключевым для развития государства. И богослов Саид Нурси, и военный Мустафа Кемаль, и политический практик Энвер-паша были сторонниками республики и много сделали для ее становления, были хорошо знакомы и в каком-то смысле на определенном этапе были даже сподвижниками. Разошлись они в вопросе о месте религии. Как известно, Ататюрк, если и не стремился вообще избавиться от ислама (скорее всего, он понимал, что при всем желании это невозможно), то все сделал для того, чтобы максимально его отодвинуть, в том числе огнем и мечом, на периферию жизни. Другие, напротив, в основе республики и современного демократического строя видели духовность и религиозную культуру.

Только сегодня исламский мир нащупывает тот механизм, о котором говорили еще сто и более лет назад. На примере турецкой Партии справедливости и развития мы видим, что вековой спор тех титанов завершается. В конце концов Турция, а за ней и многие арабские страны, Малайзия, Индонезия и отчасти Босния из двух проектов республики – радикал-секуляристского, или, как его называют в Турции, лаицистского, и гражданского мусульманского – выбирают тот, что был предложен ученым и мудрым старцем, а не военным реформатором.

За годы правления Тайипа Эрдогана выросло целое поколение турок, для которых развитие, экономический рост и успехи страны на мировой арене ассоциируются с исламистами-технократами. Турция сейчас соперничает с Китаем и Сингапуром в экономике и серьезно укрепила свои позиции на мировой политической арене.

Тут и секрет «турецкого исламского чуда», когда такие сложные процессы, связанные с религией и политикой, проходят мирно, без крови и потрясений, как у соседей, и причины крайней слабости экстремистских течений под исламскими лозунгами. Тот же самый процесс формирования общественно-политической системы, адаптировавшей ислам к современности, или наоборот, кому как больше нравится, который сегодня сотрясает арабские страны,

идет здесь мягко, эволюционно, по сравнению с соседями – бархатно.

Что ни говори, но значительная часть старой турецкой элиты приняла либерал-исламистов, не разделяя их идей, но интуитивно понимая, куда дует ветер истории. В это же время в Египте, ключевой арабской стране, Хосни Мубарак колебался, пустить ли таких же, как Эрдоган, умеренных исламистов в политику или нет. В конце концов проект партии «Васат», который ждал отмашки главы государства, не состоялся. А пойдись история по-другому, Мубарак считался бы сегодня мудрым реформатором, приведшим страну к консервативной мусульманской демократии, а не лежал бы месяцами парализованный в клетке, проклинаемый, как минимум, значительной частью своего народа.

Новый исламский демократический мир

Исламский мир, стагнировавший на протяжении последних 300 лет, сегодня пробуждается, что превращает проблему его самоопределения на мировой арене в один из ключевых вопросов международной безопасности в XXI в. Бурное развитие, самоопределение, поиски себя в современности на Большом Ближнем Востоке затянутся на многие десятилетия.

Наступает время учить арабский. Не зря ЦРУ еще несколько лет назад подчеркивало, что предпочтения при приеме на работу в ведомство отдаются тем, кто владеет арабским или фарси. Видимо, есть те, кто интуитивно нащупывает то, где реально делается история, и то, что меняет картину человечества на многие годы вперед.

Мусульманская цивилизация сегодня как бы задвинута в тень, ее колоссальный вклад в развитие человечества (от алгебры и химии до влияния на европейскую Реформацию и Возрождение) игнорируется и замалчивается. Это запрятанная в шкаф цивилизация, о которой всерьез предпочитают не вспоминать. Такая ситуация сложилась в результате как внутренних процессов эрозии, так и прямой иностранной агрессии.

Однако многие мусульманские интеллектуалы считают, что исламская цивилизация вновь, как птица феникс, готовится восстать из пепла. Пророческими тут кажутся слова великого Тойнби и его заочный спор с не менее великим Гегелем. Последний предрекал, что исламская цивилизация, исчерпав весь свой запал, погружается в глубокий многовековой сон. Но уже через несколько

десятилетий Тойнби в «Постижении истории» был вынужден констатировать не только «бодрствование» исламской цивилизации как таковой, но также и то, что «в свете предыдущей истории весьма опрометчиво подписывать смертный приговор такому живучему учреждению, каким является халифат... Потенциал его оказался столь велик, что он не только пережил века, но и дважды возрождался из небытия».

К сожалению, без крови и потрясений возрождение исламской цивилизации не обходится. Европейские революции середины XIX в. тоже были отнюдь не бархатными, напоминают в этой связи продвинутые арабские авторы.

Некоторые исследователи, конечно, усматривают в обращении к либеральному и демократическому подходам циничный маневр исламистов и приравнивают эту стратегию к стратегии коммунистических партий, которые в своих интересах время от времени говорили языком демократии. Но, скорее, мы имеем дело с новым этапом развития в исламском политическом движении, которое вынуждено реагировать на современные вызовы. Потом надо все-таки разделять левых и исламистов. Есть турецкая ПСР, «Братья-мусульмане», а есть джихадисты, ИГИЛ и «Хизб ут-Тахрир», как есть, скажем, австрийские социал-демократы, французские и испанские социалисты, а есть Пол Пот или колумбийская ФАРК.

Так, З. Бжезинский считает, что синтез «исламского фундаментализма» и «исламизма» будет прямо или косвенно способствовать демократизации исламского мира. По его мнению, нет причин абсолютной несовместимости ислама и демократии. Но при этом он замечает, что задача «переваривания» исламского мира сложнее даже создания Трансатлантического сообщества после Второй мировой войны. Евгений Примаков занимал схожую позицию, выступая за разделение понятий исламского экстремизма и исламского фундаментализма. С последним он связывал перспективу перехода в «исламскую демократию, соседствующую с традиционными ценностями».

Демократия – один из главных камней преткновения, «проклятых вопросов» исламского пробуждения XX–XXI вв. Цивилизация пытается найти ход к своему прочтению современности.

Сводить же весь этот колоссальный процесс к частной проблеме радикализма, как у нас часто бывает, значит упускать из виду весь его масштаб. Да, порой бурлящая энергия, особенно молодежи, к сожалению, находит выход в экстремистских формах

протеста. Это неадекватный ответ на трехсотлетнее унижение и упадок их цивилизации и своего рода попытка взять реванш. Но этим дело не ограничивается. За перегибами и издержками подросткового максимализма необходимо разглядеть ключевую тенденцию – стремление исламского мира найти достойное место на планете, соответствующее его потенциалу и вкладу в развитие всего человечества.

«XI Фаизхановские чтения.

*Ислам в Рязанской области: Прошлое, настоящее
и будущее: Материалы XI Всероссийской научно-
практической конференции, г. Рязань, 14 апр. 2015 г.»,
М., 2016 г., с. 14–30.*

А. Закутин,

политический аналитик

МИРОВОЙ ТЕРРОРИЗМ: ИСКУССТВЕННЫЙ СТРАХ СОВРЕМЕННОСТИ

Проблема мирового терроризма и возможность эффективной борьбы с ним обсуждается аналитиками и политическими деятелями далеко не первый год. Получив статус «мировой угрозы», образ ужасающего терроризма ворвался в Голливуд, международную информационную повестку и дискуссии на ведущих политических площадках. Небрежным образом объединив различные радикальные группировки в устрашающее понятие «мировой терроризм», мы создали симулякр глобальной угрозы и запустили необратимый процесс самоустрашения и демонизации данного явления. Да, глупо было бы отрицать то, что масштабы террористических атак возросли, что преступная сеть окутала континенты множеством ячеек, тем не менее именно общее согласие с наименованием отдельно взятой преступной активности грозным эпитетом «мировой» легитимизировало новый статус терроризма. Терроризм как угроза человечеству, новый враг – все это в первую очередь было образом, позволяющим создавать целый комплекс новых механизмов в области внутренней и внешней политики в мире с явно доминирующим центром – США.

Нередко проблеме терроризма рассматривают в разрезе глобальной демократизации, задаваясь вопросом: как развитие глобального рынка влияет на мировой терроризм? Кто-то, как американский теоретик Джеффри Франкел, стоит на том, что откры-

тые международные структуры подразумевают расширение террористических сетей, кто-то, как известный исследователь терроризма Куинли Шауб, уверен в том, что глобализация снижает риск террористических атак. Так или иначе, мировой терроризм рассматривается как сторонний актер в процессе глобализации, огромный пласт исследований базируется на мысли о том, что любое экстремистское политическое действие идет вразрез с тенденциями расширения открытого общества и рынка. Но так ли это? Если мы обратимся к истории терроризма, мы увидим множество примеров кровавой борьбы за определенные ценностные устои, противопоставляющиеся культурной, религиозной или политической экспансии. Но справедливо ли назвать явление под кодовым названием «мировой терроризм» – ведущей антиглобалистской силой сегодня? Финансирование американской элитой, военная подготовка талибов и снабжение их современным на тот момент оружием, все это сегодня, что называется, секрет Полишинеля. Прямая и косвенная поддержка чеченских боевиков окончательно открыла глаза на суть мирового терроризма. Террористические ячейки служили и во многом продолжают служить инструментом в большой геополитической игре. Любопытно в данном случае то, что экстремисты могут трактоваться как «свободолюбивые борцы», так и как «кровавые радикалы» в зависимости от контекста необходимого для установления той или иной силы, лояльной политической глобализации.

Ярые вопли неоконсерваторов США, их призывы к уничтожению исламского фундаментализма смотрятся актуально лишь при воинственной повестке отмщения за угрозу стабильности демократии. Праведный крестовый поход Буша выглядит особенно справедливым, когда тысячи публикаций и экспертных выступлений в едином порыве осуждают радикализм Ближнего Востока. В это же время, те же американские спикеры и политические деятели считают уместным выразить свое уважение стремлению кавказских сепаратистов в их подпольной борьбе с государством. Иными словами, перед нами открывается следующая неоднозначная картина: пока одна рука заносит меч над государством, укрывающим Усаму бин Ладена, другая рука щедро одаривает информационный рупор Доку Умарова. Такой «мировой терроризм» – отличный медийный продукт, который может приобретать разнообразные смысловые формы.

Так в чем же антиглобализм, если речь идет о мировом терроризме? Зарабатывая на геополитических противоречиях, терро-

ристические организации по всему миру являют собой пример циничного широкомасштабного бизнеса. Саудовская Аравия, как влиятельный инвестор, держит в тонусе подпольную сеть, охватывающую континенты. США, поддерживающие отряды сирийских боевиков, закрывают глаза на присутствующих среди них представителей той же «Аль-Каиды», вызывавшей не так давно непомерный ужас у любого американского гражданина. В условиях глобальной информации отряды вооруженных экстремистов могут играть разнообразные роли, причем сами того не ведая. Решая зачастую свои региональные проблемы, воодушевленные метафизическими идеалами, рядовые террористы становятся массовой большого спектакля в театре утверждения проамериканской глобализации. Не нужно быть отъявленным конспирологом, чтобы понять, для чего зачастую политкорректность Голливуда обходит стороной арабов, рисуя их кровожадными фанатиками, не нужно быть экспертом информационных манипуляций, чтобы задуматься, почему вдруг на Ближнем Востоке с такой скоростью распространяется новость о сожженном где-то Коране или транслируется переведенная на арабский «Невинность мусульман». Какими глупыми должны быть аналитики и прогнозисты США, если при расчете последствий массированных бомбардировок, они небрежно не учли то, что это вызовет лишь рост поддержки радикальных сил в регионе.

Терроризм сегодня не является реальным вызовом современному мировому порядку. Многие террористические ячейки можно обозначить как игрушки – марионетки с некоторыми порванными нитями. «Исламское государство», широко освещенное в международной повестке, – пример Франкенштейна, рожденного в лаборатории по борьбе с мировым терроризмом. В своей неистовой войне за «праведный облик ислама» эта организация почему-то настроена на разрушение суверенитетов и культурной пестроты региона. Провалив переворот в Сирии, радикальные исламисты устремились к новым целям, вероятно отличным от тех, что вызвали ожидаемую поддержку западных элит. Красочные постановки казней, работа в социальных сетях, отменная стилистика, все это описывает новый подход к освещению мирового терроризма. Все это так похоже на очередной блокбастер, рассказывающий нам о простом американском солдате, который победит «мировое зло». Терроризм не будет побежден, ведь он необходим оружейным корпорациям, нацеленным на огромные прибыли, СМИ, постоянно определяющим внешнего врага. Не менее необходим он

и политической элите, мобилизующей население планеты на борьбу с ветряными мельницами, но не со спрутом, тесно сжимающим ослабевающие государства в своих щупальцах демократической глобализации.

*«Геополитика (информационно-аналитическое издание). Терроризм»,
М., 2014 г., вып. XXV, с. 48–50.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2016 – 9 (291)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 13/IX-2016 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 7,9 Уч.-изд. л. 7,4
Тираж 250 экз. Заказ № 116

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9